П. П. Иванов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

П. П. ИВАНОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

(XVI — середина XIX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1958

Ответственный редактор
член-корреспондент Академии наук СССР
А. К. БОРОВКОВ

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

(Несколько предварительных замечаний об «Очерках по истории Средней Азии» П. П. Иванова)

«Очерки» П. П. Иванова известны многим историкам Средней Азии не только благодаря упоминаниям о них в литературе [1], но и потому, что эта рукопись была передана в распоряжение авторов 2-го тома «Истории народов Узбекистана» и частично была использована ими при составлении этого коллективного труда [2].

«Очерки» были задуманы еще в 1938 г. Первую часть, от арабского завоевания до начала XVI в., взял на себя труд написать ныне покойный А. Ю. Якубовский, а вторую часть, от XVI до XIX в.,— П. П. Иванов. К началу 1941 г. обе части были закончены, но вылились по существу в две самостоятельные монографии. Это был первый опыт марксистского освещения истории Средней Азии.

По просьбе издательства авторы согласились придать своим «Очеркам» научно-популярный характер, с тем чтобы они были полезны широкому кругу историков и преподавателей. В июне 1941 г. Госполитиздат принял «Очерки по истории Средней Азии XVI—XIX вв.» П. П. Иванова к печати, но началась война, печатание было отложено, а сам П. П. Иванов умер в Ленинграде в суровый 1942 г., 2 февраля.

С тех пор прошло 16 лет. За это время появилось много новых исследований и материалов по отдельным

---

[1] А. Ю. Якубовский, *Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии* («Советское востоковедение», т. V, 1948), стр. 319.

[2] «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947, Предисловие, стр. 5.

вопросам истории народов Средней Азии. Сам П. П. Иванов в своем введении к «Очеркам» отмечал большие достижения советских историков Средней Азии: «Бесспорной заслугой советских востоковедов,— писал он,— является то постоянное внимание, какое уделялось ими почти не затрагивавшимся в старой буржуазной историографии вопросам социально-экономической истории, так же как и задаче издания и переводов источников». При этом П. П. Иванов должен был признать, что сделанного «крайне недостаточно с точки зрения тех требований, какие предъявляются к истории каждого народа марксистской историографией». Теперь положение, конечно, значительно изменилось. Ряд исследований проф. А. А. Семенова [3], О. Д. Чехович [4], А. Л. Троицкой [5], А. Х. Хамраева [6] и других значительно пополнил сведения об источниках по истории народов Средней Азии XVI—XIX вв. Углубилось и расширилось изучение архивных материалов XVIII—XIX вв., и это помогло, в частности, точнее и объективнее судить о колониальной

---

[3] *«К истории дипломатических отношений России Александра I с Бухарой эмира Хайдара»*. Тезисы докладов научной сессии, посвященной 25-летию САГУ, Ташкент, 1945, стр. 140—142; *«Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре»* («Советское востоковедение», т. V, 1948), стр. 137—153; *«К истории дипломатических сношений между Россией и Бухарой в начале XIX в.»* («Известия АН УзССР», 1951, № 1), стр. 85—95; *«К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана»* («Труды АН Таджикской ССР», т. XII, вып. 1, 1954), стр. 3—37.

[4] *«Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве»*, вып. 1, XVII—XIX вв., Ташкент, 1954; *«Собрания восточных актов в Узбекистане»* («Бюллетень АН УзССР», 1947, № 4), стр. 26—28; *«Собрание восточных актов Академии наук Узбекистана»* («Исторические записки АН СССР», т. 26, М., 1948), стр. 306—311; *«К истории Узбекистана в XVIII в.»* («Труды Института востоковедения АН УзССР», вып. III, Ташкент, 1954), стр. 43—82.

[5] *«Земельно-водная политика хивинских ханов 1850—1857 гг.»* (Сб. Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. II, Л., 1954), стр. 75—88; *«Заповедники» — курук кокандского хана Худояра* (Сб. Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, вып. III, Л., 1955), стр. 122—156.

[6] *«Несколько образцов наследственного вакфа»* («Бюллетень САГУ», вып. 25, Ташкент, 1947), стр. 205—217; *«К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в.»* («Труды САГУ», новая серия, вып. 9, Гуманитарные науки, кн. 11, Ташкент, 1948) и др.

политике царизма в Средней Азии, об ее отдельных этапах, последствиях и истинной классовой природе социальных конфликтов, возникавших в XVIII—XIX вв.[7]. Новые материалы помогли в значительной степени преодолеть схематизм и догматизм в оценке как реакционных феодально-монархических восстаний, так и народных крестьянских движений в XIX в. Все это нашло свое отражение в сводных трудах по истории народов Средней Азии.

За последнее десятилетие вышли в свет обобщающие труды: «История Казахской ССР», т. I, изд. 3 (Алма-Ата, 1957); «История народов Узбекистана», т. II (Ташкент, 1947) и т. I (Ташкент, 1950) и в новом издании «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1 и 2 (Ташкент, 1956); Б. Г. Гафуров, «История таджикского народа», т. I, изд. 3 (М., 1955), «История Туркменской ССР» (Ашхабад, 1957). Во всех этих капитальных трудах с большей или меньшей подробностью рассматривается история народов Средней Азии в период XVI—XIX вв.

Большое значение для историков Средней Азии приобрели научные дискуссии по многим узловым вопросам истории народов Средней Азии, в частности, очень много дала историкам объединенная научная сессия Академии наук СССР и академий наук республик Средней Азии и Казахстана, созванная в 1954 г. в Ташкенте. На этой сессии были обсуждены вопросы большой значимости: о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, о формировании буржуазных наций в Узбекистане и Казахстане, о характере восстания 1916 года в Средней

[7] Сб. «Россия и Туркмения в XIX веке». К вхождению Туркмении в состав России, т. I, Ашхабад, 1946; В. Я. Непомнин, *Прогрессивное значение присоединения Средней Азии к России* («Известия АН УзССР», 1954, № 1), стр. 41—61; Л. А. Перепелицина, *О влиянии культуры русского народа на культуру народов Туркестанского края*» («Труды САГУ», вып. 51, Филологические науки, кн. 5, Ташкент, 1954), стр. 79—108; М. К. Рожкова, *Экономическая политика правительства и русская буржуазия на Среднем Востоке во второй четверти XIX в.* («Известия АН СССР», Серия ист. и филос., т. V, вып. 5, М., 1948), стр. 451—454; А. Якунин, *К вопросу об оценке характера национальных движений 30—40 гг. XIX в. в Казахстане* («Вопросы истории», 1951, № 4); «Материалы по истории таджиков и Таджикистана», Сборник 1, Сталинабад, 1945, и др.

Азии и Казахстане, о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху [8].

П. П. Иванов всегда относился вдумчиво и с большим вниманием к мнениям и замечаниям своих коллег, и, разумеется, не раз бы вернулся к высказанным им в своих «Очерках» положениям в свете новых данных и еще больше углубился бы в изучение материалов и источников.

Главной своей задачей, П. П. Иванов как историк считал исследование исторических памятников XVI—XIX вв., до него почти не изученных. За короткий сравнительно срок П. П. Иванов проделал огромную работу в избранном им направлении. «Очерки по истории Средней Азии XVI—XIX вв.» явились для него вполне закономерным этапом подведения итогов многолетнего труда. Своим «Очеркам» П. П. Иванов предпослал краткое введение. Естественно, что сейчас, через такой относительно большой срок, введение в целом утратило свое значение, а потому и заменено этими предварительными замечаниями, но его важнейшие положения заслуживают всяческого внимания, поскольку поясняют исходные теоретические предпосылки, которыми руководствовался П. П. Иванов в освещении разных сторон истории народов Средней Азии в период XVI—XIX вв.

Период XVI — первой половины XIX в. П. П. Иванов выделял особо, во-первых, потому, что, по его словам, с начала XVI в. произошли значительные общие изменения, «вызванные великими морскими открытиями, совершенно изменившими направление мировых торговых путей, вследствие чего ряд стран Среднего Востока, в том числе и Средняя Азия, лишаются возможности участвовать в международном обмене и как бы замыкаются на определенной узкой территории». К этому П. П. Иванов присоединял «события более частного характера», именно: «прекращение политических и экономических связей с Ираном, с которым Средняя Азия жила на протяжении многих столетий более или менее общей жизнью», и то обстоятельство, что длительная борьба казахских и узбекских ханов, начиная с XVI в., «на долгое время нарушила торговые связи меж-

---

[8] См.: *«Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период»*, Ташкент, 1955.

ду Средней Азией и Китаем»[9]. Кстати сказать, П. П. Иванов повторил все это во II главе своих «Очерков».

В какой-то мере все эти соображения являются данью авторитету акад. В. В. Бартольда, который несомненно переоценивал значение торговых путей, поскольку рассматривал исторический процесс с точки зрения теории культурных влияний.

Более основательным является другое обстоятельство, на которое указывал во введении П. П. Иванов,— к началу XVI в. с распространением узбеков Шейбанихана и появлением «на территории Средней Азии — главным образом на ее периферии» — казахов, киргизов, каракалпаков и «отчасти других тюркоязычных племен и народностей» окончательно сложились те народы, историческая деятельность которых и составляет особенность периода от начала XVI в.

П. П. Иванов оговаривался, что «детальное рассмотрение истории каждого из народов Средней Азии в отдельности не может входить в нашу задачу» и имел в виду в своих «Очерках» сосредоточить «главное внимание на изображении той общей исторической обстановки, которая в одинаковой мере влияла на судьбы отдельных национальностей и обусловливала собою те или иные их взаимоотношения». Такого рода понимание задач исследования истории Средней Азии XVI—XIX вв. находило тогда свое оправдание прежде всего в еще недостаточной изученности гражданской истории того периода. Следует иметь в виду также, что по существу единственный общий очерк политической истории Средней Азии XVI—XIX вв., который В. В. Бартольд дал в своей «Истории культурной жизни Туркестана» (Л., 1927), занимает всего 22 страницы. Работу надо было проделать заново по первоисточникам. П. П. Иванов, совершенно естественно, начал с «общей исторической обстановки» и с выяснения ряда широких проблем истории Средней Азии XVI—XIX вв.

А. Ю. Якубовский отмечал в некрологе, что П. П. Иванов обосновал свою точку зрения на периодизацию истории Средней Азии XVI—XIX вв.; при этом П. П. Иванов оговаривался, что «исключительное много-

[9] Ср. А. Ю. Якубовский, *Павел Петрович Иванов...*, стр. 320.

образие как социальных, так и физико-географических условий, под влиянием которых протекала хозяйственная деятельность населения отдельных районов Средней Азии», исключает одну простую и общую для всех народов Средней Азии схему. П. П. Иванов имел в виду районы оседлые «с их развитой городской жизнью, ремесленным производством, земледелием и сравнительно высоким уровнем товарно-денежных отношений» и районы кочевые «с их примитивными формами экстенсивного скотоводства, отсутствием какой бы то ни было прочной оседлости, крайней неразвитостью ремесла и натуральной или полунатуральной формой хозяйства». С такого рода оговорками П. П. Иванов предложил «некоторую условную схему для районов оседлых», причем и здесь оговорился, что он не претендует «ни на исчерпывающую точность хронологических определений, ни на полноту соответствующей характеристики». При этом П. П. Иванов имел в виду три следующих исторических периода:

«I. Период правления династии Шейбанидов (1500—1599), характеризуемый, с одной стороны, значительной централизацией политической власти, с другой — зарождением крупного землевладения узбекской военно-феодальной знати, возникающего на основе бенефициальных пожалований со стороны ханской власти и потому всецело зависящего от усмотрения той же ханской власти.

II. Период феодального распада Средней Азии, характеризуемый упадком значения ханской власти и усиленным ростом крупного землевладения узбекских феодалов, рассматривавших пожалованные им земли в качестве наследственных ленных владений и пользовавшихся правами не только помещика-землевладельца, но и суверенного правителя. Начало данного периода относится к первым годам XVII в., конец — к началу второй половины XVIII столетия.

III. Период политической консолидации, характеризуемый ликвидацией большинства мелких феодальных владений и возникновением на их месте трех централизованных феодальных деспотий — ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского, вступивших в начале XIX в. в борьбу между собою за политическую гегемонию в Средней Азии. Исход этой борьбы не успел определить-

ся, и вслед за ним начинается новый, четвертый период, продолжавшийся, как известно, до октября 1917 года».

Самый характер первоисточников не давал зачастую возможности увидеть истинную природу феодальных отношений в период XVI—XIX вв. Исторические хроники, как правило, или избегают излагать историю народных масс, или заведомо искажают характер их борьбы против феодальной эксплуатации. Актовый материал, характеризующий формы землевладения и землепользования, представляет эти формы в известной мере односторонне, с точки зрения отвлеченных юридических догм мусульманского права, и, возможно, не отражает фактического положения дел в разные периоды.

Еще менее освещены были полупатриархальные-полуфеодальные отношения среди кочевников-скотоводов, затемнявшие формы эксплуатации и классовое расслоение в кочевом обществе, тем более, что кочевники в период XVI—XIX вв. находились в особо тяжелых политических и экономических условиях. Нашествия калмыков (ойратов) и систематическое уменьшение территорий сезонных перекочевок создавали предпосылки для усиления эксплуатации и обнищания масс кочевников. Вместе с тем завоевания Шейбани-хана и массовое переселение кочевых узбеков в районы оазисного земледелия, их политическое господство в Средней Азии, образование трех узбекских ханств вызвали новые процессы, новые национальные и социальные конфликты в жизни народов Средней Азии.

В своих «Очерках» П. П. Иванов не прошел мимо всех этих сложных исторических проблем. Однако у него не всегда достаточно четко и определенно сформулированы исходные положения о развитии феодализма, феодальной собственности, формах феодальной эксплуатации крестьянства. Исходя из общепринятых представлений о государственной собственности на землю, П. П. Иванов склонен был видеть «феодализацию» в разных формах пожалования земель, феодальный гнет в повинностях, налогах и обязанностях населения перед государством. Слов нет,— государственные налоги и повинности тяжелым бременем ложились на крестьянство, однако необходимо было подчеркнуть также, что в роли эксплуататоров земледельцев выступало не только государство, но и отдельные феодалы. В периоды существо-

вания централизованных государств (ханств-деспотий), как и в периоды их распада, феодальная эксплуатация крестьянства не ослабевала, следовательно, зависимость крестьян от феодальных собственников сохраняла свое значение и не была абстрактной. Но, несмотря на это, исследование П. П. Иванова не теряет своей ценности, коль скоро и до сих пор не все проблемы такого рода достаточно выяснены, хотя за последние годы в этом отношении советские историки Средней Азии сделали очень много.

В такой же мере спорными и недостаточно разработанными остаются вопросы этногенеза и образования узбекского народа, происхождения и сложения казахского народа и т. д., затрагиваемые в «Очерках» П. П. Иванова. К этим вопросам возвращались позднее А. Ю. Якубовский [10], В. Ф. Шахматов [11], А. А. Семенов [12] и другие.

Наиболее бегло в «Очерках» П. П. Иванова разработаны разделы, касающиеся истории культурной жизни народов Средней Азии XVI—XIX вв. В этой области П. П. Иванов сам работал мало и полагался на доступные труды историков и филологов. Сейчас в этой части потребовались бы поправки и дополнения, в частности, не так ясно отношение к «золотоордынской письменности» среднеазиатского тефсира, поэм Хорезми, Кутба и Хусам-катиба. Вообще литературный язык и литература Золотой Орды тесно связаны с восточнотюркской уйгурской традицией (и при тимуридах в XV в. появлялись сочинения и документы, переписанные уйгурским письмом, или параллельно арабским и уйгурским) и, как справедливо отмечал А. Ю. Якубовский, «в создании литературного языка и литературной культуры Золотой Орды таже большую роль сыграл Хорезм» [13].

---

[10] А. Ю. Якубовский, *К вопросу об этногенезе узбекского народа*, Издательство Узбекского филиала АН, Ташкент, 1941.

[11] «История Казахской ССР», т. I, Алма-Ата, 1957, стр. 131—144.

[12] А. А. Семенов, *К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана* («Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XII, вып. 1, 1954), стр. 7—37.

[13] См. главу «Черты культурной жизни Золотой Орды» в кн.: Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский, *Золотая Орда и ее падение*, М.—Л., 1950, стр. 160—176; о поэме Кутба см.: А. Н. Самойлович,

Только в самых общих чертах намечены в «Очерках» очень важные вопросы о влиянии мусульманской религии и духовенства на массы трудового населения, о развитии культуры и литературы в XVI—XIX вв.

Акад. В. В. Бартольд отметил в своей книге «История культурной жизни Туркестана» (стр. 97), что в Бухаре, которая с XVI в. стала приобретать значение столицы Туркестана, «продолжались литературные работы на персидском языке; историческая литература Средней Азии при узбеках по качеству и количеству стояла даже выше, чем в прежние века; продолжались также работы по созданию переводной и подражательной литературы на турецком языке, в том числе и исторической». Под персидским языком В. В. Бартольд разумел таджикский литературный язык, под турецким, соответственно, узбекский литературный язык XVI—XIX вв. Сейчас в этих областях проведено много новых исследований и подвергается сомнению обычное утверждение об общем культурном упадке в Средней Азии в XVI—XIX вв.[14].

«Очерки» состояли первоначально из десяти глав, в последних трех главах кратко излагалась история и история культурной жизни народов Средней Азии во второй половине XIX в. Поскольку содержание этих глав с гораздо большей полнотой представлено в опубликованных и упомянутых выше трудах по истории народов Средней Азии, не было оснований сохранять их в настоящих «Очерках». Сам П. П. Иванов отметил в своем введении к «Очеркам» особый характер последних трех глав. «Что касается второй половины XIX в.... — пи-

---

К истории среднеазиатско-турецкого языка («Сборник Мир-Али-Шир», Л., 1928), стр. 6; А. Заянчковский, *Старейшая тюркская версия поэмы Хосрев-у-Ширин Кутба* (Сборник „Charisteria orientalia", Praha, 1956), стр. 387—396.

[14] См. выступление О. Д. Чехович, *Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана...*, стр. 543—547; там же доклад Р. Н. Набиева, стр. 446; А. Н. Болдырев, *Зайнаддин Васифи*, Сталинабад, 1957, стр. 245—307; «История Казахской ССР», т. I, изд. 3, Алма-Ата, 1952, стр. 138—149 и 290—297; «Очерки по истории Киргизской ССР», ч. 1, Фрунзе, 1952, стр. 117—127; «История Туркменской ССР», т. 1, Ашхабад, 1955, стр. 445—454; Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа*, т. 1, Госполитиздат, 1949, стр. 375—379 и 394—398; Бердах, *Избранные произведения («Библиотека классиков каракалпакской литературы»)*, Ташкент, 1951.

сал он, — то имеющаяся здесь литература, в том числе и марксистская, настолько обширна, что исчерпать ее в сколько-нибудь достаточной степени было бы в нашем небольшом очерке весьма затруднительно. Мы ограничиваемся поэтому лишь самыми краткими данными общего характера, ни в какой мере не претендуя на задачи исследовательского характера».

В связи со снятием последних глав несколько сузились хронологические рамки «Очерков», что нашло отражение и в их названии.

Разумеется, «Очерки» П. П. Иванова в некоторых своих частях требовали бы сейчас дополнений и разъяснений, некоторые положения книги остаются спорными. Но и в этом виде «Очерки» сохраняют немалое значение для дальнейших исследований в области истории Средней Азии XVI—XIX вв. — периода, обильного источниками и материалами, но недостаточно изученного.

Давно уже назрела необходимость в систематическом и полном изложении истории народов Средней Азии в период XVI—XIX вв. Но для этого еще далеко не все сделано. Предстоит осуществить немало исследований по истории крестьянства, городской жизни и ремесла, по истории и экономике отдельных областей и т. д., помимо политической истории узбекских ханств в Средней Азии в XVIII и начале XIX вв., где также еще много неясного.

В текст «Очерков» П. П. Иванова вносились исправления исключительно стилистического характера. Только в кратком обзоре важнейших источников по истории Средней Азии и в указателе литературы перечислены некоторые новые исследования, появившиеся после 1942 г. Свою роль редактора я выполнил как друг П. П. Иванова, из величайшего уважения к его светлой памяти.

А. БОРОВКОВ.

14 июня 1957 г.

СРЕДНЯЯ АЗИЯ
в XVI—XVIII вв.

Глава I

УЗБЕКИ И КАЗАХИ ДО РАССЕЛЕНИЯ ИХ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В противоположность большинству тюрко-монгольских народов, совершавших свои передвижения на территорию Средней Азии от границ Монголии и предгорий Алтая, узбеки и казахи явились в Среднюю Азию с запада, с территорий Золотой Орды. Это не значит, конечно, что предки обоих названных народов были аборигенами южнорусских или приволжских степей,— они также пришли туда с далекого северо-востока Азии, но движение их совершалось в разное время и не может быть определено с достаточной точностью. Можно полагать, что большинство тюрко-монгольских племен появилось на территории Золотой Орды вскоре же после образования этого государства. Однако не следует забывать, что видную роль среди них играли кипчаки и другие тюркские племена, разместившиеся в южнорусских степях еще задолго до монгольских завоеваний.

Этнический состав населения Золотой Орды изучен пока недостаточно; в такой же мере слабо известна нам и картина расселения на ее территории целого ряда племен, вошедших в последующее время в состав узбеков и казахов.

Особенно недостаточны наши сведения по истории Золотой Орды в период ее распада, значительно усилившегося во второй половине XIV в. и завершившегося лишь через столетие. Происходившие в это время массовые передвижения кочевников, их новые группировки, распад одних племенных объединений и возникновение других, политическая и хозяйственная жизнь кочевого населения известны нам лишь в самых общих чертах.

В 90-х годах XIV в. огромные перемены в жизнь кочевников Золотой Орды внесли походы Тимура, положившие конец могуществу Золотоордынского государства. Насколько значительны были эти перемены, подтверждают слова одного из историков Тимура — Ибн Арабшаха, который, описывая прежнюю жизнь Золотой Орды, говорит о последней как о стране чрезвычайно населенной, богатой скотом и всеми необходимыми продуктами, стране, пользующейся полной безопасностью на всем ее пространстве «от Крыма до границ китайских».

Совершенно иначе изображает эту страну тот же историк после опустошительных нашествий Тимура. «Ныне же,— говорит он,— в тех местностях от Хорезма до Крыма никто из тех народов не движется и не живет и нет там другого общества... кроме газелей и верблюдов».

Вызванный походами Тимура упадок экономической, в частности торговой, деятельности Золотой Орды способствовал и политическому раздроблению ее территории. На северо-западе усилилось и постепенно приобрело независимость Московское государство. По среднему и нижнему течению Волги к середине XV в. образовались ханства Казанское и Астраханское, южная часть Золотой Орды — Хорезм перешла во власть тимуридов, на юго-западе возникло Крымское ханство. В первых же десятилетиях XV в. завершилось обособление обширных кочевых районов, простиравшихся на восток от Волги до Западно-Сибирской низменности и составлявших в XIII—XIV вв. так называемую Белую Орду, находившуюся под властью различных полунезависимых династий, родственных ханам Золотой Орды.

Границы обширной территории, входившей в состав Белой Орды, можно определить лишь приблизительно — от левобережья нижней Волги до южных склонов Урала на севере и до бассейна Иртыша на северо-востоке. Здесь владения ханов Белой Орды соприкасались с восточной частью улуса Чагатая, носившей в XIV—XV вв. название Моголистана. Впрочем, говорить о точных границах Белой Орды и Моголистана не представляется возможным, так как оба эти государства были населены кочевниками-скотоводами, постоянно совершавшими свои перекочевки и не соблюдавшими строго каких-либо политических границ.

В такой же мере трудно говорить о точных границах Белой Орды на юге, где это государство соприкасалось с владениями тимуридов. Можно лишь указать, что, с одной стороны, эта граница проходила где-то севернее Аральского моря и южнее Мангышлака, с другой — через низовья Сыр-Дарьи, чаще, впрочем, принадлежавшие Белой Орде, чем тимуридам.

Сколько-нибудь значительных населенных пунктов на всем этом обширном пространстве не существовало, если не считать Саурана, Сыгнака, Туркестана (Ясы) и некоторых других небольших торговых городов, расположенных в низовьях Сыр-Дарьи. Центром Белой Орды был Сыгнак, игравший значительную роль на протяжении XIV и XV вв., как это будет показано ниже. Ни время возникновения Белой Орды, ни особенности ее политической и социально-экономической жизни не подвергались пока специальному исследованию и не могут быть поэтому освещены с достаточной полнотой, хотя для изучения вопроса о взаимоотношениях между Золотой Ордой и Средней Азией именно эта часть Золотоордынской территории представляет для нас весьма значительный интерес.

Один из персидских источников, написанный около 1415 г., так называемый Аноним Искандера, сообщает, что обособление Белой Орды и выделение ее из общего состава Золотой Орды в качестве полунезависимой политической единицы произошло в конце XIII — начале XIV в., что совпало со временем правления золотоордынского хана Тохты (1290—1312), когда, по словам названного источника, улус Джучи распался на две части — «левое крылс», или Белая Орда (Ак-Орда), и «правое крыло», или Золотая Орда (Кок-Орда). Белая Орда находилась под управлением особой династии, о происхождении которой в источниках и литературе встречаются лишь самые общие сведения. Родоначальником ханов Белой Орды был старший сын Джучи — Орда, ставка которого, по словам Плано Карпини, находилась к востоку от озера Ала-Куль, откуда она была, по предположению В. В. Бартольда, перенесена впоследствии на берега Сыр-Дарьи. Орда вступил на престол в 1226 г.; год его смерти неизвестен, отмечено лишь, что в 1251 г. правил уже его сын Хункиран. По данным Анонима Искандера, основанным, по-видимому, на каком-

то недоразумении, династия ханов Белой Орды ведет свое происхождение от известного временщика Золотой Орды Ногая, сын которого, Сасы-Бука, будто бы явился первым правителем улуса (ханом) Ак-Орды. Порядок и годы правления отдельных ханов Белой Орды определяются восточными источниками различно.

В период, когда Золотая Орда представляла собой достаточно прочное государство, правители Белой Орды не играли самостоятельной роли, находясь на положении вассалов золотоордынского хана. Наоборот, в период начавшихся в Золотой Орде смут, особенно усилившихся с 60-х годов XIV столетия, ханы Белой Орды были, по-видимому, вполне независимы.

Аноним Искандера отмечает, что Сасы-Бука, «сын Ногая», «по-прежнему соблюдал правила подчинения и повиновения» золотоордынским ханам и «не уклонялся ни от одного вызова и курултая». Правил Сасы-Бука около 30 лет; умер, по одним данным, в 1321 г. (Аноним Искандера), по другим — в 1315 г. (Лэн-Пуль), в городе Сауране. Весьма видное место среди ханов Белой Орды занимает сын и преемник Сасы-Буки, Эрзен-хан,— современник золотоордынского хана Узбека (1312—1340). Эрзен-хан был посажен на престол Узбеком, верным вассалом которого он себя считал. Эрзен-хан изображается весьма могущественным правителем, пытавшимся установить на всей подчиненной ему территории прочный государственный порядок на феодальной основе.

Все свое царство, говорит Аноним Искандера, хан разделил на области и уделы, которые он распределил между своими родственниками по старшинству. Подобно хану Узбеку, Эрзен-хан заботился о распространении среди своих подданных ислама и строил с этой целью мечети и медресе в Сауране, Отраре, Дженде и других городах в низовьях Сыр-Дарьи. Смерть Эрзен-хана, правившего 25 лет, наш источник относит к 1344 г. Хан был похоронен в городе Сыгнаке.

В таблицах «Мусульманских династий» Лэн-Пуля имя хана Эрзена не встречается. В период между 1320—1344 гг. в Белой Орде правил, по данным Лэн-Пуля, хан Мубарек-ходжа. Возможно, что это мусульманское имя Эрзена, хотя Аноним Искандера называет Мубарек-ходжу старшим сыном Эрзена, начавшим править

после отца, но вскоре свергнутым. Престол Белой Орды занял другой сын Эрзена, Чимтай, бывший современником и вассалом золотоордынского хана Джанибека (1340—1351) и ряда его быстро сменявшихся преемников. Согласно Лэн-Пулю, Чимтай правил между 1344—1361 гг.

В период правления Чимтая в Золотой Орде начались смуты, связанные с борьбой за власть между правителями отдельных улусов и представителями ханских династий. Насколько ожесточенный характер носила борьба за власть, показывает тот факт, что в промежуток между 1360—1380 гг. в Золотой Орде сменилось четырнадцать ханов. Смуты, происходившие в центре Золотоордынского ханства, не распространялись, повидимому, в полной мере на территорию Белой Орды. Источники свидетельствуют, что Чимтай тщательно избегал вмешиваться в золотоордынские распри, хотя он мог, казалось, рассчитывать на увеличение своей территории, если бы решил воспользоваться наступившей анархией. Впрочем, говорить о вполне безучастном отношении Чимтая к золотоордынским делам вряд ли возможно, так как по приглашению некоторых эмиров Золотой Орды хан послал туда своего сына в качестве кандидата на ханский престол. Однако это предприятие не имело успеха, так как вскоре сын Чимтая был убит. Часть враждующих между собой эмиров Золотой Орды приглашала на престол Золотой Орды также Чимтая, но он не согласился.

Преемником Чимтая на престоле Белой Орды стал его сын Урус-хан (1361—1375), «царь сварливый и могущественный». Источники указывают, что еще во время правления своего отца Урус являлся сторонником активного вмешательства в дела Золотой Орды. Получив власть в Белой Орде, Урус овладел «троном и государством Узбек-хана», т. е. всей территорией Золотой Орды. Таким образом, Урус-хан явился первым правителем, которому удалось объединить под своей властью Золотую и Белую орды.

С правлением Урус-хана связано также выступление последнего выдающегося хана Золотой Орды — Тохтамыша, отец которого был правителем Мангышлака. Его убил Урус-хан за неповиновение. Малолетний Тохтамыш бежал и укрылся в Самарканде при дворе Тимура.

Начавшаяся в 70-х годах XIV в. борьба между Урусханом и его преемниками, с одной стороны, и Тохтамышем и поддержавшим его Тимуром, с другой — достаточно подробно освещена, вследствие чего на отдельных эпизодах ее мы останавливаться здесь не будем. В такой же мере подробное изображение получила завязавшаяся затем борьба между Тохтамышем и Тимуром, закончившаяся, как известно, в 90-х годах XIV в. почти полным разгромом Золотой Орды. Тохтамыш явился последним ханом, которому удалось временно удерживать власть и в Золотой и в Белой Ордах, однако победы Тимура в середине 90-х годов XIV в. положили конец его могуществу.

После ухода войск Тимура в Орде началась борьба между Тохтамышем и выдвинувшимся в этот период временщиком эмиром Едигеем, закончившаяся победой последнего. После гибели Тохтамыша золотоордынский престол занял Тимур Кутлуг-хан, при котором власть принадлежала Едигею. В правление сына Тимур Кутлуг-хана Едигей подвергся преследованиям со стороны хана и в 1405 г. бежал в Хорезм. В 1412—1413 гг. Едигей был изгнан из Хорезма войсками наместника тимуридов и снова удалился на территорию Золотой Орды.

Таковы в общих чертах те политические события XIV в., результатом которых явилось окончательное обособление восточных окраин Золотой Орды.

Утратив постепенно всякие связи с бывшими центрами Золотоордынского государства, население Белой Орды вступило в более тесные взаимоотношения со Средней Азией, снабжавшей продукцией высокоразвитого ремесленного производства соседние степные районы. Вместе с тем кочевники прекрасно учитывали политическую слабость Тимуридского государства и потому при всяком удобном случае совершали нападения на его пограничные области. Захват кочевниками в 1405 г. Хорезма явился началом той упорной борьбы, которая началась между узбекским кочевым населением и тимуридскими правителями и закончилась к началу XVI в. полной победой узбеков.

Как указывалось уже выше, этнический состав населения Золотой Орды известен нам лишь в самых общих чертах. Кроме кипчаков, источники XIV — начала XV в. называют также много других племен тюрко-мон-

гольского происхождения, к числу их относятся: мангыт, кунграт, бехрин, найман, джелаир, уйшун, хытай и другие.

В качестве общего этнического термина, которым обозначалась масса золотоордынского кочевого населения независимо от его родо-племенной принадлежности, употреблялось слово «узбек». Впервые термин «узбек» встречается в сочинении Хамдуллаха Казвини (род. ок. 1280 г.), который в своей «Избранной истории» (Тарих-и Гузидэ) рассказывает о вторжении в 1335 г. хана Узбека в пределы Ирана, называя при этом золотоордынское войско «узбеками» (узбекиян), а государство Узбека (Золотую Орду) «государством узбекским» (Мемлекет-и-узбеки). Историк Тимура, Низам-ад-дин-Шами (1404 г.), в своем рассказе о бегстве двух эмиров Тимура в 1377 г. сообщает, что оба эмира «ушли в область узбеков и укрылись у Урус-хана». Далее, описывая борьбу между Тохтамышем и Урус-ханом, он называет последнего ханом узбекским. Термин «узбек» употребляет также автор персидского сочинения, написанного в 1414 г. (Аноним Искандера), который, говоря о Золотой Орде, называет ее узбекским улусом. Известный историк Тимура, Шереф-ад-дин Али Езди, рассказывая о посольстве 1397 г. от золотоордынского хана Тимур Кутлуга, называет прибывших послами узбеков. Узбеком же назван и упомянутый выше Едигей. Таким образом, можно считать, что термин «узбек» употреблялся иранскими и среднеазиатскими историками уже в XIV — начале XV в. как собирательное имя для обозначения массы золотоордынского тюркоязычного населения, состоявшего как из указанных выше, так и ряда других племенных объединений. В связи с этим и весь улус Джучи (Золотая Орда) назывался улусом узбекским.

Являлось ли слово «узбек» также самоназванием, пока остается неизвестным.

Происхождение слова «узбек», по-видимому, связано с именем упоминавшегося выше золотоордынского хана Узбека. Первые свидетельства об этом содержатся в «Списке устроителя мира» Гаффари, написанном в 1564—1565 гг. Это же утверждение содержится в сочинении Хайдера Рази, законченном в 1619 г., а также в «Родословной тюрков» Абулгази, законченной в 1663—

1664 гг., и у многих других более поздних восточных авторов.

В начале XV в. узбеки выступают в качестве довольно значительной группы кочевых племен, входящих в тесное соприкосновение с тимуридами, в первую очередь на северных окраинах их владений — в Хорезме. Историки тимуридов сообщают, что зимой 1405/06 г. узбеки захватили Хорезм и стали совершать оттуда набеги на центральные районы Средней Азии, доходя до Бухары, а несколько позже — до Астрабада. Несомненно, эти факты были связаны с захватом Хорезма Едигеем. Это же подтверждается сообщением среднеазиатских историков о восстановлении власти тимуридов в Хорезме в 1413 г., что вполне совпадает с датой изгнания Едигея.

В 1416 г. началась борьба между Улугбеком и узбеками за господство в районе низовьев Сыр-Дарьи, борьба, которая продолжалась с переменным успехом на протяжении всего XV столетия. Поводом для вмешательства Улугбека в эту борьбу послужило прибытие в Самарканд одного из внуков Урус-хана, Барака, который просил Улугбека оказать ему помощь против врагов. Действительно при активной поддержке еще сильного тимуридского правительства Бараку удалось победить противников и на некоторое время воссесть «на престол отцов и дедов».

Оказывая помощь одному из претендентов на престол в узбекском улусе, Улугбек, несомненно, рассчитывал таким путем установить добрососедские отношения с кочевой степью, прилегающей к северным окраинам его владений. Однако эта мера оказалась бесполезной, так как Барак-хан вскоре предъявил претензию на обладание низовьями Сыр-Дарьи, результатом чего был поход Улугбека в 1426—1427 гг. против узбеков. Поход закончился полным разгромом войск Улугбека в районе Сыгнака. Узбеки, преследуя тимуридские войска, проникли в глубь территории Средней Азии, где произвели большие опустошения.

Прежде чем переходить к рассмотрению дальнейших взаимоотношений между тимуридами и узбеками на протяжении XV в., мы остановимся предварительно на характеристике внутренней жизни узбекских степей, известных в Средней Азии в XIV—XV вв. под названием страны Токмак.

Социальный строй узбеков до появления их на территории Средней Азии изучен пока недостаточно. Известно, что во главе отдельных племен стояла своя, частью наследственная аристократия, представители которой носили звание биев, беков, огланов, тарханов и пр. Бий, бек или другой представитель местной знати был основным носителем административно-политической и судебной власти в пределах своего племени. Ему же обычно принадлежало право распоряжения пастбищами, что увеличивало его влияние на хозяйственную жизнь массы кочевников. Каждое племя делилось на ряд мелких родов, во главе которых находились особые предводители, составлявшие вместе с наиболее зажиточной частью своего объединения господствующее ядро каждого племени. На почве распределения пастбищ или в целях защиты от внешней опасности предводители отдельных племен иногда объединялись друг с другом, иногда вступали во враждебные отношения, принимавшие нередко форму вооруженной борьбы. Скот и имущество побежденных племен обычно подвергались разграблению, что наряду с прочими причинами социального порядка способствовало упадку одних племен и возвышению других.

На почве развивавшегося таким образом неравенства, возникновение которого относится еще к раннему средневековью, усиливалась зависимость одних племен от других. Нередко эта зависимость принимала как бы форму вассалитета. Элементы феодальных отношений наблюдались также внутри отдельных родо-племенных объединений, где основная масса кочевников-скотоводов находилась в зависимости от господствующей части своего или чужого племени.

Из сочинения хивинского историка XVII в. Абулгази можно установить, что нередко были случаи, когда знать отдельных узбекских племен, желая укрепить свой авторитет и вместе с тем власть над соседями, приглашала к себе правителем того или иного представителя потомства Чингис-хана. Такого рода правителей — чингизидов, называвшихся обычно султанами, в степях среди узбеков было довольно много. Стоя во главе того или иного племенного объединения, иногда довольно незначительного, каждый из них обычно стремился усилить влияние на дела своего улуса и соседних с ним племен

и на этой почве враждовал с другими представителями «дома Чингиза» — своими родственниками.

Установившаяся в степях традиция требовала, чтобы во главе того или иного политического объединения, особенно если оно было достаточно значительно и претендовало на независимость, непременно стоял хан из чингизидов. Избирались такие ханы обычно из числа султанов, пользовавшихся доверием наиболее влиятельных представителей племенной знати. Власть большинства узбекских ханов была обычно номинальной и ограничивалась лишь пределами тех племен, которые их признавали добровольно. Фактическая власть внутри племен продолжала оставаться по-прежнему в руках племенной знати, пользовавшейся авторитетом ханской власти в своих интересах. В отдельные периоды XIV—XV вв. наблюдались случаи, когда в различных частях узбекского улуса появлялось два и даже несколько соперничавших ханов, представлявших обычно различные враждебные друг другу группировки правящей знати. Не находя соответствующей поддержки среди наиболее влиятельных групп, некоторые из ханов обращались иногда за помощью к правителям соседних государств и при их содействии утверждались на ханском престоле. Таким именно путем утвердил свою власть Тохтамыш, на этот же путь стал упоминавшийся выше Барак-хан, воспользовавшись помощью Улугбека.

Иногда отдельным представителям ханской власти удавалось использовать существовавшие среди племенной знати противоречия и, опираясь на наиболее влиятельные группы, укрепить свое могущество. Помимо вооруженной силы подвластных племен, такой хан в военных мероприятиях стремился опереться также на собственную ханскую дружину, так называемых нукеров, вербовавшихся обычно из числа разоренных предшествующими войнами кочевников, для которых военное ремесло становилось единственным источником существования. В качестве ханского слуги нукер получал лошадь, небольшие подарки, а также наделялся на определенных условиях скотом, что еще более увеличивало зависимость его от господина. В случае удачи на войне каждый из нукеров получал часть военной добычи. Ханскими нукерами становились также некоторые предводители отдельных племен и другие довольно влиятель-

ные лица, стремившиеся найти защиту от насилий более сильных соперников.

Слагавшийся таким образом среди узбеков институт нукерства, с его своеобразными формами вассальной зависимости, является в достаточной мере ярким показателем происходившего в рассматриваемое время процесса феодализации узбекского общества, несмотря на наличие здесь еще довольно устойчивых пережитков патриархально-родовых отношений.

Обеспечив себе достаточную военную силу как в виде племенных ополчений, так и собственного нукерства, хан уже вооруженной рукой распространял власть на соседние неподчинявшиеся ему добровольно племена и районы.

Таким именно путем произошло возвышение в 20-х годах XV в. известного узбекского хана Абулхайра, сумевшего в течение довольно короткого срока подчинить себе весьма обширную территорию и удерживать ее в течение сорока лет (1428—1468).

В противоположность своему предшественнику и сопернику Барак-хану, занявшему, как уже указывалось, узбекский престол с помощью посторонней силы, Абдулхайр был избран на ханство при участии и поддержке господствующей верхушки значительного числа узбекских племен—найманов, кунгратов, кошчи, кыятов, уйгуров, дурменов, карлуков, уйшунов, кенегесов и ряда других. Местом избрания Абулхайра на царство явился город Тура (в Сибири).

В возведении Абулхайра на престол весьма видную роль играл Ваккас-бий, внук Едигея, глава сильного племени мангытов, вокруг которого уже в этот период формировался так называемый ногайский улус.

Ваккас-бий принимал деятельное и постоянное участие во всех важнейших мероприятиях Абулхайра. Основное ядро мангытов (ногайцев) располагалось в степях между Волгой и Уралом, в то время как узбеки владели пространствами далее на юго-восток, до низовьев Сыр-Дарьи и границ Моголистана. Впрочем, говорить о точном разграничении территории ногаев и узбеков в данный период невозможно, так как все племена, входившие в оба указанные политические объединения, являлись скотоводческими и вели кочевой образ жизни. Насколько обширны были в то время районы

сезонных ежегодных перекочевок, видно из слов хивинского историка XVI в. Абулгази, который сообщает, что летовки некоторых узбекских племен находились в верховьях Урала, а зимовки — в низовьях Сыр-Дарьи. В такой же мере значительны были и перекочевки ногайцев, пересекавших со своими стадами пространства от верховьев Камы до Тюмени. К северу от территории узбеков и ногайцев образовалось постепенно самостоятельное владение сибирских («туранских») ханов, которое было известно в XVI в. под названием сибирского (или тюменского) царства.

Впрочем, в период первой половины XV в. все три названных политических объединения еще не успели достаточно обособиться и представляли единое общественно-политическое образование, в пределах которого происходила постоянная борьба за власть между отдельными правящими группами.

В такой же мере тревожной была в этот период обстановка и в северо-западных районах Золотой Орды, центрами которой были в то время города Казань и Астрахань.

Этнический состав вновь образовавшихся улусов-государств был более или менее однороден. В состав как ногайцев, так и узбеков входили в большинстве случаев части одних и тех же племен, не имевших особенных существенных различий ни в хозяйственно-бытовом, ни в культурном отношении. К числу таких раздробившихся на отдельные части племен, вошедших как в состав ногайцев, так и узбеков, относятся, например, кипчаки, кунграты, уйшуны, кенегесы, найманы и другие. В настоящее время еще не установлено, к какому именно времени относится расчленение каждого из указанных здесь племен, однако не подлежит сомнению, что это произошло еще задолго до образования улусов узбекского и ногайского.

Процесс разделения и смешения отдельных тюркских и тюрко-монгольских племен, происходивший непрерывно на протяжении всех средних веков, особенно усилился в период монгольских завоеваний XIII в., с которыми, как известно, связаны массовые перемещения кочевников. В связи с происходившими перемещениями и особенностями военно-административного устройства Монгольской империи многие прежде компактные тюрк-

ские и монгольские племена раздробились на отдельные части, ничем, кроме общего племенного названия, не связанные друг с другом. Каждая из этих разрозненных частей начинала вести самостоятельную жизнь, входя в самые разнообразные отношения с окружающими ее чужими племенами.

Длительное совместное пребывание такого рода разрозненных групп на одной и той же территории нередко приводило к их слиянию, в результате которого возникало новое племенное объединение, в котором прежние кровнородственные связи уже утрачивались, уступая место связям хозяйственно-политическим. Образовавшееся таким образом новое объединение принимало обычно наименование того племени, которое в данном случае играло наибольшую роль. Так создавался, например, ногайский улус, представители которого носили общеплеменное название мангытов, по имени того племени, которое являлось здесь наиболее значительным. В такой же мере разнородным по своему происхождению был и состав тех племен, которые входили в узбекское объединение. Во всяком случае приведенные выше данные о племенном составе ногайцев и узбеков показывают, что мы в данном случае имеем дело не с этническими образованиями, а объединениями политического характера. Большинство племен, вошедших в состав узбекского и ногайского объединений, существовали в прошлом независимо друг от друга и даже занимали совершенно различные территории.

Касаясь в общих чертах социального строя узбеков и ногайцев в рассматриваемый период, нельзя не заметить, что пережитки первобытнообщинного или патриархально-родового строя играли у них все еще чрезвычайно видную роль, несмотря на то что классовая дифференциация внутри родовой общины достигла уже значительного развития. Благодаря наличию многих еще сохранившихся родовых институтов классовые противоречия среди кочевников проявлялись не так остро и открыто, как это наблюдалось в оседлых районах. Система закрепощения и формы эксплуатации непосредственного производителя-скотовода все еще строилась на патриархально-родовой основе, облекаясь в оболочку «родовой взаимопомощи» и своеобразного патроната. Для прочного феодального закрепощения массы коче-

вого населения господствующим классом достаточных предпосылок еще не существовало.

В. И. Ленин указывал, что для существования феодализма необходимы следующие условия: «...Во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье должно было представлять из себя самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром... Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки... В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение", как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина. Наконец, в-четвертых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»[1].

Останавливаясь на приведенном классическом определении основных признаков феодализма, данном В. И. Лениным, попытаемся подойти к характеристике социально-экономического строя кочевников. Предварительно мы должны напомнить, что, несмотря на универсальный характер общих закономерностей, каким подчинено историческое развитие всякого человеческого общества, формы этого развития в зависимости от тех или иных конкретных условий могут быть все же различны.

Значительное своеобразие, свойственное как хозяйству, так и социальной структуре кочевого общества, не

[1] В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России* (Сочинения, т. 3, изд. 4), стр. 158—159.

позволяет нам переносить на него механически все те обобщения, какие сделаны наукой на основе наблюдений над исторической жизнью оседлых народов.

Нельзя прежде всего не обратить внимания на тот общеизвестный факт, что кочевое население отличается необычайной подвижностью, позволяющей ему почти в любое время года (за исключением самых суровых зимних месяцев) перемещаться со всем своим скотом и прочим имуществом с одного места на другое, не считаясь с расстоянием. В связи с этим обстоятельством кочевник в любое время мог покинуть свое обычное место кочевки, если он убеждался, что создавшаяся здесь политическая обстановка препятствует его нормальной хозяйственной жизни или личной безопасности. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения восточных историков XIV—XVI вв. показывают, что массовая откочевка населения с территории, подвластной тому или иному неугодному верховному правителю, составляла обычное явление в степях и представляла собою одну из наиболее распространенных форм протеста против насилий со стороны власти. В соответствии с этим обстоятельством вопрос о прикреплении крестьянина-скотовода к земле, а также о степени его личной зависимости, а следовательно, и о возможности внеэкономического принуждения со стороны того или иного степного правителя по отношению к массе кочевого населения может рассматриваться в известной мере относительно. Хан, султан или другой степной правитель не располагал теми или иными постоянными, прочно установленными органами исполнительной власти (вообще в степях неизвестной) и мог рассчитывать на повиновение своих подданных лишь в том случае, если он располагал лично ему подчиненной вооруженной силой, достаточной для того, чтобы подавить любое сопротивление или неповиновение подчиненных племен. Такого рода силами располагали лишь немногие из степных властителей, большинство их довольствовалось дружиной (нукерами), необходимой для обеспечения личной безопасности и охраны стад. Главную роль военной силы в степях играли ополчения отдельных племен, подчинявшиеся непосредственно своим же племенным предводителям. Однако власть последних была также относительной, так как организация племенных ополчений

была основана на добровольных началах и принцип военной демократии играл все еще весьма значительную роль. Как только исчезала непосредственная военная опасность, члены этого ополчения расходились по домам, чтобы приступить к своим обычным хозяйственным занятиям. Вождь племени лишался вооруженной опоры и без согласия влиятельной части общины не мог провести ни одного мероприятия, сколько-нибудь существенно затрагивающего интересы его племени. Таким образом, как со стороны ханской власти, так и внутри каждого племени возможность внеэкономического принуждения была обычно весьма ограничена.

Но из сказанного все же не следует, что отсутствие сильной власти является вообще характерной чертой среднеазиатских кочевников. Достаточно напомнить историю монголов в период правления Чингис-хана и его ближайших преемников, чтобы убедиться в ошибочности такого взгляда. Однако с упадком монгольских государств, объединявших в своем составе как страны с оседлым населением, так и области, занятые кочевниками, централизованная власть утратила прежнее могущество, уступив место вождям племен, постоянно ослаблявшим друг друга междоусобными войнами. Происшедшая таким образом в степи децентрализация политической власти способствовала обособлению подавленных в свое время Чингис-ханом отдельных племенных групп, усиливая их значение в качестве самостоятельных хозяйственно-политических единиц, слабо связанных с внешним миром благодаря господству натурального хозяйства.

Даже входя в состав того или иного политического объединения или союза племен, каждая из племенных общин продолжала жить своей прежней замкнутой жизнью, участвуя во всех общесоюзных мероприятиях лишь в той мере, в какой это соответствовало интересам наиболее влиятельных групп данного племени. Можно допустить, что такого рода распыление общественно-политической жизни, перемещение ее из общегосударственных центров в пределы отдельных родоплеменных общин, живших своими узко ограниченными местными интересами, было одной из причин упадка Золотой Орды, а также других государств, основанных в XIII в. монголами.

В связи с господством патриархально-родового быта, не исключавшего, как мы видели, значительной классовой дифференциации внутри родовой общины, эксплуатация непосредственного производителя облекалась здесь в форму своеобразной «взаимопомощи» между богатыми и бедными сородичами. Одной из наиболее распространенных форм такой эксплуатации было, как известно, наделение бедняка скотом на кабальных условиях, в результате чего он, получив скот, превращался в вечного должника и был вынужден всю жизнь почти бесплатно работать на «облагодетельствовавшего» его богатого сородича.

Таким образом, даже отсутствие сильной централизованной власти и связанного с ней аппарата принуждения не обеспечивало личной независимости массы пауперизированного степного населения, лишенного возможности вести самостоятельное хозяйство и потому целиком зависевшего экономически от богатой части своего племени. Имело значение также то обстоятельство, что господствующая верхушка племенной общины, обладавшая огромным количеством скота, исчислявшегося иногда, по словам путешественников XIV в., несколькими десятками тысяч единиц, приобретала себе право фактического распоряжения пастбищами. По словам Маркса, «у пастушеских народов собственность на естественные продукты земли — на овец например — это одновременно и собственность на луга, по которым они передвигаются» [2].

Богатые держали в зависимости не только обедневшую часть степного населения, но и всю массу кочевников-скотоводов своего племени.

В степях в периоды возвышения ханской власти положение основной массы кочевников еще более ухудшалось, так как, кроме различного рода «отработок» в пользу богатых скотовладельцев, кочевое население должно было выполнять также различные повинности в пользу хана. Носили ли эти повинности характер обязательный или они считались «добровольными» — это зависело от реального соотношения сил хана и подчиненных ему племен.

---

[2] К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 24.

В соответствии с изложенным можно утверждать, что кочевое общество XIV—XV вв. представляло чрезвычайно сложный социальный организм, характерной особенностью которого было сочетание элементов зарождающихся феодальных отношений с формами патриархально-родового быта, все еще оказывавшими решающее влияние на весь ход общественно-политической жизни.

Возвратимся теперь к обзору политической истории узбекских степей в период правления хана Абулхайра.

Избрание Абулхайра на ханство состоялось еще в то время, когда среди некоторой части узбеков ханской властью обладал Барак. О борьбе за власть между Бараком и Абулхайром сведений в источниках не встречается, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что избрание на ханство Абулхайра не могло не отразиться на положении прочих правителей. Через год после воцарения Абулхайра Барак погиб где-то в Моголистане, куда он вынужден был, вероятно, скрыться от своих противников, опиравшихся в противоположность ему не на внешнюю помощь, а на широкую поддержку узбекской и ногайской знати. Сближение между Абулхайром и главой ногайцев Ваккасом объясняется, по-видимому, стремлением последнего найти поддержку среди узбеков против своих противников в ногайском улусе, о чем подробно будет сказано ниже. Этому сближению могли способствовать также и посягательства со стороны золотоордынских ханов на территорию, занятую ногайцами.

После Барака в узбекском улусе осталось двое его сыновей — Гирей и Джанибек, сыгравших впоследствии значительную роль в образовании казахского союза.

Наряду с Барак-ханом, в качестве предшественника Абулхайра на ханском престоле, упоминается также один из шейбанидов — хан Джемадук, сын некоего Суфиоглана. До своего избрания на ханство Абулхайр, носивший в то время обычный титул султана, состоял на службе у Джемадука и командовал частью его войск. Историк Абулхайра сообщает, что Джемадук-хан своими вмешательствами в дела ногайского улуса вызвал недовольство знати и погиб в борьбе с соединенными силами узбекских и ногайских (мангытских) племен в 1428 г. Поводом к возникновению вражды между ха-

ном и его приближенными послужило убийство представителями знати ногайского бия Гази («Кази» русских документов), сына Едигея, чему Джемадук-хан пытался противодействовать.

В дальнейшем многие ханы стали соперниками Абулхайра. Борьба с ними затянулась на длительный срок.

Характеризуя отношения между Абулхайром и окружающими его родственниками чингизидами, Абулгази говорит, что среди последних не было «ни одного человека, которого миновала бы ханская стрела или не коснулась бы ханская рука».

Продолжительное царствование Абулхайра характеризуется также значительной активностью его внешней политики, выразившейся в участии в делах Золотой Орды, Средней Азии, а также в его борьбе против ойратов (калмыков), начавших в этот период свои передвижения в сторону Средней Азии.

Победы, одержанные Абулхайром над большинством его противников, показывают, что его власть встречала постоянную поддержку со стороны наиболее влиятельных кругов кочевого общества. В числе различных социальных групп, участвовавших в избрании Абулхайра на ханство, а также поддерживавших его дальнейшие мероприятия, источники называют не только биев, огланов, тарханов, бехадуров и других предводителей многих племенных групп, но также и сейидов. Последнее обстоятельство показывает, что мусульманское духовенство пользовалось таким же влиянием в степях, как и в оседлых районах Средней Азии.

В 1430 г., по сообщению источников, Абулхайр захватил у тимуридских правителей северную часть Хорезма. Однако, он вскоре вынужден был ее покинуть, по одним данным, под натиском тимуридских войск, по другим, менее вероятным,— «в силу неблагоприятного климата».

Более прочный характер носили завоевания Абулхайра в 40-х годах в области низовьев Сыр-Дарьи, где продолжали играть еще значительную роль местные торговые города Сыгнак, Узгенд и др.

Абулхайр, как и большинство его предшественников и преемников, придавал большое значение низовьям Сыр-Дарьи. Этот район имел удобные для кочевников

места зимовок и вместе с тем был весьма важен в стратегическом отношении, так как отсюда можно было организовать набеги на центральные оседлые районы Средней Азии. Не случайно низовья Сыр-Дарьи были впоследствии при преемниках Абулхайра тем районом, откуда в конце XV в. узбеки предприняли успешное завоевательное движение в глубь Средней Азии. Свои владения в области низовьев Сыр-Дарьи Абулхайру пришлось защищать не только от тимуридских наместников, державших в своих руках город Туркестан, но и от набегов калмыков (ойратов), успешное отражение которых, по-видимому, в значительной мере укрепило авторитет хана среди его современников.

Насколько тесными были взаимоотношения между Абулхайром и его политическим союзником Ваккасом, видно из того, что последний получил в управление один из завоеванных городов на Сыр-Дарье — Узгенд. Этот факт свидетельствует, по нашему мнению, также о том, что полного политического обособления между узбеками и ногаями (мангытами) в рассматриваемый период еще не существовало.

К концу 40-х годов XV в. военные силы Абулхайра оказались настолько значительными, что хан во главе их в 1448 г., воспользовавшись происходившими среди тимуридов смутами, предпринимает поход на один из важнейших центров тимуридского государства — Самарканд. Не сумев овладеть хорошо укрепленным Самаркандом, Абулхайр ограничился разграблением окрестностей города и ушел обратно. Целью похода, как можно заключить из рассказов современников, было не завоевание территории,— для этого Абулхайр не располагал еще достаточными возможностями,— а захват добычи, распределявшейся затем в соответствии с существовавшими у кочевников обычаями между ханом, его приближенными и воинами.

Подобного же рода набеги узбекских ханов на оседлые оазисы Средней Азии совершались и в период, предшествующий правлению Абулхайра, начиная с первого десятилетия XV в. Это было возможно не столько вследствие могущества узбекских правителей, сколько из-за слабости тимуридского государства, часто страдавшего от внутренних междоусобных войн и не всегда поэтому имевшего возможность соответствующим обра-

зом организовать защиту своих границ. Набеги узбеков в свою очередь еще более расшатывали власть тимуридов в Средней Азии и постепенно подготовляли таким образом почву для окончательного перехода страны под власть кочевников. Возможно также, что в XV в. недостаток пастбищ и происходившие в степи смуты способствовали частичному переходу отдельных небольших групп кочевников на территорию среднеазиатских земледельческих оазисов, особенно на окраины, где могли оказаться еще не занятые места.

Поводом к новому вторжению Абулхайра во владения тимуридов послужило обострение борьбы за самаркандский престол между отдельными претендентами после убийства Улугбека в 1449 г. Приглашенный на помощь Абу Саидом Абулхайр со своими войсками снова появляется в 1451 г. под Самаркандом, где наносит поражение самаркандскому правителю Абдулле и помогает Абу Саиду занять ханский престол, после чего с богатыми подарками и добычей возвращается снова в степь.

Несмотря на необычайно суровые меры, применявшиеся Абулхайром ко всем претендентам на ханскую власть среди узбеков, сломить сопротивление отдельных чингизидов ему все же не удалось. Главная причина этой неудачи заключалась в том, что созданное Абулхайром объединение кочевых племен было непрочным. Какой-либо единой системы управления или централизованного аппарата власти не существовало. Власть хана над отдельными племенами осуществлялась постольку, поскольку это не затрагивало интересов племенных вождей. Внутренняя жизнь племен попрежнему протекала под руководством местной правящей верхушки, державшей в зависимости всю основную массу населения. Понятно, что при таких условиях власть Абулхайра была в высшей степени условной и целиком зависела от того, в какой мере его деятельность совпадала с сепаратными интересами племенной знати и отчасти с династическими интересами окружавших хана различных ветвей чингизидов. Особенно упорную борьбу пришлось вести хану с представителями той ветви потомков Чингис-хана, которая вела свое происхождение от золотоордынского хана Уруса, деда Барак-хана и родоначальника астраханской династии. Пред-

ставители этой ветви, ханы Махмуд и Ахмед, упоминаются историками Абулхайра в числе наиболее упорных его противников, оставшихся непобежденными.

Ахмед владел в 70-х годах XV в. престолом Золотой Орды и известен в русской истории столкновением с Иваном III в 1480 г. на реке Угре. В 1481 г. Ахмед был убит своими противниками. В числе врагов Абулхайра источники называют также хана Мустафу, по данным русских летописей, хана казанского. По сообщению гератского историка Мирхонда (ум. в 1498 г.), Мустафа был одним из узбекских ханов и в 60-х годах XV в. владел некоторыми городами Хорезма с центром в городе Везире.

В такой же мере враждебными являлись отношения между Абулхайром и сыновьями его недавнего соперника хана Барака, Гиреем и Джанибеком.

Не имея возможности продолжать борьбу с ханом и поддерживавшей его весьма значительной группой племенной знати, Гирей и Джанибек со своими родственниками и приверженцами вынуждены были в 50-х годах XV столетия покинуть государство Абулхайра и переселиться в Моголистан, находившийся в это время под управлением одного из потомков Чагатая, Исен-Буки-хана. Выше уже указывалось, что такого рода организованный отход той или иной части кочевого населения (откочевка) из-под верховной власти неугодного хана являлся у кочевников своеобразной формой протеста против чинившихся ханом насилий и не представлял собой ничего необычного. Историк Мухаммед Хайдер, писавший в первой половине XVI в., рассказывает, что хан Исен-Бука радушно принял Гирея и Джанибека и предоставил им кочевья в долине реки Чу. После этого Гирей был объявлен ханом над всем подвластным ему населением, являясь в то же время, очевидно, вассалом хана Моголистана. Постепенно вокруг него стали собираться все «знатные лица», которые были недовольны отношением к себе Абулхайра, главным образом высшая знать, вместе с которой, разумеется, перекочевывали и зависимые от нее племена или их отдельные части.

Созданное Абулхайром кочевое «государство», объединившее на некоторое время узбекские и мангытские (ногайские) племена, оказалось непрочным и распалось

на части сразу же после смерти хана. Это было обусловлено теми обстоятельствами, что интересы объединившейся вокруг Абулхайра племенной знати были слишком разнородны и противоречивы, а династическая вражда между чингизидами не была окончательно уничтожена и проявилась с удвоенной силой как только сошел со сцены Абулхайр.

Решающее значение имели, разумеется, моменты экономического характера. Центры экономического тяготения объединявшейся в руках Абулхайра территории были совершенно различны. Западная часть территории тяготела к низовьям Волги с центром в Астрахани, в то время как восточная (начиная, примерно, с долины реки Эмбы) была связана экономически с оседлыми оазисами Средней Азии. В этом заключалась, по-видимому, одна из основных причин непрочности намечавшегося было при Абулхайре узбекско-мангытского объединения. Что касается собственно узбекской степной территории, то отсутствие крупных городских центров, могущих в той или иной мере способствовать закреплению экономических связей между отдельными кочевыми племенами и районами, заранее обрекало предпринимавшиеся здесь попытки политического объединения на неудачу, что подтверждается также дальнейшей историей этих районов.

Судьба «государства» Абулхайра лишний раз подтверждает высказанное в свое время акад. В. В. Бартольдом мнение о том, что создание прочной государственности для кочевников возможно лишь при условии завоевания ими достаточно обширных оседлых районов.

Вскоре же после смерти Абулхайра был убит и его сын и наследник Шейх-Хайдер-хан. В числе лиц, участвовавших в убийстве Шейх-Хайдера источники упоминают Сейдека и Ибака («царей тюменских», по русским летописям), Джанибек-хана, сына Барака, золотоордынского хана Ахмеда, а также постоянного сподвижника Абулхайра, мангытского (ногайского) бия Ваккаса с его сыновьями Мусою и Ямгурчи.

Отсутствие достаточно прочных внутренних связей между отдельными частями огромного по территории «государства» ускорило начавшийся распад владений Абулхайра и вызвало обострение борьбы внутри степной знати за раздел территории.

Уже упоминавшийся выше историк Мухаммед Хайдер сообщает, что, спасаясь от наступивших в узбекском улусе смут, население начало разбегаться в разные стороны. Многие бежали в поисках безопасности в Моголистан во владения Гирея и Джанибека, вследствие чего власть этих ханов значительно усилилась. Историк далее добавляет, что «так как сначала сами ханы Гирей и Джанибек, а затем и большая часть собравшихся около них людей, были беглецы, ушедшие от своих и одно время скитавшиеся без приюта, то их и прозвали „казахами"» (собственно «казаки»). В связи с последним сообщением историка о происхождении названия казахов, в научной литературе было уделено значительное внимание вопросу о происхождении и первоначальном значении слова «казах» (казак) [3]. Изучение восточных словарей XIII—XIV вв. показывает, что указанное слово в целом ряде тюркских диалектов имело нарицательное значение и применялось к человеку, «отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений». В этом именно смысле и могут быть поняты приводимые выше слова среднеазиатского историка о происхождении названия «казахов», рассматривавшихся в первое время современниками в качестве выходцев из среды узбекского улуса Абулхайра подобно тому, как в России в XVI—XVII вв. казаками называли «вольницу», ушедшую из-под власти бар и помещиков. В дальнейшем первоначальная этимология слова «казах» была утрачена и слово это приобрело значение этнического названия. Оно же является самоназванием казахского народа.

Ни по этническим, ни по социально-бытовым признакам переселившиеся в Моголистан казахи не отличались существенно от той массы узбекского населения, которая продолжала еще оставаться на территории теперь исчезнувшего «государства» Абулхайра, вследствие чего восточные источники, близкие к описываемой эпохе, часто называют казахов конца XV — начала XVI в. узбеками, или узбеками-казахами.

---

[3] Вопрос о происхождении термина «казах» пока остается неразрешенным и требует дальнейшего изучения (см. «История Казахской ССР», т. I, М., 1957, стр. 144). — (*Прим. ред.*).

Следует заметить, что автор известной исторической поэмы «Шейбани-намэ» Мухаммед Салих, написавший свое произведение в самом начале XVI в., часто узбеков называет казахами. Это обстоятельство свидетельствует, по нашему мнению, во-первых, о том, что ни в этническом, ни в каком-либо ином отношении существенных различий между казахами и узбеками в этот период еще не установилось, во-вторых, слово «казах» употреблялось в начале XVI в. также в его прежнем значении — «вольный человек» и в этом смысле оно могло относиться к представителю любой народности, в том числе и к узбекам. Из ряда мест сочинения Абулгази можно установить, что в XVII в. слово «казах» также употреблялось в Средней Азии в двух различных значениях — и для обозначения казахов, как уже вполне определившейся к тому времени народности, и для обозначения разного рода «вольницы», к какому бы народу она ни принадлежала.

В связи с тревожной и резко менявшейся политической обстановкой в узбекском улусе меняется и численность казахов: число их, по словам историков, то сильно увеличивается, то резко падает, что особенно наглядно заметно в период правления сына и преемника Гирея, Бурундук-хана, а также сына Джанибека, Касыма, в конце XV — начале XVI в. В соответствии с теми же обстоятельствами меняется и состав занимавшейся казахами территории, постепенно расширявшейся на северо-запад и к началу XVI в. уже охватившей значительную часть современных казахских степей.

Этнический состав казахов и узбеков, насколько можно судить по несколько более поздним данным, не имел особенно резких различий. В состав как казахов, так и узбеков в значительной части входят одни и те же тюркоязычные племена, составлявшие массу населения кочевого «государства» Абулхайра (найманы, кунграты, кипчаки, уйшуны и др.). Различия наблюдаются отчасти в том смысле, что удельный вес отдельных племен у обоих народов оказывается различным.

Более поздние данные отмечают наличие среди казахов некоторых племен и этнических групп тюркского происхождения, неизвестных узбекам (например, аргыны, дулаты, алим-улы и некоторые другие), и, наоборот, — отсутствие в составе казахов отдельных этниче-

ских групп также тюркского происхождения, занимающих видное место среди узбеков (например, кошчи, уйгуры, мангыты). Из мелких племенных образований, упоминаемых в числе подданных Абулхайра, можно отметить племя сайнычклы, известное в позднейшее время среди казахов Старшей Орды под названием «чанышклы» (санычклы). Среди узбеков остатки этого племени не встречаются. Необходимо отметить также, что в связи с происходившим в XVI—XVII вв. распадом ногайского улуса многие ногайские племена смешались с узбеками и казахами, что также известным образом повлияло на усложнение этнического состава тех и других и отчасти способствовало углублению указанных выше различий.

Однако утверждение одного из среднеазиатских историков начала XVI в., подтверждающееся также и приведенными выше данными, что «казахи — часть узбеков», сохраняло свою силу лишь до определенного времени. Начиная уже с первых десятилетий XVI в. исторические судьбы и условия дальнейшего развития обоих народов начинают складываться совершенно различно.

В то время как значительная часть узбекских племен объединяется вокруг внука Абулхайра, Шейбанихана, и под предводительством его овладевает в начале XVI в. земледельческими оазисами Средней Азии, начиная постепенно переходить здесь к оседлости и земледелию, казахи под управлением ханов своей династии продолжают по-прежнему размещаться в степях и вести жизнь скотоводов-кочевников.

В связи с создавшимися таким образом различиями в условиях хозяйственной жизни существовавшие прежде родственные и культурно-бытовые связи между узбеками и казахами нарушаются. Благодаря господству кочевого быта и почти полной изоляции от культурных центров среди казахов продолжают сохранять свою силу старый патриархально-родовой уклад и пережитки прежних доисламских религиозных воззрений. Среди узбеков, наоборот, вместе с развитием оседлости и земледелия распространяется постепенно грамотность, усваиваются традиции старой феодальной городской культуры и тесно связанной с ней исламской идеологии.

Постепенному обособлению обоих родственных на-

родов способствовала также та этническая среда, в условиях которой происходило формирование этих народов в последующий период их исторической жизни.

Не касаясь вопроса об этногенезе узбеков, на котором нам придется остановиться несколько ниже, рассмотрим пока те некоторые сведения, какие имеются в нашем распоряжении о населении казахских степей к моменту появления здесь казахов в середине XV в. Приходится с сожалением отметить, что даже те немногие данные, которые известны нам по этому вопросу, относятся только к юго-восточной части территории современной Казахской ССР, главным образом к Семиречью, почти совсем не затрагивая других районов.

Вместе со всей территорией Средней Азии эта часть Казахстана вошла в первой половине XIII в. в состав особого Монгольского государства, власть в котором утвердилась за потомками второго сына Чингис-хана, Чагатая. В 40-х годах XIV в. улус Чагатая разделился на два независимых государства — западное, включавшее в себя все культурные области Средней Азии, и восточное, в состав которого вошла территория современного юго-восточного Казахстана и часть Китайского Туркестана.

Население западного государства называло себя чагатаями, восточного — монголами, или моголами, а страну свою — Моголистаном. Этнический состав Моголистана известен недостаточно. Единственный источник, на котором основываются почти все наши сведения о жизни Моголистана XV — начала XVI в., — «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдера, больше всего касается вопросов политической истории, почти не затрагивая вопросов о составе и быте населения. Из немногих отрывочных сведений, сообщаемых Мухаммед Хайдером, можно установить, что главную роль в политической жизни Моголистана играло отуреченное монгольское племя дуглат, предки которого, по-видимому, под именем «дулу» упоминаются китайскими источниками первых веков нашей эры на той же приблизительно территории, какую дуглаты занимали и в позднейшее время.

Опираясь на многочисленность и силу своего племени, племенная знать дуглатов держала в своих руках политическую власть в Моголистане, нередко назначая

и смещая по своему произволу местных ханов из потомков Чагатая.

Называя себя официально «моголами» (монголами), кочевники Моголистана в действительности были от настоящих монголов весьма далеки, так как в большинстве своем давно смешались с местным тюркским населением, говорили по-тюркски и уже в XIV в. исповедовали ислам. К числу такого рода монгольских племен относились в рассматриваемое время и дуглаты, ближайшие и наиболее многочисленные соседи «узбеков-казахов», переселившихся при Абулхайре, как уже указывалось выше, в долину реки Чу и постепенно расселившихся затем по всей территории современного Казахстана.

Дуглаты — или в современном казахском произношении дулаты — постепенно объединялись с родственными им по языку и происхождению казахами и вошли в качестве одного из крупнейших племен в состав Старшей (Большой) казахской Орды.

Весьма заметную роль в составе той же Старшей Орды казахов играет племя уйсун, или уйсын, считаемое некоторыми исследователями за потомков древнего тюркского народа усуней, обитавших на территории Семиречья и Киргизии уже с VII—VI вв. до н. э.

Однако вопрос о том, находились ли усуни на территории Семиречья и Киргизии на протяжении всех средних веков, вплоть до прихода сюда казахов, остается неясным. Во всяком случае Мухаммед Хайдер о них не упоминает. Вместе с тем племя уйсун, или, по другому произношению, уйшун или ушун, встречается в XIV—XV вв. в составе узбекских племен Золотой Орды, откуда часть этого племени вошла в ногайский союз, другая часть перешла к узбекам и входила в состав кочевого «государства» Абулхайра. В последующие столетия уйсуны (уйшуны) встречаются не только среди казахов и узбеков, но и у других народов тюрко-монгольского происхождения, в том числе у ногайцев. Таким образом, на основании сказанного можно заключить, что казахское племя уйсун вошло в состав казахского союза одновременно с прочими отделившимися от узбеков племенными образованиями и в какой-либо непосредственной связи с древними семиреченскими усунями не находится. То же подтверждается данными

Рашид-ад-дина, который в своем списке монгольских племен говорит об уйсунах (ушунах) вне какой бы то ни было связи с древними усунями.

Не подлежит, однако, сомнению, что наряду с дуглатами и уйгурами, о которых упоминает Мухаммед Хайдер, на территории Моголистана жили и другие тюрко-монгольские племена, ассимилировавшиеся впоследствии с казахами и утратившие, может быть, воспоминание о своем отдаленном прошлом. Во второй половине XVI в., а также на протяжении большей части XVII в. в состав казахов, несомненно, вливалось значительное количество племен, входивших ранее в ногайское объединение, политическое единство которого нарушилось после завоевания Россией Астрахани (1556 г.) и начавшейся вслед за этим московской экспансией в ногайские степи.

На основе всего этого многообразного этнического и племенного состава на протяжении XVI—XVII вв. происходило формирование казахского народа с его единым общеказахским языком, общей культурной традицией и однообразным хозяйственно-бытовым укладом, резко отличавшимся от уклада соседних с казахами оседлых районов, в том числе и от оседающих на землю узбеков.

Хозяйственная жизнь, а также культурно-бытовые условия, в каких находилось кочевое население узбекских степей XIV—XV вв., известны нам недостаточно. Основной отраслью хозяйства продолжало оставаться пастбищное скотоводство, неразрывно связанное с перекочевкой и перегоном скота через обширные пространства, в зависимости от времени года. Семья, жилище (юрта) и прочее движимое имущество перевозились, как и в более ранний период, на четырехколесных телегах, запрягавшихся волами, лошадьми или верблюдами. Этот же способ передвижения на телегах сохранился среди казахов и ногайцев и в XVI в., после чего он заменился передвижением верхом. Впрочем, среди ногайцев, переселившихся с низовьев Волги в район бывшей Таврической губернии, телеги как средство массового передвижения при перекочевках употреблялись еще в начале XIX в., когда они были сожжены по приказанию русской администрации, стремившейся ускорить переход ногайцев на оседлое положение.

* * *

Распространение ислама среди кочевников, начавшееся еще при золотоордынском хане Берке (1255—1266), особенно усилилось при Узбеке, когда в столице Золотой Орды и в ряде других городских центров было выстроено много мечетей и различного рода мусульманских религиозно-благотворительных учреждений. Путешественник первой половины XIV в. Ибн Батута сообщает о существовании в некоторых городах Золотой Орды особых обителей, в которых жили факиры и дервиши различных национальностей, в том числе и местные тюрки. Среди проповедников и распространителей ислама виднейшее место в XIV—XV вв. принадлежало духовным лицам из Бухары и особенно Хорезма. О широком развитии мусульманской религиозной пропаганды свидетельствует также составленный в XIV в. в Золотой Орде «Тафсир» (толкование Корана на тюркском языке), в настоящее время представляющий собою один из немногих памятников золотоордынской письменности. На это же указывает и составленный в XV в. по поручению хана Абулхайра комментарий на «месневи» знаменитого мистика XIII в. Джелаль-ад-дина-Руми.

Впрочем, ислам распространялся, по-видимому, в первую очередь среди правящих верхов степного общества, масса населения воспринимала новую религию формально и продолжала придерживаться прежних шаманистических верований. Один из историков Тимура, Ибн Арабшах, написавший свое сочинение в первой половине XV в., утверждал, что «некоторые из кочевников Золотой Орды до сих пор еще поклоняются идолам».

Параллельно с распространением религиозного просвещения, в тех же кругах возникает и развивается также светская поэзия и литература на так называемом среднеазиатско-тюркском языке, относительно близком к позднейшему узбекскому литературному языку. К числу наиболее известных произведений художественной литературы периода существования Золотой Орды относится поэма «Мухаббет-намэ» Хорезми, написанная в середине XIV в. в районе Сыр-Дарьи, а также известная поэма «Хосрев и Ширин» Кутба, представляющая собою подражание одноименной поэме знаменитого

азербайджанского поэта Низами. В поэме воспевается любовь сасанидского царя Хосрова к армянской принцессе Ширин. Пользовалась известностью также поэма «Джумджума», написанная в 1369—1370 гг. Хусам Катибом на кипчакском языке, а также некоторые другие произведения.

Золотоордынская художественная литература оказала воздействие на зарождение среднеазиатской тюркской литературы, в значительной мере способствовавшей развитию творчества Навои. «В первые годы XV в., — говорит Е. Э. Бертельс, — Мир Хайдер, писец и поэт Омар-шейха, идя по стопам золотоордынского Кутба, вступил в соревнование с Низами и написал «ответ» на его поэму „Сокровищница тайн"».

Показателем довольно высокого культурного уровня Золотой Орды являются также различного рода постройки, в частности медресе, возводившиеся по распоряжению отдельных правителей в Сауране и других городах в низовьях Сыр-Дарьи. Города Сауран и Сыгнак играли довольно значительную роль в низовьях Сыр-Дарьи до XVI в. включительно.

Один из русских путешественников, посетивший низовья Сыр-Дарьи в 1851 г., отмечает, что развалины Саурана «чрезвычайно значительны: кучи земли и признаки разрушенных строений занимают большое пространство. Вероятно тут было много и каменных зданий; по крайней мере до сих пор посреди стен, окружавших город, сохранились два высоких каменных минарета». Местные жители рассказывали путешественнику, что Сауран был основан около 500 лет назад и являлся столицей «огромного государства», что, как мы видели, подтверждается и историческими источниками.

Окончательное разрушение города народное предание приписывает калмыкам, овладевшим Саураном около 1723 г.

О чрезвычайно обширных размерах развалин Саурана говорит также А. К. Гейнс, посетивший это городище в 1866 г. и оставивший подробное его описание.

Глава II

ШЕЙБАНИ-ХАН И ЕГО ЗАВОЕВАНИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ БУХАРСКОГО И ХИВИНСКОГО ХАНСТВ

В предшествующей главе уже отмечалось, что постоянные феодальные войны между тимуридами в значительной мере ослабляли политическую мощь их государства и постепенно подготовляли почву для подчинения страны соседними воинственными кочевниками.

Ослаблению государства способствовало также обострение внутренних противоречий между отдельными классами местного общества, в частности между крестьянством и землевладельцами-феодалами как светскими, так и духовными.

В состав тимуридских владений входили, в частности, районы, занятые туркменами, от Астрабада на юге до Хорезма (Хивы) на севере. К северо-востоку от Астрабада на туркменской территории располагались укрепленные города: Мерв, Дурун, Абиверд, Серахс и другие, бывшие обычно центрами небольших уделов, во главе с тимуридскими наместниками. Туркмены в XV в., как и на всем протяжении своей истории, делились на ряд отдельных, независимых друг от друга племен, из которых каждое занимало отдельную территорию и жило более или менее обособленной жизнью. Основное занятие туркмен было скотоводство пастбищного типа, поэтому они и вели кочевой образ жизни. Земледелие среди туркмен развивалось слабо как вследствие недостатка орошенных земель, так и в связи с тревожной политической обстановкой, часто вынуждавшей массу племен покидать свои насиженные места и искать убежища в малодоступных отдаленных районах, о чем

подробнее придется говорить ниже в связи с историей Хивинского ханства. В городах, расположенных на территории Туркмении, туркмены не селились, посещая их лишь в торговых целях.

Под влиянием жестокой феодальной эксплуатации тимуридскими наместниками туркменские племена нередко вступали с ними в борьбу за независимость, однако в силу племенной раздробленности и особенностей быта туркмены не могли в то время создать самостоятельное государство.

Экономические связи между отдельными областями тимуридского государства в связи с господством натурального хозяйства в большинстве районов, особенно окраинных, были крайне незначительны, что способствовало политической децентрализации. К числу обособленных районов принадлежали, кроме Ферганы и Туркмении, также Гиссар и Бадахшан, в значительной своей части заселенные таджикским земледельческим населением.

Следствием всех указанных выше причин и явилось окончательное падение власти тимуридских правителей и появление на их месте узбекской династии шейбанидов, основателем которой был внук хана Абулхайра, Мухаммед Шейбани.

Шейбани родился еще при жизни своего деда, в 1451 г. Он обладал большими военными и организаторскими способностями и исключительной энергией. На его биографии чрезвычайно ярко сказались все черты политической жизни узбекских и казахских степей второй половины XV в., в частности отсутствие централизованной власти и постоянная взаимная борьба между предводителями отдельных племен и племенных объединений, результатом чего было резкое нарушение хозяйственной жизни массы кочевого населения, беспрерывно и чрезвычайно сильно страдавшего от происходивших феодальных войн.

Начавшиеся после смерти Абулхайра политические смуты среди узбеков вынудили молодого Шейбани искать безопасности в Астрахани у Касым-султана, племянника уже упоминавшегося выше хана Золотой Орды, Ахмеда. Однако в связи с нападением на Астрахань войск Ахмед-хана Шейбани вскоре пришлось спасаться бегством. Собрав вокруг себя некоторое число

нукеров и приверженцев из знати узбекских племен, Шейбани вступает в упорную борьбу с казахскими ханами за обладание низовьями Сыр-Дарьи. Борьба ведется с переменным успехом в течение многих лет и завершается победой Шейбани-хана лишь в самом конце XV столетия.

В процессе борьбы с казахами хан вступает в союз также с ногайскими правителями. Но ногайские бии, потерпев неудачу вместе с Шейбани, переходят в лагерь его противников, после чего Шейбани привлекает на свою сторону ханов Моголистана и с их помощью продолжает вести борьбу.

В промежутках между военными действиями хан возобновляет сношения с тимуридскими правителями и некоторое время служит у них в Самарканде и Бухаре. Но вскоре он совершает нападение на Хорезм, находившийся тогда под властью гератского правителя Хусейн-мирзы, и проникает на юг до района Астрабада, всюду производя грабежи и захватывая военную добычу. В 90-х годах XV в. Шейбани постепенно закрепляет свое влияние в низовьях Сыр-Дарьи, хотя постоянное ядро его приверженцев и нукеров определялось современниками всего в 100 человек. Стремясь несколько улучшить свои взаимоотношения с казахами, Шейбани вступает в родство с казахским ханом Бурундуком, сыном хана Гирея. Выступив на стороне тимуридов против Моголистана, Шейбани неожиданно для своих союзников переходит на сторону моголов, с помощью которых ему удается отчасти закрепить свои завоевания. Обладание таким замечательным для кочевников районом, каким были низовья Сыр-Дарьи, усиливало власть Шейбани над узбекскими племенами и привлекало к нему значительное число сторонников, опираясь на которых, он задумывает поход на центральные районы тимуридских владений. Свой поход Шейбани предпринимает совместно со своими родственниками — ближайшими потомками хана Абулхайра.

В настоящее время нельзя еще считать твердо установленными те внутренние причины, которые обусловили массовое движение узбеков в глубь земледельческих оазисов Средней Азии в конце XV — начале XVI в., хотя не подлежит сомнению, что эти причины для разных групп узбекского общества были совершенно раз-

личны. Господствующий класс кочевников в лице хана, его родственников, нукеров и предводителей отдельных племен должен был рассматривать свои походы и завоевания как средство обогащения, поскольку каждый удачный поход сопровождался захватом военной добычи, значительная часть которой при распределении доставалась военным начальникам. Далеко не случаен тот факт, что при описании походов Шейбани-хана историки начала XVI в. всегда стремятся подчеркнуть богатство добычи, доставшейся на долю победителя. В случае, если захваченный район удавалось удержать за собой в течение достаточно длительного времени, к военной добыче еще прибавлялась подать, взимавшаяся с завоеванного населения, и различного рода выполнявшиеся им натуральные службы. Вместе с тем каждый удачный поход укреплял авторитет хана или другого предводителя, привлекая к нему новых приверженцев и усиливая его власть над окружающими.

Этими мотивами и можно в значительной мере объяснить набеги, организовывавшиеся время от времени узбекскими вождями на оседлые оазисы Средней Азии на всем протяжении XV в., так же как попытки Абулхайра и Шейбани подчинить себе Хивинский район как наиболее изолированный от центра и поэтому наиболее доступный.

Подобного же рода мотивы играли, несомненно, значительную роль и в завоевательном движении конца XV — начала XVI в., когда Шейбани выступает уже не рядовым искателем добычи и приключений, а руководителем довольно значительного по своему размаху, повидимому, даже массового, движения кочевников. Результатом участия масс и явился тот факт, что движение 1499—1500 гг. закончилось прочным завоеванием Средней Азии, оказавшим решающее влияние не только на дальнейшую историю этой страны, но и на судьбы самих завоевателей.

Значительно более сложными представляются нам те причины, которые заставляли ту или иную массу кочевников участвовать в завоевательных походах своих ханов или иных предводителей.

Взаимоотношения массы узбеков с оседлыми районами, в том числе и Средней Азией, определялись главным образом интересами хозяйства.

С одной стороны, полунатуральное кочевое скотоводческое хозяйство узбеков и других кочевников нуждалось в текстильных изделиях и прочей продукции ремесленной промышленности оседлых районов, которые в свою очередь нуждались в скоте и сырье, производившихся кочевой периферией. Развивавшийся на этой почве обмен явился одной из важнейших причин, заставлявших кочевников приближаться к оседлым районам.

С другой стороны, внутри кочевых обществ во все времена их существования наблюдались более или менее значительные группы пауперизировавшихся сородичей, для которых одним из возможных выходов из обострявшегося в силу различных социальных условий хозяйственного кризиса был переход к оседлости и земледельческому труду в оседлых районах.

Имело значение также и то обстоятельство, что значительная часть неимущего и малоимущего степного населения находилась в экономической зависимости от состоятельных членов своего племени и была вынуждена поэтому связывать свою судьбу с этими богатыми сородичами. Некоторые из бедняков занимались уходом за стадами богатых, другие служили нукерами или челядинцами различных представителей степной знати. Вполне понятно поэтому, что вся эта зависимая часть степняков была послушным орудием в руках правящих групп, участвуя под их руководством во всех столкновениях и походах.

С третьей стороны, наконец, обострившаяся во второй половине XV в. борьба за пастбища между узбеками, казахами, ногайцами и ойратами (калмыками), выражавшаяся в форме описанных выше постоянных военных столкновений, также должна была явиться одной из существенных причин массового передвижения узбекских племен в глубь среднеазиатской территории.

Таким образом, несмотря на коренное различие побуждений, которыми руководствовались верхи узбекского общества и массы скотоводческого населения, стремление в среднеазиатские оазисы оказывалось общим для тех и других, чем только и можно объяснить конечный успех предпринятого по инициативе Шейбани-хана в конце XV в. массового передвижения.

Военные действия между Шейбани-ханом и тимуридами описывают историки начала XVI в. довольно подробно. В течение зимы 1499/1500 г. войска Шейбани после длительной осады овладели Самаркандом, где правил в это время племянник Абу Саида, Султан Али, казненный после занятия города Шейбани-ханом. Почти одновременно с Самаркандом к узбекам переходят Бухара, Ташкент, Фергана, крепость Дабусия, Каракуль и ряд других укрепленных пунктов. Наиболее активное сопротивление завоевателям оказывают тарханы и другие группы землевладельцев-феодалов вместе с представителями высшего духовенства. Об отношении завоевателей к массе местного населения можно судить по словам историка начала XVI в., который сообщает, что при занятии города Бухары жителям ее (райя) не было нанесено ущерба. Ограблению и конфискации было подвергнуто лишь имущество знатных или служилых людей (сипахи), занимавших военные или гражданские должности и игравших, очевидно, главную роль в организации сопротивления.

Подобная же картина наблюдалась и в Самарканде, где узбеки, по словам названного историка, «без грабежа и насилия» овладели большой добычей. По-видимому, речь шла об имуществе высших классов. Из мемуаров Бабура, настроенного явно враждебно к Шейбани-хану и узбекам, видно, однако, что обычная жизнь Самарканда после занятия его узбеками не была нарушена. Описывая Самарканд, указанный автор говорит, что все его жители ночью спали, лишь торговцы охраняли свои лавки. Вскоре Бабуру удалось с помощью главы местного духовенства захватить внезапно Самарканд, вырезав оставленный Шейбани-ханом узбекский гарнизон в 500 человек. Падение Самарканда послужило сигналом к восстанию других захваченных Шейбани-ханом городов. Восстало население Каракуля, Карши, Гузара и Дабусии во главе с прежними своими правителями. Правитель Каракуля обратился за помощью к одному из сыновей Хусейна-мирзы, правившему в Мерве, другие тарханы стремились опереться на Бабура, власть которого, однако, не выходила за пределы самаркандской крепости. Вскоре восстание городов было подавлено. Самарканд после вторичной осады снова перешел к узбекам. Укрепив свою власть в

центральных районах Средней Азии, Шейбани одерживает затем победу над союзниками Бабура — моголистанскими ханами, угрожавшими Ташкенту и Фергане. После этого он подчиняет себе Гиссар с прилегающими горными областями. Вскоре узбекские войска перешли Аму-Дарью, следствием чего было подчинение Кундуза. Наиболее упорное сопротивление Шейбани-хан встретил в 1505 г. в Хорезме, где управлял в это время наместник гератского правителя Хусейн-мирзы, опиравшийся главным образом на туркменскую конницу. Одновременно с завоеванием Хорезма продолжались военные действия по левую сторону Аму-Дарьи, где крупнейшим центром являлся город Балх. После занятия Балха в 1505 г. для Шейбани-хана открылся путь к Герату — центру тимуридских владений в Хорасане.

Весной 1506 г. Хусейн-мирза, примирив на время враждовавших между собою своих сыновей, выступил против узбеков во главе довольно многочисленного войска, но неожиданно в пути умер. Борьба между наследниками и сыновьями гератского правителя обострилась с новой силой, что в значительной мере облегчило Шейбани-хану завоевание Хорасана.

Узбеки, разбив высланные против них войска тимуридов, весной 1507 г. заняли Герат.

В последующий довольно короткий промежуток времени Шейбани наносит окончательное поражение наследникам Хусейн-мирзы и подчиняет себе все области «Хорасанского царства» от Кандагара и Мешхеда на юге до Аральского моря на севере. Часть сыновей Хусейна погибла в борьбе, остальные бежали в разные страны.

Все завоеванные области Шейбани распределил между своими родственниками и особенно выдающимися полководцами, принадлежавшими к наиболее влиятельной знати узбекских племен.

Слова одного из историков начала XVI в. показывают, что на почве распределения областей между Шейбани-ханом и его родственниками возникли значительные разногласия. По-видимому, результатом этих разногласий явилось ослабление военной мощи завоевателей и наступившие вслед за этим их временные военные неудачи. После ряда довольно значительных неудач в борьбе с казахскими ханами и некоторыми

горными племенами современного Афганистана Шейбани в 1510 г. встретил опасного соперника в лице иранского шаха Исмаила (1502—1524), в сражении с которым он и погиб под Мервом осенью 1510 г. Весь Хорасан, включая сюда всю территорию современной Туркмении вместе с Хорезмом, а также весь Афганский Туркестан, перешли теперь под власть Исмаила. Бабур, бежавший после сдачи Самарканда в Афганистан и владевший теперь Кабулом, снова выступил против узбеков и с помощью шаха Исмаила вернул Самарканд. Характерно, что на сторону Бабура перешли, по словам одного из современников, даже те могольские и чагатайские войска, которые в период успешных войн Шейбани-хана действовали совместно с узбеками. Родственники Шейбани-хана оставили свои уделы и бежали в низовья Сыр-Дарьи. Вскоре, однако, одному из узбекских султанов Убейдулле (племянник Шейбани) удалось собрать отряд численностью около 3 тыс. человек, с которым он вторгся в 1512 г. в район Бухары, нанес здесь решительное поражение войскам Бабура и занял Самарканд. Бабур снова был вынужден спасаться бегством. Вслед за Убейдуллой возвратились и все остальные родственники Шейбани, которые в 1512 г. совместными усилиями одержали победу над выступившими против них иранскими войсками, после чего окончательно закрепили свое господство над Средней Азией.

Вне власти шейбанидов остался только Хорезм, где продолжали еще держаться наместники шаха Исмаила, оставленные им здесь после победы над Шейбани. Около 1511 г. знатные жители Хорезма, во главе с духовенством, недовольные правлением иранских («шиитских») наместников, призвали к себе одного из степных узбекских ханов Ильбарса, который вскоре овладел всей страной и явился родоначальником особой независимой от шейбанидов династии, управлявшей Хорезмом (Ургенч, Хива) свыше двухсот лет. При ближайших преемниках Ильбарса к Хивинскому ханству были насильственно присоединены также занятые туркменами районы между Аму-Дарьей и восточным берегом Каспийского моря.

Таким образом, уже к началу второго десятилетия XVI в. все тимуридские владения в Средней Азии оказались под властью узбекских ханов — бухарских и хивин-

ских. Бывшие хорасанские владения тимуридов отошли к Ирану.

Существовавший при тимуридах взгляд на государство как на частную собственность правящего дома продолжал сохранять свое значение и при новых династиях. Оба узбекских ханства — Бухарское и Хивинское — были разделены на уделы между представителями ханского рода. Власть главы династии — хана часто являлась номинальной, так как каждый из родственников управлял своим уделом почти независимо. Свое господство над массами населения завоеванных областей члены правящего дома осуществляли совместно с представителями господствующей знати узбекских племен — биями, беками и другими, имевшими в своем непосредственном подчинении значительную вооруженную силу.

В награду за оказываемую ханам и султанам помощь наиболее видным представителям племенной знати предоставлялись высшие государственные должности — аталыков, кушбеги и других, а также поручалось управление некоторыми областями и районами. Сверх этого узбекская знать пользовалась ханскими земельными пожалованиями.

Институт земельных пожалований, существовавший, как известно, в Средней Азии до тимуридов (икта) и при тимуридах (союргаль, тиюль), получил при узбекских династиях дальнейшее развитие, явившись одним из основных факторов феодализации узбекского общества.

Наиболее распространенным видом пожалований в XVI в. было пожалование тому или иному лицу права взимать в свою пользу налог — ренту, поступавшую ранее в казну государства. Лицо, получившее такого рода условное пожалование, собственником земли не являлось и власть его ограничивалась правом изъятия в свою пользу прибавочного продукта с крестьян, непосредственно обрабатывавших данную землю.

Наряду с условными пожалованиями, обычно обозначавшимися в Бухаре уже начиная с XVI в. термином «танхо», практиковалась также передача ханом земли в полную собственность отдельных лиц, так или иначе выделявшихся своими заслугами перед государством. Эти пожалованные земли, называвшиеся обычно муль-

ками, могли их владельцами продаваться или передаваться своим наследникам.

Если жалованная таким образом государственная земля была заселена крестьянами, последние попадали в феодальную зависимость, хотя эта зависимость не достигала степени крепостного права.

В результате всех указанных земельных пожалований в руках узбекской знати на протяжении XVI в. сосредоточивались довольно большие владения, обрабатывавшиеся трудом зависимого безземельного крестьянства. В соответствии с ростом такого феодального землевладения возрастала власть узбекской знати и над крестьянским населением. Некоторые из узбекских биев уже в начале второй половины XVI в. обладали настолько значительной силой, что вступали иногда в открытую вооруженную борьбу с представителями правящей династии, пытаясь захватить в свои руки всю полноту политической власти в отдельных районах. Однако материальные средства и власть ханов, султанов и прочих представителей правящего рода в XVI в. были еще настолько значительны, что все такие попытки узбекской знати к обособлению успеха не имели. Для поддержания своего авторитета и власти над окружающими преемники Шейбани-хана стремились собрать вокруг себя все наиболее воинственные элементы узбекского кочевого общества и предпринимали во главе их грабительские набеги на соседние страны.

К числу таких воинственных ханов принадлежал, например, уже упоминавшийся выше племянник Шейбани, Убейдулла-хан (1533—1539), во главе узбекских всадников совершивший много набегов на Хорасан. Набеги обычно сопровождались массовым опустошением целых районов и наносили значительный ущерб хозяйственной жизни Хорасанской провинции. Огромная военная добыча в виде скота, различного рода ценностей и большого числа пленных, обращаемых затем в рабов, способствовала обогащению военно-феодальной знати и примыкавшей к ней наиболее воинственной части узбекских племен, предпочитавших иногда военное ремесло мирной хозяйственной деятельности. Хан Убейдулла совершил также поход на Хорезм и, пользуясь раздорами среди местной правящей знати, сумел временно подчинить эту страну своей власти. Из рас-

сказа хивинского историка Абулгази о походе Убейдуллы на Хорезм видно, что население этой страны в первой половине XVI в. состояло из узбеков, туркменов и отуреченных потомков древнего иранского населения, носивших в Хиве название «сартов». Из того же рассказа Абулгази видно, что часть туркменского населения Хивы в первой половине XVI в. занималась земледелием.

Такие же грабительские набеги на соседние народы и страны совершались и хивинскими ханами, преемниками Ильбарса. Наибольшему разорению подвергались туркменские племена особенно в тех случаях, когда они не соглашались добровольно подчиниться хивинским ханам и выплачивать налагавшуюся на них тяжелую дань. Не менее тяжелым было положение и той части туркменского народа, которая находилась под властью иранских феодалов. В середине XVI в. среди этой части туркмен произошло крупное восстание под предводительством туркмена Аба, вызванное различного рода притеснениями со стороны иранских правителей. Подобные же восстания поднимали туркмены и против хивинских ханов. Однако из-за разрозненности туркменских племен и отсутствия общего руководства восстания эти успеха не имели.

Помимо организации военных походов, узбекские ханы стремились подкрепить свой авторитет также союзом с наиболее авторитетными кругами местного духовенства, пользовавшегося значительным влиянием в массе городского и сельского оседлого населения. Смена династий не изменила экономического положения духовенства в целом. Конфискации подверглось имущество лишь той части духовных феодалов тимуридского времени, которая активно выступала на стороне противников Шейбани-хана.

Все прочие духовные лица продолжали пользоваться выгодами своего положения по-прежнему. В частности, все вакфные земли остались в распоряжении духовных лиц на прежних основаниях.

Положение крестьян, обрабатывающих из доли урожая вакфные земли, продолжало оставаться таким же тяжелым, как и в тимуридский период.

Стремясь привлечь на свою сторону высшее духовенство и превратить его в своего помощника на случай

борьбы с военно-феодальной знатью, узбекские ханы дарили значительное количество земель религиозным учреждениям, способствуя таким образом увеличению вакфного фонда. Помимо вакфных земель, представители высшего и среднего духовенства владели также и личными земельными пожалованиями, превращавшими их в крупных земельных собственников, пользовавшихся трудом зависимых крестьян наряду с военно-феодальной знатью.

* * *

Узбеки, явившись на территорию Средней Азии, были кочевым народом, находившемся на одной из ранних стадий развития феодальных отношений и, естественно, не принесли с собой нового способа производства, а восприняли целиком тот социально-экономический строй, который здесь господствовал при тимуридах. «Новое» оказалось лишь в том, что состав господствующего класса сменился: на месте прежней тимуридской знати стала новая, узбекская во главе с ханом и его родственниками.

Неизменность прежней системы подтверждается также и тем, что структура землевладения при шейбанидах в основном осталась такой же, как при тимуридах и даже в более ранний период, на что отчасти указывалось уже выше.

Самую значительную категорию земель составляли мемлеке-и-падишахи или мемлеке-и-султани, под которыми в Бухаре в XVI в. были известны земли общегосударственные («черные»), верховным собственником которых в основном являлся глава государства — хан. Документы XVI в. показывают, что в состав земельных фондов мемлеке-и-султани входила не только значительная часть земель сельскохозяйственного значения, но также значительные земельные участки, занимавшиеся под городские базары и другие городские строения. Владельцы данной категории земель были как бы их арендаторами, пользующимися своим правом временно, хотя бы и пожизненно. Земли эти нельзя было ни продавать, ни дарить, ни завещать в вакф. Однако фактически сделки купли-продажи земель мемлеке все же совершались постоянно. Оформлялись эти сделки в качестве купли-продажи не самой земли, а того, что было

сделано на ней личным трудом ее владельца, например посаженных им деревьев, воздвигнутых построек, оросительных каналов и т. д. Такое толкование существа сделки купли-продажи земель мемлеке являлось особого рода юридической уловкой, возникшей под влиянием практической необходимости так или иначе производить перераспределение возделываемых земельных фондов с целью обеспечить их беспрерывную обработку.

Из опубликованных Институтом востоковедения Академии наук СССР документов «Архива шейхов Джуйбари XVI века» видно, что земли мемлеке занимали не только непосредственные производители-крестьяне, но что они часто принадлежали также местным феодалам, как светским, так и духовным, которые уже от своего имени предоставляли земельные участки для обработки крестьянам.

Крестьяне, следовательно, были обязаны выполнять не только общегосударственные феодальные повинности, связанные с пользованием землями мемлеке, но также вносить еще новые, дополнительные налоги в пользу крупного землевладельца.

Достаточно подробных сведений о характере феодальных повинностей, лежавших на непосредственном производителе, доступные пока источники не сообщают, если не считать общих данных, которые можно характеризовать следующим образом.

В основе эксплуатации непосредственного производителя на землях мемлеке лежало изъятие налога-ренты, называвшейся обычно в средние века хараджем. В XVI—XVII вв. термин «харадж», как правило, не употребляется, ему соответствует термин «малваджихат», постоянно встречающийся в документах этого времени.

Малваджихат являлся основным налогом-рентой, уплата которой относилась к числу главнейших обязательств крестьянина перед государством.

Этим же термином, как показывают работы И. П. Петрушевского, обозначался основной налог-рента в соседнем сефевидском Иране, взимавшийся всегда натурой, официально в размере одной десятой части урожая, а фактически до 30% его. В каком размере взимался малваджихат в рассматриваемое время в Сред-

ней Азии, сведений в источниках не встречается, однако значительной разницы здесь, вероятно, не было.

Помимо указанного основного налога, крестьянство уплачивало много других, менее значительных. К числу их относятся ихраджат и таваджжухат, под которыми разумелись различные сборы, налоги и повинности и взимание их было установлено еще со времени монгольского владычества; даругаги — сбор на содержание сборщиков налога и правителей отдельных областей. Как даругаги, так и малваджихат нередко бывал предметом специального пожалования тому или иному лицу за выполняемую им государственную службу. Общераспространенным на всем мусульманском Востоке налогом на стада, имущество вообще и товары в частности был зякет, установленный официально в размере $^1/_{40}$ стоимости имущества, — в действительности он взимался в значительно больших размерах. Еще собирались налоги забитанэ — специальный сбор в пользу правителя (забит); танабанэ—налог на сады, виноградники, клеверники и огороды; медед-и-лешкар — чрезвычайный военный налог, сохранившийся, как и большинство названных здесь налогов, и в позднейшее время; коналга — натуральное и отчасти денежное довольствие, которое население обязано было предоставлять проезжающим должностным лицам, а также войскам; хашар и бегар, — под которыми подразумевались различные натуральные повинности, а также целый ряд других.

Вопрос о размерах отдельных видов налогов не может быть освещен достаточно точно. Однако не подлежит сомнению, что взятые в общей сумме все названные налоги являлись огромным бременем, которое давило на местное крестьянство и трудящееся городское население.

Не вполне ясным остается вопрос о том, в каком виде — натуральном или денежном — взимались указанные здесь налоги, хотя некоторые источники говорят, что рента в рассматриваемое время существовала смешанная — деньгами и натурой, включая и некоторые виды отработок. Главная тяжесть налогового гнета лежала на массе крестьянства, сидевшей на землях не только мемлеке, но и на других, к числу которых принадлежали мульки и вакфы.

Основные черты и особенности мульковых земель в XVI—XVII вв. освещаются доступными документами довольно подробно.

К мулькам принадлежали земли, составлявшие частную собственность отдельных феодалов и других лиц. Источники возникновения мулькового землевладения различны: часть мульков возникла вследствие ханских пожалований, о которых уже говорилось выше, другие— путем «оживления» неорошенных земель, третьи приобретались путем покупки. В качестве домениальной земельной собственности мульки могли передаваться по наследству, продаваться, отчуждаться в вакф и т. д.

Основная масса мульковых земель принадлежала высшей феодальной знати — эмирам, биям, эмирзаде, тарханам, бекам и т. д., а также высшему и среднему духовенству, купцам.

Уже указывавшиеся выше документы архива джуйбарских шейхов позволяют до некоторой степени судить о том, каких размеров достигали мульковые земли отдельных лиц. Упоминаются участки, достигавшие размеров 1300 и более танапов и составлявшие надел целого селения. В других случаях мульковое имущество крупных землевладельцев состояло из множества мелких участков, разбросанных в различных местах Бухарского ханства и даже за его пределами.

Характерно, что среди крупных мульковладельцев в XVI в., наряду с различными узбекскими феодалами и представителями высшего духовенства, упоминаются также представители высшей тимуридской знати XV в. Это обстоятельство говорит о том, что часть господствующего класса тимуридского государства сумела сохранить свои земельные имущества и таким образом продолжала еще играть известную, хотя и довольно скромную роль в общественно-политической жизни государства шейбанидов.

К числу крупных владельцев мульковых земель следует отнести также членов правящей династии во главе с самим ханом. Хотя хан являлся верховным собственником всей земли, тем не менее в его распоряжении находилось и лично принадлежавшее ему имущество, также называемое мульком и составлявшее как бы удельные земли династии. Документы XVI в. ука-

зывают, что бухарские ханы, как и прочие крупные феодалы-землевладельцы, занимались покупкой и продажей мульковых земель, оформляя сделки у казиев, наряду с прочими сделками такого же рода. Один из документов говорит, например, о продаже Искандер-ханом, мульковых земель, находившихся в пользовании жителей одного из селений. Другие документы говорят о купле, продаже и дарении мульковых земель сыном Искандера, ханом Абдуллой.

Одну из видных категорий землевладельцев, располагавших значительными мульковыми землями, составляли и упоминавшиеся ранее джуйбарские шейхи, земли которых в целом достигали нескольких десятков тысяч танапов и, по-видимому, превосходили своими размерами владения большинства их современников.

Было бы, однако, неправильно считать, что понятие мульковых земель ограничивается исключительно крупным землевладением местных феодалов. Подобно тому как в монгольском Иране, наряду с мульками сановников и других высокопоставленных лиц, существовали также мелкие крестьянские мульковые наделы (мульки мердум), в Бухарском ханстве в XVI—XVII вв. также существовали мульковые владения, принадлежавшие рядовым жителям. Размеры этих мульковых участков были обычно от 1 до 30 танапов. Так, в числе владельцев мульков джуйбарские документы упоминают не только простых крестьян, но и вольноотпущенников, что указывает на сравнительно широкое распространение категории мульков среди разнообразных групп населения. Необходимо, однако, заметить, что удельный вес мелких крестьянских мульков был, по-видимому, не особенно значителен, так как большая часть земель данной категории скупалась и сосредоточивалась в руках представителей господствующего класса.

Можно отметить также, что в состав мульковых владений в XVI—XVII вв. входили и оросительные каналы, составлявшие личную собственность того или иного лица. Известны документы о пожаловании тем или иным лицам оросительных каналов.

К мулькам принадлежали земли, расположенные не только в сельской местности, но также и в городах, например участки, занятые под лавки, мастерские, караван-сараи и т. д.

Заслуживает внимания, что в руках одного и того же лица нередко сосредоточивалось наряду с крупными земельными участками также значительное количество торговых и ремесленных предприятий. При наличии такого рода условий класс феодалов не только играл доминирующую роль в местном землевладении, но и оказывал большое влияние на ход торговли, особенно внешней. В торговом обороте участвовал преимущественно прибавочный продукт, поступавший в руки господствующей феодальной верхушки от непосредственного производителя — крестьянина и ремесленника.

Понятно, что такая торговля не могла оказать революционизирующего действия на местное производство, усиливая, наоборот, его застойный характер.

Сложившиеся в Бухаре в конце XVI в. социально-экономическая структура землевладения и система торгового обмена были целиком подчинены интересам местных феодалов.

Данное положение характерно не только для XVI в., но также и для последующего времени.

Знакомство с документами XVI—XVII вв. показывает, что владельцы крупных мульковых земель собственного хозяйства на них не вели. Значительное количество мульковых владений находилось в пользовании отдельных сельскохозяйственных общин, представители которых вносили в пользу землевладельцев все установленные налоги. В других случаях владельцы мульков делили свою землю на ряд отдельных участков и отдавали их в долгосрочную аренду безземельным и малоземельным крестьянам за определенную долю урожая, это делали, например, такие крупные землевладельцы, как джуйбарские шейхи.

Крупные землевладельцы обычно на своих землях не жили, ограничиваясь лишь сбором причитающегося с земли налога-ренты через своих уполномоченных, что наблюдалось и в более ранние периоды.

Составляя личную наследственную собственность того или иного лица, мульковые владения облагались налогами наряду с прочими земельными имуществами. В некоторых случаях владельцу мулька удавалось получить грамоту на освобождение от уплаты соответствующих налогов. Такого рода мульк называли «очищенным» (мульк-и хурр, или мульк-и халис).

Судя по тому, что «очищенные» мульки упоминаются в документах и в литературе сравнительно редко, можно полагать, что фонд земель этой категории был ограничен. Это, впрочем, понятно: перечисляя тот или другой участок земли в категорию мульков «очищенных», государство тем самым отказывалось от распоряжения прибавочным продуктом от таких земельных угодий, что могло делаться, разумеется, лишь в отдельных, исключительных случаях. Обычно владельцы «очищенных» мульков являлись лицами, пользующимися значительным влиянием в правящих кругах.

Еще одну основную категорию земельной собственности в Бухарском ханстве на протяжении не только XVI, но и последующих веков, составляли земли вакфные, которые принято иногда сравнивать с землями церковными и монастырскими. Подобное сравнение, однако, крайне условно, так как распоряжение вакфными землями закреплялось самим жертвователем за определенным лицом (мутавеллий), обычно принадлежавшим к числу сыновей или родственников учредителя вакфа. Таким образом, земля фактически в силу дарственной грамоты закреплялась за родом жертвователя, в то время как юридический ее собственник — мечеть, медресе и т. п. — пользовался лишь определенной частью доходов с нее. Примером подобных пожертвований в вакф могут служить известные вакфы ходжи Ахрара, а также многочисленные случаи учреждения вакфов джуйбарскими шейхами. Управление этими землями принадлежало обычно потомкам жертвователя. В качестве другой характерной черты, отличающей вакфы от церковных или монастырских земель, можно отметить отсутствие на вакфных землях крупного централизованного хозяйства, существующего обычно на землях средневековых монастырей и церквей.

Среднеазиатские вакфы представляют собой более или менее распыленные участки, сдаваемые их распорядителями на тех или иных условиях в аренду отдельным лицам, а иногда даже целым селениям.

Главную роль распорядителя играли, как уже указывалось, мутавеллии. Роль юридического владельца сводилась по существу к получению установленной ренты, в соответствии с волей завещателя, выраженной в вакфной грамоте.

Характерно, что арендаторами вакфных земель в XVI в. выступают иногда различные высокопоставленные лица, которые, разумеется, непосредственного участия в обработке данных земель не принимали.

Таким образом, можно отметить, что вакфные земли представляли собой одно из средств обогащения класса крупных землевладельцев-феодалов, выступавших в данном случае в качестве посредников между юридическим собственником земли и непосредственным производителем. Это обстоятельство показывает, что юридическая принадлежность вакфной земли тому или другому религиозному учреждению в ряде случаев являлась простой фикцией, прикрывавшей собой одну из форм обычного частного землевладения.

Расхищению вакфных фондов способствовала также система сдачи сбора налогов с вакфных земель на откуп отдельным лицам, что было связано с множеством различного рода злоупотреблений, в частности насилий над крестьянами. По-видимому, в связи с этим обстоятельством находится также факт, отмеченный более поздними источниками, что положение крестьянства, сидевшего на вакфных землях, являлось более тяжелым по сравнению с массой земледельцев, обрабатывавших государственные земли. К тому же население, обрабатывавшее вакфные земли, обязано было различными повинностями не только в пользу мечети, мутавеллия, откупщика и т. д., но даже и в пользу государства. Этим и можно объяснить то, что крестьяне стремились покинуть вакфные земли при первой возможности.

Документы XVI в. указывают на необычайную распространенность вакфных земель в Бухарском ханстве, что, с одной стороны, подтверждает исключительное значение Бухары как религиозного центра Средней Азии, с другой — указывает на необычайно высокий вес духовенства в местной политической и экономической жизни.

* * *

В 50-х годах XVI в. после смерти хана Абдул-Азиза, сына Убейдуллы, среди шейбанидов обостряется борьба за ханский престол. Перевес в этой борьбе оказывается в конце концов на стороне одного из чле-

нов династии — Абдуллы, который в 1560 г. возводит на ханский престол своего отца Искандера и от его имени успешно заканчивает борьбу со своими противниками, правителями отдельных уделов.

В 1583 г., после смерти своего отца, Абдулла занимает ханский престол, остававшийся за ним до самой его смерти в 1598 г. Правление Абдуллы характеризуется значительным усилением ханской власти, что является результатом не только успешных завоевательных походов, но и победы хана над всеми враждебными ему родственниками, подвергшимися почти поголовному истреблению. В период правления Абдуллы централизация государственной власти достигала высших пределов. Представители узбекской племенной знати вынуждены были занять положение «служилых людей», хотя и игравших известную роль на ханской службе, но лишенных самостоятельного политического значения.

В борьбе за укрепление своей власти Абдулла с первых же лет своего правления опирается на поддержку высшего бухарского духовенства, из среды которого особую помощь хану оказали так называемые джуйбарские шейхи (ходжи), считавшиеся наследственными хранителями мавзолея одного из наиболее популярных бухарских святых. В свою очередь Абдулла оказывал шейхам всяческие милости. В результате различных ханских пожалований и освобождения от налогов джуйбарские ходжи превращаются в крупнейших землевладельцев Бухарского ханства. Свои земли шейхи обрабатывают трудом зависимых крестьян и отчасти рабов, приобретавшихся на невольничьих рынках Средней Азии.

В период своего правления Абдулле удалось значительно расширить границы своего государства путем захвата соседних областей.

В 1584 г. бухарскими войсками после упорной борьбы был взят Бадахшан, до того находившийся под властью потомков тимуридских правителей. Вместе с Бадахшаном были подчинены Куляб и другие области, занятые таджикским населением.

Через год после завоевания Бадахшана Абдуллой было подавлено начавшееся здесь сильное восстание, направленное против власти узбекских феодалов. Насколько кровопролитно было восстание, можно судить

по сообщению историка Абдуллы о том, что в одном из боев было убито 6 тыс. восставших.

В следующие годы Абдулла подчиняет себе большую часть Хорасана до Мешхеда включительно, а также Герат и юго-запад современной Туркмении с центром в Мерве. К концу царствования Абдулла совершает несколько походов в казахские степи, а также подчиняет себе Хорезм.

Военные успехи бухарского хана в Хорасане и Хорезме (Хива) способствовали возникновению своеобразного военного союза между Хивой и Ираном на почве совместной защиты от нападений бухарцев.

В свою очередь Абдулла пытается вступить в союз с турецким султаном Мурадом III (1574—1595) с целью создать угрозу шаху Ирана Аббасу (1587—1628).

Обострение отношений с Ираном заставило хана Абдуллу искать сближения с индийским императором из династии Великих моголов, Акбаром (1556—1605), который также находился во враждебных отношениях с Ираном, ведя с ним борьбу за раздел афганской территории. В 1585 г. состоялся обмен посольствами между Бухарой и Индией.

Сохранившиеся народные предания, а отчасти и письменные источники с именем Абдуллы связывают ряд мероприятий, направленных на улучшение экономической жизни страны. В частности, Абдулле приписывают заботы об улучшении и расширении ирригации, проведении путей сообщения, устройстве в пустынных степях водоемов для проезжающих, а также мероприятия по улучшению монетного дела и т. д. По приказанию Абдуллы в Бухаре и других городах Средней Азии строились медресе и другие здания, частью сохранившиеся до настоящего времени.

* * *

К началу XVI в. относятся первые сведения о киргизах в Средней Азии. В средние века масса киргизского населения жила, как известно, на Енисее, откуда постепенно передвинулась на юго-запад, и к началу XVI в. разместилась в северной части территории современной Киргизской ССР. Свою страну киргизам приходилось защищать от нападений правителей соседнего Моголистана, а также казахских ханов.

В конце первой половины XVI в. киргизы временно объединяются политически с казахами, но вскоре этот союз распадается и в последующее время уже не восстанавливается. Основным занятием киргизов в XVI в., как и в более позднее время, было скотоводство.

К XVI в. относятся первые попытки проникновения киргизов в Кашгарию и Фергану. Под 1586 годом у историка хана Абдуллы встречаются первые сведения о проникновении части киргизов в районы современного горного Таджикистана (Каратегин), куда они направились, может быть, под давлением ойратов (калмыков), как это наблюдалось в последующем XVII столетии.

К XVI в. относятся также первые сведения о появлении на территории Средней Азии каракалпаков под их современным названием. В конце царствования хана Абдуллы каракалпаки занимали территорию нижнего течения Сыр-Дарьи. До своего появления в Средней Азии этот народ кочевал, по-видимому, совместно с ногайцами. Попав в XVI в. в окружение казахов, каракалпаки сохранили свои хозяйственно-бытовые особенности, язык и политическую независимость. Каракалпаки, как и киргизы, делились на ряд племен, управлявшихся своими особыми предводителями.

* * *

После смерти Абдуллы в начале 1598 г. на бухарский престол вступил его сын Абдул-Мумин, который был убит через полгода бывшими приближенными своего отца. Со смертью Абдул-Мумина династия шейбанидов прекратилась. Власть фактически переходит в руки племенных вождей — биев. Объединенная на некоторое время в руках Абдуллы обширная территория дробится на отдельные части. Шах Аббас изгоняет наместников Шейбани из Хорасана и даже делает попытку (правда, неудачную) подчинить себе район Балха; хивинская династия при поддержке шаха Аббаса снова возвращает себе власть над Хорезмом и туркменскими районами. Казахский хан Тевеккель, сумевший объединить на некоторое время под своей властью разрозненные казахские племена, захватывает Ташкент и даже пытается овладеть Самаркандом (1599 г.).

В такой чрезвычайно напряженной обстановке в Бухаре воцаряется новая династия, ведущая свое про-

исхождение от последних астраханских ханов Яр Мухаммеда и сына его Джанибека, переселившихся в Бухару после завоевания Астрахани Россией в 1556 г.

Власть большинства ханов из астраханской династии (аштарханиды) была незначительна. Решающую роль в общественно-политической и экономической жизни страны начинают играть представители узбекской племенной знати, превращающие ханов в простое орудие своей воли. Ослаблению власти аштарханидов способствовала также их почти постоянная борьба между собою, отражавшая обычно взаимную борьбу отдельных феодальных прослоек узбекского общества. Столицей Бухарского ханства в XVII в., как и в предыдущем столетии, была Бухара, уступавшая иногда свое место Балху, значение которого в XVII в. было вообще довольно велико.

Элементы феодальных отношений, существовавшие в недрах узбекского кочевого общества и в более ранний период, получают теперь почву для дальнейшего развития и постепенно вырастают в довольно стройную систему феодализма, хотя и не лишенного ряда местных особенностей. Основным фактором феодализации узбекского общества явилась, как указывалось выше, система земельных пожалований, развитие крупного феодального землевладения и создавшиеся на этой основе определенные взаимоотношения между землевладельцем и непосредственным производителем.

Подобного рода феодальные отношения существовали в Средней Азии как при тимуридах (XV в.), так и раньше. Особое значение описываемого нами процесса феодализации XVII в. заключается в том, что он развивается теперь на новой, более расширенной социально-этнической основе, проникает в кочевое общество, структура которого под влиянием экономических факторов начинает постепенно видоизменяться в сторону все большего превращения родо-племенной узбекской общины в общину территориальную с соответствующей перестройкой всех внутренних отношений. В соответствии с этой перестройкой меняются и формы классовой эксплуатации и формы классовой борьбы.

Узбекские бии, правители отдельных племен или областей, являвшиеся на протяжении большей части XVI в. простыми ханскими наместниками, постепенно

превращаются в самостоятельных правителей, в руках которых сосредоточиваются теперь и крупное землевладение и суверенная власть в пределах определенной территориально-политической единицы. С ростом местного крупного землевладения центральная ханская власть утрачивает свою экономическую основу и по временам превращается в простую фикцию.

Территория Бухарского ханства постепенно дробится на ряд независимых мелких феодальных владений, во главе которых стоят уже не представители правящей династии, а предводители отдельных племен.

На тяжелое положение трудящихся масс, в частности кочевого крестьянства, испытывавшего на себе гнет феодальной эксплуатации, указывает факт массового восстания жителей средней части долины Зеравшана в 1681 г. против власти феодалов. Восстание было подавлено, хотя вспышки его еще продолжались.

Из рассказа современника событий видно, что в восстании наряду с узбеками участвовали также каракалпаки, уже успевшие к этому времени частично переселиться в Зеравшанскую долину, в то время как основная масса каракалпакского народа продолжала еще оставаться на Сыр-Дарье.

Упадком политической мощи Бухары в XVII в. пользуются казахские ханы, владевшие в начале этого столетия Ташкентом. Из района Ташкента казахские ханы совершали набеги на центральные районы Средней Азии, до Самарканда включительно. В свою очередь некоторые из аштарханидов предпринимали ответные набеги на казахские степи, опустошая все, что попадалось им на пути. За один из таких походов, совершенный ханом Имам Кули (1611—1643), бухарские войска достигли низовьев Сыр-Дарьи и северо-западных границ современной Киргизии. При Имам Кули-хане был присоединен к Бухаре Ташкент; прочного же подчинения казахских степей и каракалпакских районов достигнуто не было.

Частые вторжения казахов в оседлые районы Средней Азии в XVII в. были вызваны отчасти движением калмыков (ойратов), постепенно перекочевывавших начиная с XV в. от границ Монголии на юго-запад и достигших в начале XVII в. северных границ казахской территории.

В 30-х годах XVII в. часть калмыков заняла северное побережье Каспийского моря и низовья Волги, откуда они иногда совершали свои набеги на Хорезм и даже на северные окраины Ирана.

Результатом указанного перемещения калмыков явилось также оттеснение большей части туркменов с полуострова Мангышлака в более южные районы и вытеснение киргизов с северных склонов Тянь-Шаня в Фергану и горные районы современного Таджикистана. С отходом калмыков большая часть киргизов вернулась на свою прежнюю территорию.

В противоположность Бухаре Хивинское ханство переживало в XVII в. период некоторого политического подъема, особенно за время правления известного хана и историка Абулгази (1643—1663), а также сына и преемника его Ануши (1663—1687), сумевших в известной степени примирить враждовавшие между собой отдельные феодальные группировки среди узбеков и направить их силы совместно с отрядами туркменских вождей на грабительские походы против соседних народов.

Пользуясь слабостью Бухарского ханства и взаимной борьбой местных феодалов, Абулгази и Ануша совершали систематические набеги на территорию Бухары, всюду производя грабежи и насилия над мирным населением. Такие же грабежи производились этими хивинскими ханами и в туркменских районах и отчасти в Хорасане, где после смерти шаха Аббаса сильной власти уже не было.

Упадок политического значения аштарханидов сопровождался ростом военно-политической мощи отдельных бухарских феодалов из числа узбекской знати, к которой принадлежал, например, известный сановник (аталык) хана Абдул-Азиза (1645—1680), бий Ялантуш, строитель знаменитых самаркандских медресе Шир-дар и Тилля-кари. Располагая огромными средствами, получаемыми от феодальной эксплуатации зависимого населения, Ялантуш и другие подобные ему бии имели возможность содержать значительное войско и совершать походы на соседние страны, в частности в район Кабула, принадлежавшего в XVII в. Великим моголам, и на Хорасанскую провинцию Ирана. Во время похода захватывалось множество пленных,

обращаемых, как и в XVI в., в рабов. По словам русского посла в Бухаре Бориса Пазухина (1670—1671), много рабов было занято на полевых работах, часть была дворовой челядью местных феодалов и других состоятельных лиц. Число рабов, находившихся в собственности только Ялантуш-бия, доходило, по словам одного из узбекских авторов XVIII в., до трех тысяч, что, разумеется, ни в какой мере не говорит о наличии в Средней Азии в рассматриваемое время рабовладельческой формации, а указывает лишь на наличие здесь домашнего рабства, сохранявшегося в ряде восточных стран, как известно, до самого последнего времени. Трудом рабов Ялантуш выстроил и свои знаменитые самаркандские медресе.

Хозяйственная жизнь Средней Азии, нарушенная в связи с военными событиями первого десятилетия XVI в., довольно быстро восстанавливается.

Прибывший в Среднюю Азию в 1512 г. хорасанский поэт и литератор Васифи дает нам довольно подробное описание посещавшихся им среднеазиатских городов. Из его описания видно, что Бухара, Самарканд и Ташкент при первых шейбанидах представляли довольно многолюдные города, являвшиеся центрами оживленной ремесленно-торговой и культурной жизни.

Дошедшие до нас деловые документы второй половины XVI в. показывают, что ремесленная деятельность населения Бухары и Самарканда достигала широких размеров, хотя в организационном отношении местное ремесло целиком носило характер мелкого распыленного производства, не сложившегося еще в мануфактуру, какую наблюдаем мы в это время в европейских странах.

Земледельческая деятельность местного, главным образом таджикского оседлого, населения также протекала без особых нарушений, хотя соседство значительной массы кочевников — узбеков или казахов (на севере) не могло, разумеется, не отразиться на известном перераспределении хозяйственных угодий, а именно: употребление пахотных земель под пастбища. Возможно, что в связи с этим обстоятельством находится и отход части таджикского населения в горные районы, не представлявшие достаточных удобств для кочевого скотоводческого хозяйства.

К концу XVI в. бухарские источники отмечают некоторые сдвиги и в скотоводческом хозяйстве кочевников. Это видно, между прочим, из того, что, наряду с местными терминами «дехнишин» оседлый) и «сахранишин» (кочевник), появляется также термин «кышлакнишин», обозначающий ту часть кочевого населения, которая стала постепенно оседать, превращая свои прежние сезонные зимние стоянки (кышлак) как бы в места постоянного жительства. Подобное же положение с кочевым хозяйством наблюдается и в Хиве, где под влиянием недостатка скота и пастбищ узбеки меньше чем через столетие с момента своего появления на территории оазиса стали переходить к земледелию и овладели техникой искусственного орошения, без которого занятие земледелием в местных условиях невозможно. Между тем Дженкинсон, посетивший Хиву в 1558 г., отмечает, что узбеки не сеют и не потребляют хлеба, питаясь исключительно мясом и молоком.

Однако из слов Абулгази видно, что уже к началу XVII столетия узбеками в Хиве были проведены крупные оросительные каналы и производились значительные посевы пшеницы.

В связи с начавшимся оседанием происходит процесс постепенного смешения этнических групп. Родственные узбекам по языку и происхождению тюрки и чагатаи постепенно сливаются с массой узбекского населения, почти утрачивая свои племенные подразделения и этнические особенности. Насколько усиленно протекал процесс ассимиляции узбеками отдельных тюркоязычных племен и народностей, можно судить по тому факту, что в конце XVI в., как и при тимуридах, все население Бухарского ханства (кроме узбеков) делилось на «тюрков и таджиков», а столетием позже, в конце XVII в., историки упоминают уже только об «узбеках и таджиках». Подобное же положение наблюдалось и в Хивинском ханстве, где чагатаи, рассматривавшиеся еще в первой половине XVII в. как самостоятельная этническая единица, впоследствии ассимилировались и совсем исчезли. Таджики также частью сливались постепенно с узбеками и тюрками, утрачивая свой язык иранской системы, особенно в тех районах, где узбекский или тюркоязычный элемент составлял преобладающую массу населения, например в Фергане или районе

Ташкента. Другая часть таджиков, составлявшая достаточно компактную массу в отдельных городах или районах (преимущественно горных), продолжала сохранять свой язык и свои этнические особенности.

Взаимодействие с соседними племенами и народами отражалось, разумеется, и на самих узбеках, постоянно испытывавших на себе влияние окружающей этнической среды, особенно в Бухарском ханстве. Наряду с отмеченными выше процессами ассимиляции происходил также процесс культурного и хозяйственного воздействия на узбеков окружающей массы соседей, главным образом таджиков и отчасти чагатаев.

Узбекский язык постепенно впитывает в себя множество заимствованных слов, обозначающих новые для узбекской массы понятия. Среди господствующих классов узбекского общества получают распространение произведения персидско-таджикской и «чагатайской» — староузбекской — литературы и поэзии, под сильным влиянием которых постепенно зарождаются в дальнейшем литературные произведения на узбекском языке. Таджикский и староузбекский литературные языки становятся официальными языками узбекских ханств Средней Азии. На таджикском же языке большей частью пишут свои произведения придворные поэты и историки бухарских ханов XVI—XVII вв.

Наряду с официальным мусульманским духовенством развивают свою деятельность также различные суфийские (дервишские) ордена, вербующие последователей из самых разнообразных кругов местного общества, в том числе и из высшей феодальной знати, не исключая самих ханов. Начиная с XVI в. суфийская пропаганда проникает уже в казахские, киргизские и туркменские районы.

Необходимо отметить, что, несмотря на устанавливавшееся в XVI—XVII вв. бесспорное влияние оседлой земледельческой культуры на социально-экономическую жизнь узбекского народа, общественный строй узбеков менялся чрезвычайно медленно. Кочевое скотоводческое хозяйство и связанная с ним родо-племенная организация продолжают еще оставаться и сохранять свою силу.

Вместе с тем не потеряла своего значения и племенная знать, не только не утратившая влияния на обще-

ственно-политическую жизнь местного общества, но даже значительно усилившая его благодаря сосредоточению в ее руках крупных земельных владений.

* * *

Торговые связи Средней Азии с окружавшими ее странами играли в прошлом весьма значительную роль. Средняя Азия являлась с древнейших времен транзитным районом, через который проходил караванный путь из Передней Азии в Китай и Монголию. В отдельные исторические периоды направление торговых путей менялось, в соответствии с чем транзитное значение Средней Азии не всегда было одинаково. Помимо изменения направления торговых путей, на международных торговых сношениях Средней Азии сказывалось и ее политическое состояние и общий уровень ее производительных сил в тот или иной исторический период. XV век, характеризующийся крайним раздроблением и политическим упадком Средней Азии, был связан также с резким сокращением ее внешней торговли. Прекращение торговых и дипломатических сношений Средней Азии с Китаем является одним из наглядных подтверждений этого положения.

Еще следует заметить, что участие Средней Азии в международной торговле в прошлом не привело к созданию достаточно устойчивого внутреннего рынка. Отрицательные последствия этого факта отразились на экономическом положении Средней Азии уже в XVI—XVII вв., когда благодаря великим географическим открытиям произошло общее перемещение торговых путей и, в частности, тех магистралей, по которым протекала торговля между Европой и Азией.

Это обстоятельство сказалось не только на упадке транзитного значения Средней Азии, но повлекло за собою также нарушение экономических связей между отдельными ее районами и общее сокращение производства и потребления, как бы частичный возврат к натуральному хозяйству.

Однако изменявшаяся таким образом международная обстановка не могла полностью нарушить традиционных торговых связей Средней Азии с окружающими ее странами. Торговые караваны из Бухары, Хивы и Балха по-прежнему продолжали ходить в Индию, Иран,

Казахстан и Ногайские степи, в Сибирь и Кашгарию. Караваны из всех указанных стран приходили в Среднюю Азию.

Историк хана Абдуллы сообщает, что купцы из Пешавара, Декана и Гуджерата (Индия) приезжали со своими товарами как в Хорасан, так и в прилегающие к нему районы Средней Азии.

В тот же период развивались и дипломатические сношения Средней Азии с государством Великих моголов и с Турцией.

Весьма значительную роль среднеазиатские купцы играют в XVI в. в «Сибирском царстве» Кучума, поддерживавшем дипломатические связи с Бухарским ханством. Не прерывалась окончательно также торговля между Ираном и Средней Азией, как это видно из сообщений среднеазиатских историков того времени.

Значение Средней Азии в снабжении казахских и ногайских степей продукцией местной ремесленной, в особенности текстильной, промышленности было чрезвычайно велико и имело решающее значение в экономической жизни степных районов.

Как бы ни были важны все отмеченные выше факты, характеризующие торговые связи Средней Азии с соседними странами и народами,— они все же не настолько значительны, чтобы могли определить необходимую внутреннюю хозяйственную устойчивость и укрепить международное торговое значение Средней Азии.

Решающую роль во внешней торговле Средней Азии постепенно начинает играть Московское государство.

Возрастающие в XVI—XVII вв. связи Средней Азии с восточно-европейским российским рынком характеризуют собою то новое, что происходит на протяжении рассматриваемого периода во взаимоотношениях Средней Азии с окружающим миром и что впоследствии, уже начиная с XVIII в., привело к чрезвычайно важным экономическим и политическим последствиям.

Известно, что торговые связи между Средней Азией и восточной Европой существовали и в средние века и в более поздний период. Однако значение их в предшествовавшее время было весьма невелико. Восточная Европа в прошлом поставляла в Среднюю Азию главным образом сырье, так как по развитию производительных сил стояла на довольно низком уровне. Есте-

ственно поэтому, что и влияние ее на экономическую жизнь Средней Азии было очень ограничено. В XVI и XVII вв. благодаря усилившимся экономическим связям Московского государства с Западной Европой, с одной стороны, и с зарождением элементов собственного капиталистического производства, с другой — характер торговли между Московским государством и Средней Азией меняется. Восточноевропейский рынок приобретает все больший и больший экономический перевес.

В литературе было уже давно отмечено, что торговый интерес к Востоку в Московской Руси возникал и развивался параллельно торговым отношениям с Западом. С особой силой сказалось это после завоевания Московским государством Казани (1552 г.) и Астрахани (1556 г.), когда сношения Руси со среднеазиатскими ханствами приняли более регулярный характер.

Значительным толчком к расширению торговли между обеими странами послужило путешествие английского купца и путешественника Дженкинсона, явившегося в Москву в качестве представителя Лондонской торговой компании. Дженкинсон не был новатором в деле развития торговли между Россией и Средней Азией; это видно уже из того, что караван, при котором прибыл в Хиву названный английский купец, состоял из тысячи верблюдов, что вряд ли было бы возможно, если бы торговля между Москвой и Средней Азией не существовала значительно раньше. Действительно, к моменту занятия Астрахани в 1556 г., здесь уже находились купцы из Средней Азии, которые проникали, несомненно, со своими товарами и дальше в глубь Московского государства. Имеется свидетельство о том, что еще в 1364 г. бухарские и хивинские купцы проникали до Нижнего Новгорода. К XVI в. относятся первые сведения о торговых и дипломатических сношениях между Московским государством и казахскими степями. Тем не менее путешествие Дженкинсона в Хиву и Бухару в 1558—1559 гг. имело большое значение для развития дальнейших сношений между Москвой и Средней Азией, так как Дженкинсон имел специальную грамоту Ивана IV и был таким образом первым официальным представителем Московского государства в среднеазиатских ханствах, не вступавших до сих пор в непосредственные и официальные сношения друг с другом.

С Дженкинсоном же впервые прибыли в Москву посольства из Хивы и Бухары. Основной задачей посольств являлось установление таких взаимоотношений с Московским правительством, которые могли бы способствовать более усиленному развитию торговли между обеими странами. Этой же цели добивались среднеазиатские ханы и в дальнейшем.

Торговля велась как морским путем, через Каспийское море между Астраханью и Мангышлаком, так и сухопутным, через северное побережье Каспийского моря в Хиву и Бухару. Существовал также путь через Хиву в Башкирию и дальше на Уфу и Казань.

Торговля между Средней Азией и Сибирью после подчинения последней Москве не сокращается, а усиливается, чему способствовало отсутствие на сибирских окраинах собственного производства.

Главными предметами вывоза из среднеазиатских ханств служили текстильные бумажные изделия, в большом количестве производившиеся ремесленниками Средней Азии. Наряду с простыми бумажными кустарными изделиями Средняя Азия вывозила в XVI—XVII вв. дорогие ткани: бархат, тонкую кисею, парчу, ковры, а также различные шелковые изделия, из прочих предметов следует отметить драгоценные камни, дорогое восточное оружие и другие редкие вещи.

Из Московского государства ввозились в Среднюю Азию сукна, атласы, зеркала, меха горностаев и лисиц, выделанные кожи, серебро, панцири, а также кречеты и прочие охотничьи птицы, считавшиеся в Средней Азии большой редкостью и пользовавшиеся особенно широким спросом среди местных феодалов.

Из предметов широкого потребления, кроме выделанных кож, ввозился в большом количестве так называемый щепной товар — деревянная посуда, разного сорта гвозди, пуговицы, иголки, булавки и пр.

Особое положение занимала так называемая царская или ханская торговля, предметами которой были товары, составлявшие монополию правительства той или иной страны.

Из русских товаров, входивших в оборот царской торговли, следует отметить золото, серебро, железо и олово, моржовые клыки, топоры, огнестрельное оружие и некоторые другие предметы, вывозившиеся в Среднюю Азию

только с особого разрешения Московского правительства.

Потребителями этих ценных товаров были ханы и другие крупные феодалы, посылавшие со своими купцами московским царям драгоценные камни, шелк-сырец, дорогое оружие. Ханская или царская торговля нередко принимала характер простого обмена предметами, как бы в виде подарка с той или другой стороны; в противоположность товарам массового потребления эти предметы пошлинами не облагались.

Размеры торговых оборотов между Средней Азией и Московским государством были довольно значительны. По имеющимся приблизительным подсчетам, общий оборот торговли между названными странами в XVII в. выражался в сумме около 100 000 руб. ежегодно, что составляло около $^1/_5$ части основной заграничной торговли Московского государства через Архангельский порт.

В ответ на посольства, прибывавшие из Бухары и Хивы, московские цари отправляли свои посольства в Среднюю Азию, что особенно часто наблюдалось в XVII в. Основной целью русских посольств XVI—XVII вв. был выкуп русских невольников, в довольно значительном количестве находившихся у разных лиц в среднеазиатских ханствах.

Одним из первых русских послов, доставившим значительное количество сведений о положении среднеазиатских ханств, был Иван Хохлов, посетивший в 1619 г. Бухарское ханство. В дальнейшем в задачу русских посольств входит также разведка торговых путей в Индию. В это время в Московском государстве уже наметился интерес к этой стране.

В 1674 г. Бухару и Хиву посетили братья Пазухины, которые, подобно Хохлову, выкупили значительное количество русских пленных и собрали некоторые сведения о торговых путях в государство Великих моголов. Эту же цель — изучение путей в Индию — преследовали русские послы Даудов и Касимов. Касимову удалось доехать до Кабула, откуда он предполагал направиться в столицу Великих моголов — Дели. Однако достигнуть этой цели ему не удалось, так как по пути в Индию он получил предписание возвратиться в Москву. Предписание было вызвано тем, что Московское государство

из осторожности воздерживалось от непосредственных сношений с неизвестными государствами, к числу которых принадлежала в то время и империя Великих моголов.

Последняя попытка проникнуть в этот период в Индию относится к 1695 г. и связана с поездкой купца Семена Маленького. Посол направился в Индию через Иран, прибыл в 1696 г. в Дели и был принят Великим моголом Аурангзебом; однако практических результатов и это путешествие не имело.

Дипломатические связи среднеазиатских ханств с соседними восточными государствами, как и с Москвой, не носили регулярного характера. Среднеазиатские источники упоминают о посольстве Великих моголов, прибывшем в Бухару к хану Имам Кули, и об ответном посольстве в Индию. Говорится и о посольстве из Индии в Бухару в 1684 г. и о посольствах из Хотана, Кашгара и Крыма. В связи с враждебными отношениями, существовавшими между Бухарой и Ираном, возникли дипломатические сношения между бухарским ханом Субхан Кули и турецким султаном Ахмедом II, также враждовавшим с Ираном. Впрочем, сношения между Бухарой и Турцией в этот период ограничивались лишь дипломатической перепиской или отправкой послов и реальных политических последствий не имели.

* * *

Культурная жизнь Средней Азии в XVI—XVII вв. изучена крайне недостаточно. Одним из исследователей XIX в. Вамбери было высказано в свое время мнение даже о полном упадке культуры в этот период, что, однако, вряд ли можно признать правильным. В действительности старая культурная традиция продолжала в Средней Азии сохраняться как в XVI, так и в XVII вв. причем господствовавший класс узбеков не только не проявлял враждебного отношения к прежним культурным традициям, но всячески стремился их продолжать и развивать.

Городская жизнь в Средней Азии в XVI в. стояла на довольно высоком уровне, особенно в Бухарском ханстве. Бухара, Самарканд, Ташкент и другие крупные города бухарского ханства были, как уже отмечалось выше, весьма значительными центрами торговой, ре-

месленной и культурной жизни и лишь в XVII в. временно утратили свое прежнее значение.

Источники указывают, что очагами культуры в XVI в. являлись не только дворы феодалов и их сановников, но также значительные круги торгово-ремесленного населения Бухарского ханства.

Приход к власти узбеков не отразился на состоянии городов и других населенных пунктов, большинством жителей которых были таджики и тюрки. Масса узбекского населения стала принимать участие в городской жизни лишь постепенно, по мере оседания.

В XVI—XVII вв. высшая мусульманская богословская школа — медресе — по-прежнему играет значительную роль в местной культурной жизни. Как шейбаниды, так и их преемники аштарханиды всячески стремятся к укреплению влияния высшей богословской школы и строят целый ряд новых зданий под медресе и мечети, особенно в Бухаре, Ташкенте, Самарканде и Балхе. Многие из выстроенных в XVI—XVII вв. зданий сохранились до настоящего времени и являются предметом изучения современных ученых. Многие исследователи (Б. П. Денике и другие) утверждают, что строительное искусство в Бухаре в XVI—XVII вв. стояло на достаточно высоком уровне и хранило в себе лучшие традиции прежней школы среднеазиатских зодчих.

Из зданий, выстроенных в XVI в., нужно отметить медресе Барак-хана в Ташкенте, большую пятничную мечеть и медресе Мир-Араб в Бухаре, а также ряд архитектурных памятников, выстроенных ханом Абдуллой, в том числе его два бухарских медресе.

Все здания богато украшены цветными изразцами, многотонной росписью и отличаются весьма художественной отделкой деталей.

Не меньшей известностью пользуются такие же постройки, воздвигнутые в XVII в., из которых наиболее замечательными являются медресе хана Абдул-Азиза в Бухаре и медресе Шир-дар и Тилля-кари в Самарканде.

На памятниках XVII в., несмотря на их довольно высокие художественные достоинства, заметен, по словам Б. П. Денике, некоторый упадок изразцовой декорации в сравнении с эпохой тимуридов. Эта же тенденция наблюдается и в строительной технике в це-

лом, а также в расцветке зданий и характере орнаментации.

Мечети и медресе содержались за счет вакфных имуществ, жертвовавшихся местными ханами, их сановниками и другими состоятельными лицами.

Как уже отмечалось выше, наряду с официальным богословием в Средней Азии большую роль играл суфизм, представленный различными дервишскими орденами, из которых наиболее значительным был орден Накшбенди. Пропаганда представителей ордена Накшбенди выходила далеко за пределы Средней Азии. Основателем ордена был современник Тимура ходжа Бехауд-дин. Виднейшие представители накшбендиев в XVI—XVII вв.— известные в Средней Азии суфии Магдуми-Аазам, шейх Азиза, джуйбарские шейхи и ряд других играли весьма видную общественно-политическую роль.

В противоположность иранскому суфизму, часто представлявшему собой оппозицию официальному исламу, орден Накшбенди стоял на позициях ортодоксального ислама и пользовался поэтому покровительством политической власти.

Мечети и духовенство играли в Средней Азии весьма значительную роль. Существовала должность реиса, на обязанности которого лежало наблюдение за аккуратным выполнением населением религиозных предписаний. Всех уклонившихся от своевременного посещения мечети реис имел право наказывать плетью.

Религиозная идеология в значительной степени проникала и в литературу и в поэзию, что наблюдалось, впрочем, и в других восточных странах как в данный, так и в предшествующий периоды.

Одним из существенных факторов, способствовавших оживлению культурной жизни в Бухарском ханстве при первых шейбанидах, была религиозная нетерпимость основателя Ново-Иранского государства, шаха Исмаила, вылившаяся в форму ожесточенных преследований суннитов в Иране, в частности в Герате. В результате этого значительное число гератских поэтов и ученых-богословов суннитского толка вынуждено было эмигрировать в Бухару, куда они принесли с собой и те культурные, в частности литературные, традиции, которыми так славился гератский двор Хусейн-мирзы. По утверждению А. Н. Болдырева, Средняя Азия в период

расцвета культурной жизни в Герате, в конце XV — начале XVI в., в литературном отношении никакого самостоятельного значения не имела, являясь как бы глухой провинцией. С утверждением шиитского господства в Герате, вскоре после 1510 г., литературная жизнь стала сосредоточиваться в Бухаре. На протяжении почти всего XVI в., вплоть до появления Мушфики, современника хана Абдуллы, творчество среднеазиатских поэтов протекает под сильным влиянием гератской литературной традиции. Один из гератских поэтов Васифи, прибывший, как уже указывалось, в Бухару в 1512 г. и проживший здесь до 30-х годов XVI в., в оставленных им мемуарах отмечает тот исключительный интерес, который проявляли бухарские литературные круги к произведениям поэтов гератской школы.

Литературное творчество сосредоточивалось при местных феодальных дворах. Придворные поэты XVI—XVII вв. были, по выражению Е. Э. Бертельса, литературными ремесленниками, писавшими свои произведения в духе застывших традиций классической персидской поэзии. Произведения придворных поэтов XVI—XVII вв. почти ничем не отличались от литературы X—XV вв., будучи ограничены традиционным кругом тем и связаны ранее установившимися формами — касыда, газель, четверостишие. Виднейшее место в списке произведений придворной поэзии занимали, разумеется, касыды — хвалебные оды ханам и другим правителям, от щедрости которых зависело материальное благополучие поэтов.

Из числа поэтов, писавших свои произведения в Бухаре в начале XVI в., следует отметить выходца из Герата, Бенаи, написавшего на персидском языке несколько хвалебных од, а также поэму, посвященную описанию подвигов и завоеваний Шейбани-хана. Этому же сюжету посвящена поэма другого современника Шейбани-хана Мухаммед Салиха, написавшего свое произведение на среднеазиатском тюркском языке. Наиболее выдающимся поэтом XVI в. был Мушфики, оставивший после себя большой сборник (диван) своих произведений, преимущественно лирического и сатирического характера. Мушфики — придворный поэт хана Абдуллы, поэтому среди его произведений сохранилось много хвалебных од, составленных в честь этого хана.

Мушфики является также автором стихотворной хроники, описывающей воинские подвиги Абдуллы.

Наряду с этим в творчестве Мушфики видное место занимают произведения, близкие по духу к городской антифеодальной поэзии позднего европейского средневековья.

Из таджикских поэтов XVII в. наибольшей известностью пользовался Мир Абид Сайидо, родившийся в городе Карши (средневековый Несеф) во второй четверти XVII столетия. Подобно большинству современных ему поэтов, Сайидо подвизался некоторое время при дворах ханов-аштарханидов (Абдуль-Азиса и некоторых других) и писал в честь их хвалебные оды — касыды, но затем отошел от придворной жизни и порвал с традиционными темами придворной поэзии.

Значительная часть стихотворений Сайидо посвящена жизни городского населения, в частности восхвалению труда ремесленников, игравших весьма важную роль в жизни Бухарского ханства. Среди таких стихотворений поэта встречаются стихи, посвященные плотнику, хлебнику, художнику и т. д. На близость поэта к жизни широких кругов городского населения указывает выбор необычных для поэзии того времени сюжетов о дороговизне, зимнем холоде и др.

Среди произведений Сайидо имеются стихотворения обычного для того времени лирического или религиозно-мистического содержания, а также стихотворные произведения, представляющие по своему содержанию историческую хронику различного рода выдающихся событий того времени, вследствие чего такие произведения приобретают исторический интерес.

Умер Сайидо предположительно между 1707 и 1711 гг.

Совершенно особое место в истории узбекской литературы принадлежит анонимной повести о ферганском поэте и мистике дивана («юродивом») Машрабе, деятельность которого относится к последним десятилетиям XVII в. В повести изображен мистик-дервиш, бездомный скиталец, неудовлетворенный окружавшей его мрачной действительностью, переходящий из города в город в поисках земной справедливости, но всюду встречающий лишь грубый произвол власти и напускное благочестие духовных лиц. Несмотря на свою традицион-

ную мистическую форму, повесть о дивана Машрабе насквозь проникнута протестом против того тяжелого социального гнета, под давлением которого протекала в то время народная жизнь.

Машраб жестоко высмеивает и осуждает невежество, ханжество и жадность духовенства, а также других представителей правящих кругов современного ему общества. Сатира Машраба, направленная против высокопоставленных лиц, нередко выходила за рамки благопристойности. Дервиш постоянно подвергался преследованиям со стороны властей. Резко сатирический тон его выступлений отражал глубокое недовольство народа социальным строем того времени. Повесть о Машрабе пользовалась широкой популярностью среди всех обездоленных классов общества и нередко заучивалась наизусть, наряду с произведениями народного творчества.

Широкой популярностью в Средней Азии пользовалась в рассматриваемое время старая иранско-арабская музыка, классические произведения которой, так называемые макамы, числом 12, дошли до настоящего времени и входят в постоянный репертуар местных музыкантов и певцов.

Таким образом, лучшие произведения средневековых арабских и иранских композиторов, бывших в известной мере преемниками и продолжателями античной музыкальной традиции, оказавшей, как известно, влияние также на развитие музыки европейских народов, были распространены и в Средней Азии в данный период, что, разумеется, не исключало существования народной музыки, точные сведения о характере которой у нас отсутствуют. Весьма показательно, что в XVII в. написан один из интересных трактатов по истории и теории музыки. К наиболее известным певцам и музыкантам XV и XVI вв. относятся Хаир-Хафиз, умерший в 1573 г., Мауляна Калкаби, современник хана Субхан Кули (1680—1702) и другие.

Миниатюрная живопись, достигшая необычайно высокого развития в Герате при дворе Хусейн-мирзы, где исполнял свои произведения знаменитый Бехзад, имела в Бухаре также своих видных представителей. Известно, что «мастер узбекского происхождения» Баба Наккаш появился в период правления султана Баязида II (1481—1512) в Турции и первым принес сюда искусство

живописи. Так же, как это отмечалось в отношении литературной жизни, высший расцвет бухарской школы художников-мастеров миниатюрной живописи связан с приходом в Бухару гератских художников в начале XVI в. Из мастеров бухарской школы современные исследователи отмечают Махмуда, исполнившего ряд миниатюр в период между 1525—1546 гг. Не менее выдающимся представителем бухарской школы был ученик Махмуда, Абдулла, миниатюры которого датируются 1575 г. По мнению Б. П. Денике, бухарской живописи нельзя отказать в некотором индивидуальном характере, именно — в простоте и просторе композиции, яркости и свежести красок, однако бухарская миниатюра, по наблюдениям того же исследователя, на всем протяжении XVI в. продолжает выработанные гератской школой стилистические приемы и носит весьма консервативный характер. Из художников XVII в. в бухарских источниках упоминается Ходжа Гедай, Ходжа Муким, Аваз Мухаммед и другие. Произведения художников XVII в. до сих пор остаются не изученными и неизвестны даже по названию.

Наибольшей популярностью пользуются среднеазиатские историки XVI—XVII вв. Большинство оставленных ими исторических трудов до сих пор не утратили своей ценности и представляют значительный интерес для изучения данной эпохи. Одно из видных мест принадлежит историку хана Абдуллы, Хафизи-Танышу, историческое сочинение которого «Абдулла-намэ», написанное на персидско-таджикском языке, до сих пор привлекает к себе внимание историков Средней Азии.

Значительный интерес представляет знаменитая «Родословная тюрков» хивинского хана и историка Абулгази, уже давно переведенная на русский и некоторые западноевропейские языки. В числе исторических произведений XVII в. следует отметить еще «Всемирную историю», составленную в Балхе Махмудом бен Вели, «Историю аштарханидов» Мухаммед Эмина и ряд других. Значительный исторический интерес представляют также названные выше поэтические хроники Бенаи и Мухаммед Салиха, посвященные, как уже указывалось, деятельности Шейбани-хана.

Немалой известностью пользовались в XVI—XVII вв. и некоторые выдающиеся ученые, богословы,

юристы. В рассматриваемую эпоху господства религиозной идеологии они играли чрезвычайно большую общественную и политическую роль. К числу наиболее видных представителей богословской мысли относится Исам-ад-дин (ум. в 1536 г.), выходец из Герата, современник хана Убейдуллы. Исам-ад-дин славился также как глубокий знаток поэзии. Такой же широкой известностью пользовался уроженец Самарканда Мавляни Садык, дважды посетивший Мекку и прославившийся своими толкованиями к богословским и поэтическим текстам. Последние годы своей жизни Мавляни Садык провел в Кабуле, где и умер в 1597 г.

Из ученых богословов XVII в. наибольшей известностью пользовался современник хана Субхан Кули, Ахун Мухаммед Шериф, являвшийся, по словам историка XVII в., учителем и наставником всех бухарских ученых. Мухаммед Шериф умер в 1697 г. Такой же широкой славой пользовался Шейх-Хабибулла (ум. в 1698 г.) — ученый мистик, наставления которого привлекали много учеников и слушателей. Общее число последователей шейха достигало, по словам бухарского историка, десяти тысяч.

При рассмотрении вопросов культурной истории Средней Азии необходимо постоянно учитывать наличие здесь различных хозяйственно-бытовых укладов — оседлого и кочевого; каждому из них были свойственны и свои культурно-бытовые особенности. Наиболее развитой была, разумеется, культура оседлых народов, характеризующаяся значительным развитием городской жизни, относительно широким распространением письменности, довольно высоким уровнем техники земледелия и ремесла, а также разнообразными видами умственного творчества.

Благодаря многочисленным памятникам письменности и сохранившимся предметам материального производства изучение культурной жизни оседлых народов в значительной мере более доступно, чем исследования прошлого кочевников, почти незнакомых с письменностью. Не подлежит, однако, сомнению, что духовная культура кочевых народов — туркменов, киргизов, казахов, а также узбеков до перехода их к оседлости, отличалась не только значительным своеобразием, но и богатством содержания, особенно в области народного

творчества. Наблюдения современных этнографов показывают, что в древнейших верованиях и обычаях современных таджиков сохранились значительные следы влияния кочевых народов тюркского происхождения, что могло произойти только в результате длительного воздействия кочевой культуры на оседлую. В свою очередь, кочевники, воспринимая культуру оседлых народов Средней Азии, усваивая письменность и ислам, начинали утрачивать при этом наиболее характерные черты хозяйственной и культурной самобытности и постепенно сливались с местным населением, как это произошло, например, с потомками монгольских завоевателей и позже с узбеками. Большинство различных видов народного творчества кочевников, богатство которого отмечалось всеми позднейшими исследователями, существовало среди кочевых народов и в рассматриваемый период, хотя прямых свидетельств в источниках об этом и не встречается. Из эпических произведений к XVI в. должны быть отнесены такие поэмы, как «Едигей», «Алпамыш» и некоторые другие у узбеков, казахов и каракалпаков. У туркменов широкой популярностью пользовался народный роман «Кысса-и-Юсуф», «Боз-оглан» и народные произведения, частью распространенные также среди узбеков. У киргизов, по-видимому не позже XVI в., возникли древнейшие циклы песен о Манасе, дополнявшиеся затем на протяжении последующих столетий повествованиями о позднейших исторических событиях.

Из произведений художественной литературы узбеков, туркменов и отчасти других кочевых народов Средней Азии были очень популярны стихотворения Навои, Фузули, а также произведения золотоордынской литературы.

Суммируя изложенные здесь далеко не полные данные, необходимо отметить, что об упадке культурной жизни в рассматриваемую эпоху не может быть и речи. Об успешном продолжении старой культурной традиции говорят различные литературные труды, подтверждающие, по словам В. В. Бартольда, если не творчество в области научной мысли, то основательное знакомство с трудами прежних ученых. Об этом же свидетельствует тот факт, что бухарские ученые XVII в. писали не только по вопросам религии и права, но и были зна-

комы также с учением перипатетиков и стоиков. Вместе с этим необходимо отметить, что ни техника, ни естествознание не привлекали к себе внимания среднеазиатских ученых, что, впрочем, характерно в это время не только для Средней Азии, но и для многих других восточных стран.

Глава III

БУХАРА И ХИВА В XVIII в. ОБРАЗОВАНИЕ КОКАНДСКОГО ХАНСТВА

XVIII век в Европе характеризуется, как известно, усиленным развитием капиталистических отношений, укреплением нового класса — буржуазии — и возникновением феодально-абсолютистских монархий. Одним из следствий этого явилось усиление колониальной экспансии европейских капиталистических государств в страны Востока, начавшейся еще в эпоху великих географических открытий XV—XVI вв., на что именно указывают слова Маркса: «Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала» [1].

Оставшись в стороне от новых мировых путей и лишившись участия в мировой торговле, страны Востока уже начиная с XVI—XVII вв. не могли поспеть за теми темпами, в каких шло дальнейшее развитие Запада. Причины замедленного развития Востока, разумеется, не исчерпываются только указанным фактом изменения путей мировой торговли. Не меньшую роль играли здесь также особенности внутреннего социально-экономического развития Востока, подробное рассмотрение которых не может входить в задачу настоящей работы.

Необходимо, впрочем, отметить, что вторая половина XVIII в. в Средней Азии характеризуется уже некоторыми сдвигами в сторону общего подъема хозяйственной жизни, как это более подробно будет показано ниже.

Процесс феодализации, усиленно развивавшийся в Бухарском ханстве на всем протяжении XVII в., завер-

[1] К. Маркс, *Капитал*, т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 153.

шается в первых десятилетиях следующего века полной децентрализацией политической власти и созданием крупного поместного землевладения, сосредоточенного в руках феодальной знати.

В период правления последнего из аштарханидов, хана Абуль-Фейза (1711—1747), Бухарское ханство складывается из ряда независимых друг от друга владений, во главе которых стоят вожди узбекских племен. От Бухары отходят ее прежние владения по левому берегу Аму-Дарьи, с центром в Балхе, обособляется также Фергана, распавшаяся, как и область Балха, на целый ряд самостоятельных или полусамостоятельных владений. Уже во втором десятилетии XVIII в. в Фергане видную роль начинают играть представители (бии) узбекского племени минг, ставшие впоследствии родоначальниками особой ферганской (кокандской) династии. Значительное место в истории Ферганы XVIII в. принадлежит киргизам, занимавшим в этот период восточные и северо-восточные окраины Ферганской долины. В западной и северной частях Ферганы крупную роль играли казахские ханы Старшей Орды. В 20-х годах отходит навсегда из-под власти Бухары Ташкент, завоеванный в это время чжунгарами (см. ниже). Вассалом-наместником чжунгарского хун-тайчжи был один из казахских ханов Старшей Орды, которому было подчинено местное кочевое и оседлое население.

Власть бухарского хана фактически не простиралась за пределы столицы, будучи и здесь ограничена постоянным контролем и вмешательством главного ханского сановника — аталыка, назначавшегося из числа узбекских феодалов.

Подобное же явление упадка ханской власти наблюдается и в Хиве, где за небольшой сравнительно промежуток времени, прошедший со смерти хана Ануши (1687 г.) до вступления на престол Ширгази (1716 г.) сменилось, по сообщению хивинского историка, около десяти ханов, большинство которых было свергнуто или даже убито представителями местной узбекской знати — аталыками и инаками, стремившимися укрепить свое влияние за счет ослабления ханской власти.

Наиболее продолжительным было правление хана Ширгази (1715—1728), которому, впрочем, также пришлось вести упорную борьбу с узбекской феодальной

аристократией, представитель которой, бий Ширдали, из племени мангыт, вывел из Бухары одного из потомков прежних хивинских ханов Шах Тимура и возвел его на ханство в северной части хивинских владений, в так называемом Арале. Довольно заметную роль в политических событиях в Хиве в первых десятилетиях XVIII в. играют также каракалпаки, частично занимавшие уже в это время северо-восточные окраины Хивинского ханства.

Хивинский историк начала XIX в. сообщает, что выступив из Арала, Ширдали начал борьбу с войсками хана Ширгази, но, потерпев поражение, был вынужден искать спасения у каракалпаков, участвовавших в этой борьбе на стороне Ширдали. Выступления Ширдали продолжались и после смерти хана Ширгази, когда хивинский престол занял Ильбарс, правивший с 1728 по 1740 г.

Хан Ширгази получил некоторую известность также в русской истории в связи с тем, что во время его правления Россией была предпринята известная экспедиция князя Бековича-Черкасского, направленного Петром I в Хиву в 1717 г.

Поводом для снаряжения экспедиции послужило сообщение туркменского купца Ходжи Нефеса о нахождении якобы богатых золотых россыпей в районе старого русла Аму-Дарьи, известного в настоящее время под названием Узбоя. Инструкцией Петра I князю Бековичу предписывалось склонить ханов хивинского и бухарского принять российское подданство или, по крайней мере, признать покровительство со стороны России. Петру I было известно, что как хивинский, так и бухарский ханы «бедствуют от подданных», т. е. от узбекской феодальной знати, вследствие чего ханам предлагалось учредить для собственной охраны гвардию из русских солдат. Той же инструкцией Бековичу предписывалось выстроить крепости на восточном берегу Каспийского моря, а также принять меры к тому, чтобы направить течение Аму-Дарьи по ее старому руслу в Каспийское море. Такими мерами Петр I рассчитывал создать прямой водный путь из бассейна Волги до северо-западных пределов Индии, следствием чего должно было, по его мнению, явиться развитие торговли между Россией и Индией. Инструкцией предписывалось Беко-

вичу направить несколько человек также в Восточный Туркестан (Малая Бухария) для того, чтобы собрать сведения о золотых месторождениях в районе Яркенда (Еркеть).

Экспедиция Бековича-Черкасского, состоявшая из шести с лишком тысяч солдат всех родов оружия, закончилась, как известно, гибелью почти всех ее участников, включая начальника.

Пройдя необычайно трудный путь по пустыне от Каспийского моря до Хивы, отряд вступил в бой с вышедшими ему навстречу хивинскими войсками во главе с ханом. В результате трехдневного сражения хивинцы были разбиты, после чего Ширгази, по совету своих сановников, пригласил к себе Бековича и поклялся в том, что нападение на русские войска будто бы было произведено без его ведома. Заверив Бековича в своем дружелюбии, подтвержденном клятвой на Коране, хан предложил русскому начальнику разделить свои силы на несколько мелких отрядов и разместить их для удобства снабжения в различных городах ханства. Несмотря на возражения со стороны подчиненных ему офицеров, Бекович согласился с этими требованиями, что дало возможность хивинцам без особого труда уничтожить отряд по частям. Все оставшиеся в живых русские солдаты были обращены в невольников. Из них в Россию вернулось всего лишь несколько человек.

Одновременно с подготовкой экспедиции в Хиву по распоряжению Петра I были произведены первые научные исследования Каспийского моря. Результатом исследований явилось широкое научное описание Каспия и нанесение его на карту, впервые дававшую правильное представление об этом водном бассейне.

Отмеченные выше общие условия политической жизни среднеазиатских ханств отражались неблагоприятно на хозяйственной деятельности населения. Враждуя друг с другом на почве раздела власти, узбекские феодалы подвергали разорению города и селения своих противников, следствием чего был упадок сельского хозяйства, ремесла, торговли и значительное ослабление экономической жизни страны в целом.

В Бухарском ханстве жители наиболее значительных городских центров — Бухары и Самарканда — уходили на окраины, где политическая обстановка была более

спокойной. Некоторыми из окраинных владетелей в XVIII в. производилось строительство новых городов, как это наблюдалось, например, на юге Бухарского ханства (Ширабад), а также в Фергане.

В правление Абуль-Фейза с особым ожесточением велась борьба между главарями двух влиятельных узбекских племен мангытов и кенегесов, из которых первые занимали район Карши, а вторые — Шахрисябза. Каждый из противников стремился утвердить свое влияние на хана с целью использовать еще сохранившийся по традиции авторитет ханской власти для укрепления собственного могущества.

После одной из понесенных неудач глава племени кенегесов, аталык Ибрахим, отправился со своими приближенными в Самарканд, где возвел в ханы некоего султана Раджаба, «из рода Чингиса», выдвинув его таким образом в качестве конкурента Абуль-Фейза. Ибрахим собрал вокруг себя довольно значительные силы из соплеменников, а также из казахов и каракалпаков и в течение нескольких лет (1723—1725) производил грабежи в окрестностях Бухары, пытаясь овладеть столицей ханства. Находившийся в это время в Бухаре посланник Петра I Беневени сообщает, что осада города мятежниками затягивалась иногда до пяти месяцев и причиняла неисчислимые бедствия всему местному населению. Средств на содержание войска у хана не было.

Записанные В. П. Наливкиным ферганские предания показывают, что значительная часть населения Самарканда бежала в это время в Фергану, где междоусобная борьба не сказывалась с такой силой, как в центре Бухарского ханства. Другая часть жителей бежала из Самарканда и Бухары в Гиссар, также, по-видимому, мало затронутый происходившими смутами.

Раджаб-хан вскоре умер, однако грабежи и набеги на центральные районы Бухарского ханства не прекращались в течение семи лет и вызвали полное разорение столицы и ее окрестностей. Появившаяся в это время саранча еще более усилила бедствие. Наступил голод, сопровождавшийся даже случаями людоедства. В Бухаре население оставалось только в двух кварталах (гузар), город, по словам бухарского историка, стал превращаться в развалины. Подобная же участь по-

стигла и Самарканд, где к 1735 г. почти совсем не оставалось жителей.

* * *

Все степное пространство к северо-востоку от Аральского и Каспийского морей до бассейна Иртыша и Тобола было занято казахами, разместившимися здесь, как указывалось уже, в течение предшествующих двух столетий. Казахи занимались по-прежнему скотоводством, вели кочевой образ жизни и так же, как другие среднеазиатские кочевники, делились на множество различных племен и родов. Определенная группа племен составляла особое объединение, называвшееся ордою (жуз). Таких орд уже в XVII в. было три — Большая, или Старшая, Средняя и Малая, или Младшая. Наряду с правителями отдельных племен, так называемыми бийями, среди казахов пользовались влиянием также султаны, считавшиеся потомками Чингис-хана. Султаны стояли во главе некоторых племенных объединений, составляя особого рода замкнутую аристократическую касту — «белую кость», противопоставлявшую себя «черной кости» — народным массам (караши).

В условиях частых войн, происходивших между главарями отдельных племен в основном на почве распределения пастбищ, некоторым из султанов удавалось захватить в свои руки власть, которой они в обычное время не пользовались.

«Старший» из султанов нередко избирался ханом. В каждой из орд обычно было по одному хану, но иногда их появлялось несколько, что неизбежно влекло за собой вражду между их сторонниками — отдельными группами правящей знати. Наибольшим авторитетом ханская власть пользовалась среди казахов в периоды военной опасности, в обычное же время роль ее была незначительна в связи с тем противодействием, какое всегда встречали ханы со стороны правящей знати отдельных племен. Борьба за власть между ханами отдельных орд, а также между султанами и предводителями племен постоянно подрывала единство казахского народа и составляла источник его политической слабости. Этому же способствовала общая экономическая отсталость казахов в сравнении с окружающими их народами. Ни городских центров, ни промышленности (даже

ремесленной) в казахских степях в этот период не существовало, вследствие чего казахи в экономическом отношении зависели от окружающих соседей — от России на севере, от Средней Азии на юге и Китая на востоке.

В политической жизни казахов XVIII в. произошли крупные изменения, вызванные нашествием на их территорию чжунгаров (калмыков), завоевавших в первой четверти XVIII столетия большую часть казахских степей до района Ташкента включительно. Не будучи в состоянии оказать сопротивление чжунгарскому завоеванию, разрозненные казахские племена, совершенно разоренные, были вынуждены уйти в глубь оазисов Средней Азии и далее до низовьев Урала и Волги. Огромные потрясения, вызванные чжунгарским нашествием, способствовали дальнейшему разобщению казахского народа, и без того лишенного политического единства. Массовая потеря скота привела к обострению хозяйственного кризиса, что еще более усилило политические противоречия среди правящей знати отдельных орд и племен.

Не найдя достаточно средств для организации защиты против чжунгаров, хан Малой Орды Абулхайр, игравший выдающуюся роль в происходивших военных событиях, вступил в 1730 г. в переговоры с русским правительством о подданстве в расчете получить военную поддержку в борьбе с чжунгарами. Правительство Анны Иоанновны воспользовалось обращением Абулхайра как удобным предлогом для вмешательства в дела казахских степей, интерес к которым наметился в России еще в царствование Петра I.

В конце 50-х годов XVIII в., когда чжунгарское государство было совершенно уничтожено китайскими войсками, казахи получили возможность возвратиться на свои места, однако прежней независимостью они уже не пользовались. Рассматривая казахов как своих подданных, царское правительство начинает постепенно подчинять их своему влиянию. В первую очередь колонизационные мероприятия стали распространяться на Младшую Орду, занимавшую территорию на восток от Урала. Во вторую половину XVIII в. они охватили также владения Средней Орды, располагавшейся в бассейне реки Иртыша и далее на восток до границ Китая.

В 30-х годах XVIII в. был основан город Оренбург, явившийся уже во второй половине XVIII столетия крупнейшим административно-политическим и торговым центром в казахских степях.

Меньшую зависимость испытывали казахи Большой, или Старшей, Орды, кочевья которой располагались на значительном расстоянии к югу от русских укрепленных линий. Большая Орда занимала район к северу и северо-востоку от Ташкента и примыкала к среднеазиатским ханствам.

В 80-х годах XVIII в. территория Большой Орды была завоевана правителем Ташкента Юнус-ходжей, уничтожившим здесь ханское звание и управлявшим Большой Ордой через своих людей, выдвигавшихся из знати отдельных племен.

Чжунгарские завоевания первой четверти XVIII в. отразились также на киргизах, большая часть которых под давлением завоевателей была вынуждена, как и в конце XVII в., покинуть свои кочевья на северных склонах Тянь-Шаня и переселиться на юг — в районы Ферганы, Каратегина и смежные с ними области до Памира включительно.

Капитан Унковский, посетивший в 1722—1724 гг. по предписанию Петра I районы Чжунгарии и побывавший в одну из своих поездок на Иссык-Куле, не встретил здесь, по-видимому, ни одного киргизского аула. На калмыцкой карте, вывезенной в 1733 г. шведским офицером Ренатом, киргизы (буруты) отмечены только в Фергане.

Память о бедствиях, постигших киргизский народ в связи с чжунгарскими нашествиями XVII—XVIII вв., до сих пор сохраняется в народных преданиях киргизов, как в этом пришлось убедиться автору этих строк в бытность его в Киргизии в 1928 г. Предания указывают, что киргизам пришлось выселяться в Фергану под давлением калмыков дважды; это вполне совпадает и с показаниями исторических источников, касающихся чжунгарских завоеваний.

Переселяясь в Фергану и соседние с нею горные районы, киргизы присоединялись к прежде поселившимся здесь своим соплеменникам и совместно с ними занимали свободные пастбища в соседних горных ущельях. С разгромом чжунгарской кочевой державы

китайцами в 1756—1758 гг. часть киргизов возвратилась на свои прежние пастбища по северным предгорьям Тянь-Шаня (современная Северная Киргизия), остальные продолжали оставаться в Фергане и соседних с нею районах, где они живут и в настоящее время.

Чжунгарское нашествие первой четверти XVIII в. коснулось также каракалпаков, в первую очередь тех, которые жили по среднему течению Сыр-Дарьи. Одни из каракалпаков переместились в район Ташкента и к югу от него, другие ушли на северо-запад к восточным окраинам Хивинского ханства и частью даже в долину реки Эмбы, где они совместно с казахами стали вести борьбу за раздел пастбищ с волжскими калмыками.

Еще в 20-х годах XVIII в. феодально-родовая знать каракалпаков вступила в переговоры с правительством Петра I о принятии русского подданства. В связи с отдаленностью эти переговоры затянулись и не давали положительных результатов, хотя формально каракалпаки были приняты вместе с казахами в русское подданство в 1731 г. В 1740—1741 гг. казахские и каракалпакские районы посетил поручик Гладышев, с приездом которого каракалпакскими правителями был снова поставлен вопрос об укреплении связей между каракалпаками и Россией. Следствием начавшихся переговоров была отправка в 1742 г. каракалпакского посольства в Оренбург и поездка его в следующем 1743 г. в Петербург для окончательного оформления соответствующих условий.

Переговоры оказались, однако, совершенно бесполезными, так как казахский хан Абулхайр, недовольный усилившейся активностью каракалпакских правителей, напал зимою 1743 г. на район низовьев Сыр-Дарьи, где жила в это время основная масса каракалпаков, и произвел здесь полный разгром. Лишившись скота и прочего имущества, каракалпаки начали расходиться в разные стороны. Часть их ушла в районы Ташкента и в Фергану, большинство начало передвигаться на южное побережье Аральского моря, где они впоследствии поселились окончательно, войдя в первом десятилетии XIX в. в состав населения Хивинского ханства, как это подробнее будет показано ниже.

* * *

В Хиве в 1728 г. хана Ширгази сменил Ильбарс, вынужденный продолжать борьбу своего предшественника с мангытским бием Ширдали и его ставленником Шах Тимуром, а также другими враждебными ему узбекскими феодалами. В 1736 г. Ширдали и Шах Тимур были убиты, вследствие чего власть хана Ильбарса значительно окрепла.

В 1740 г. произошло завоевание Средней Азии Надир-шахом, вышедшим из среды туркменского племени афшаров, кочевавшего в районе Келата.

Иран, как и Средняя Азия, переживал в первой четверти XVIII в. период тяжелых смут, особенно усилившихся после захвата страны афганцами в 1722 г. Выступая сначала в качестве наемника на службе у отдельных боровшихся между собою иранских феодалов, Надир постепенно собрал вокруг себя небольшую дружину из соплеменников афшаров и хорасанских курдов и овладел главной крепостью своего района Келатом. В 1726 г. он поступил на службу к шаху Тахмаспу II и по его приказу был назначен наместником Хорасана. Еще более усилившись, Надир вступил в борьбу с афганцами и постепенно вытеснил их из Ирана. В 1732 г. к Надиру переходит фактически власть в Иране, а в 1736 г. он уже избирается шахом.

После нескольких успешных войн с Турцией, пытавшейся воспользоваться смутами в Иране для захвата некоторых пограничных областей, Надир подчинил себе Закавказье, Афганистан и северо-западную Индию, откуда он вывез огромные сокровища (1738—1739 гг.).

Поводом к походу Надира на среднеазиатские ханства послужили набеги хивинского хана Ильбарса на северные окраины иранских владений. В этих набегах принимали участие также туркмены, вследствие чего туркменские районы разорялись иранскими войсками еще задолго до похода Надира на Среднюю Азию. Воспользовавшись враждой между туркменами и их соседями — курдами и каджарскими племенами, Надир в 30-х годах XVIII в. подчинил себе Мерв, превратив его затем в главную стратегическую базу для развертывания операций в туркменских районах.

Частые войны с Надиром вынудили некоторые турк-

менские племена переместиться в другие, более отдаленные районы.

Бухарское ханство, политически совершенно бессильное, подчинилось Нариду почти без всякого сопротивления.

Абуль-Фейз признал себя вассалом иранского шаха и выполнил все предъявленные ему требования. В Хиве, наоборот, иранским войскам было оказано упорное сопротивление узбеками и туркменами, не давшее однако положительных результатов. После завоевания Хивинского ханства Надир приказал казнить хана Ильбарса и посадил на его место одного из местных царевичей.

Для пополнения своего войска и во избежание возможных возмущений в завоеванной стране, Надир увел из Хивы много годных к военному делу людей, включив их в состав своей армии, как это делалось им при завоевании и других стран. Приказано было также освободить всех находившихся в Хивинском ханстве рабов, в большинстве иранцев, число которых доходило здесь, по некоторым данным, до 30 тыс. человек мужчин и женщин.

Значительная часть воинов была выведена Надиром из Бухарского ханства.

В иранскую армию был взят также сын бухарского аталыка Мухаммед Рахим, из мангытов, явившийся впоследствии основателем мангытской династии в Бухаре, о чем подробнее будет сказано ниже.

Завоевания шаха Надира оказали значительное влияние на дальнейшие исторические судьбы среднеазиатских ханств.

В 1746 г. против Абуль-Фейза выступил с довольно значительными силами предводитель узбекского племени китай (хытай) Ибадулла, владевший районом между Самаркандом и Бухарой. Потерпев ряд неудач в борьбе с восставшими, Абуль-Фейз обратился за помощью к Надиру. Высланный Надиром большой карательный отряд с артиллерией нанес поражение восставшим и преследовал их до Ферганы.

В Хиве после ухода иранских войск возобновилась прежняя борьба между главарями узбекских племен и ханской властью, что повело в конце концов к полной ликвидации центральной власти в стране.

Хивинский придворный историк начала XIX в. Мунис рассказывает, что вслед за убийством ставленника Надира, Тагир-хана, на хивинский престол был посажен сын уже упоминавшегося казахского хана Абулхайра, Нур Али-хан. Нур Али являлся простым орудием в руках выдвинувших его представителей узбекской знати и был вскоре ими же смещен. С согласия Надира ханом был назначен Абулгази II, сын казненного в 1740 г. хана Ильбарса. Главную роль в ханстве играл инак (высший сановник) Артук, а затем его брат Хуразбек, принадлежавшие к числу вождей узбекского племени мангыт. В 1746 г. Абулгази II убил Артук-инака и пытался править самостоятельно, но вскоре был убит Хуразбеком, мстившим за смерть своего брата. С согласия Надира Хуразбек назначил ханом Гаиб-султана, младшего брата хана Абулхайра казахского. В 1751 г. Гаиб (Каип)-хан убил Хуразбека вместе с 60 знатными мангытами. Характеризуя правление Гаиб-хана, хивинский историк говорит, что он отличался жестокостью и обложил население непосильными налогами. Население восстало, хан бежал вместе со своим отцом Бехадыр-ханом к казахам. Всего он правил в Хорезме (Хиве) около 11 лет. «Мы слышали,— добавляет историк,— что у него (Гаиба) было 30 сыновей».

Следующим ханом стал Тимур-гази, присланный в 1757 г. в Хиву, по просьбе враждовавших между собою сановников, бухарским ханом Мухаммедом Рахимом. Однако и назначение «нейтрального», не связанного с местными группировками, хана не внесло спокойствия. Смуты продолжались по-прежнему. Пробыв на Хивинском престоле семь лет, Тимур-гази погиб насильственной смертью. На престоле появился Тауке-хан, происходивший из казахских султанов. Мунис рассказывает, что султан прибыл в Хиву по торговым делам и жил в караван-сарае. В день убийства Тимур-гази-хана хивинцы разыскали Тауке в караван-сарае и силой посадили на престол. В 1764 г. его сместили.

Частая смена ханов, получившая впоследствии у одного из среднеазиатских историков название «игры в ханы», закончилась в 60-х годах XVIII в. переходом политической власти к предводителям туркменского племени йомутов. Хивинский историк рассказывает, что население начало покидать свои места и расходиться в

разные страны, особенно в Бухару. В стране начался голод и появились массовые эпидемии; города и селения опустели, пашни заростали тростником. В столице ханства Хиве оставалось не более 40 или даже 15 семейств. Никто не чувствовал себя в безопасности.

Борьбу за восстановление Хивинского ханства возглавлял инак Мухаммед Эмин, происходивший из знати узбекского племени кунграт. Опираясь на наиболее активные элементы из своих соплеменников, купечества и духовенства и используя существовавшую вражду между отдельными туркменскими племенами, Мухаммед Эмин сумел к концу своей жизни (1790) обеспечить в стране относительное спокойствие, жестоко подавляя всякое сопротивление враждебных феодальных групп.

Рассеявшееся во время смут население постепенно возвращалось на свои места. Хозяйственная жизнь страны стала возрождаться. Все мероприятия Мухаммед Эмин осуществлял как бы от имени ханов, являвшихся в действительности подставными лицами, назначавшимися по воле инака. Таких ханов Мухаммед Эмин во время своего правления переменил несколько.

Политические соперники Мухаммед Эмина обратились за помощью к бухарскому правителю (аталыку) Даньялу и с помощью бухарских войск пытались овладеть властью, но безуспешно.

После смерти Мухаммед Эмина фактическая власть в Хиве перешла к сыну его Эвезу (1790—1804), так же, как и его отец, управлявшему страной от имени подставных ханов. Сын Эвеза Эльтузер (1804—1806) отказался от обычая возводить подставных ханов и принял ханский титул сам. Таким образом инак Мухаммед Эмин явился родоначальником новой хивинской династии, получившей название кунградской, управлявшей ханством до 1920 г.

Бухарское ханство после гибели Надира в 1747 г. также вернуло себе независимость. Во главе стал уже упоминавшийся выше Мухаммед Рахим из мангытов (1747—1758), состоявший после 1740 г. в войсках Надира и незадолго до его смерти присланный в Бухару в качестве «главного аталыка».

Убив в 1747 г. Абуль-Фейза, а в следующем 1748 г. также его сына Абуль-Мумина, Мухаммед Рахим, подчиняясь местной традиции, все же продолжал возводить

на престол подставных ханов и при поддержке своих сановников-мангытов, духовенства и купечества вступил в борьбу с местными феодалами.

В течение 50-х годов им были подчинены Шахрисябз, Ургут, Джизак, Ура-тюбе, Гиссар и ряд других более мелких владений, считавшихся во время правления Абуль-Фейза независимыми. Наиболее упорное сопротивление Мухаммед Рахим встретил в Гиссаре, которым владела знать узбекского племени юз.

В течение 1756—1757 гг. Мухаммед Рахим совершил в Гиссар два похода, о которых довольно подробно рассказывает бухарский историк того времени Мухаммед Вефа. В рассказе встречаются, между прочим, интересные сведения о Гиссарском вилайете в этот период. Население Гиссара состояло тогда, как и в позднейшее время, из узбеков, главным образом племени юз, и таджиков, для обозначения которых историк употребляет иногда термин «гальча». Правителем области был бий племени юз, Мухаммед Эмин и другие предводители, стоявшие во главе своих улусов. «Отцы и деды» этих правителей «целые века», по словам историка, являлись подданными бухарских ханов и с их согласия управляли этой областью. Они посылали на службу ханам свои войска и вносили в ханскую казну харадж с посевов и зякет со скота. Далее рассказывается, что, увидя упадок ханской власти, Мухаммед Эмин-бий не стал повиноваться своим государям и даже стал относиться к ним враждебно. Эта враждебность была проявлена и по отношению к Мухаммед Рахиму. В другом месте своего сочинения историк рассказывает, что в 1754 г., во время военных действий между Мухаммед Рахимом и правителем Ура-тюбе, Мухаммед Эмин выступил открыто на стороне ханских врагов и создал большие затруднения для бухарцев.

Овладев во время первого похода Байсуном, бухарцы заняли затем крепость Денау, откуда и начали совершать свои набеги на Гиссар, пока не завоевали его окончательно. Мухаммед Эмин-бий бежал в Балх. Еще в период постепенного завоевания отдельных районов Мухаммед Рахим переселил враждебные ему узбекские племена в центральную часть Бухарского ханства, облегчив себе таким образом окончательное подчинение края. С прекращением военных действий хан приказал

всем жителям, переселившимся в Гиссар из Бухары, Самарканда и других центральных городов и районов ханства, возвратиться на свои прежние места. В результате этого мероприятия, несомненно, свидетельствующего о стремлении Мухаммед Рахима восстановить нормальную жизнь в главнейших городах ханства, явилось переселение 20 тыс. семейств, что, разумеется, не могло не отразиться на общем оживлении городской жизни в центральных районах.

Оставшиеся на месте жители должны были выставить в ханские войска 4 тыс. человек и, кроме того, уплатить в виде контрибуции 20 тыс. золотых, не считая поставки 3 тыс. лошадей и 500 верблюдов.

В числе населенных пунктов, игравших заметную роль в период гиссарских походов, историк упоминает город Кабадиан, оставленный Мухаммед Рахимом под властью его прежнего правителя-бия, а также селение Дюшамбе (теперь город Сталинабад, столица Таджикской ССР).

Перед уходом из Гиссара Мухаммед Рахим приказал, по словам историка, казнить всех захваченных пленных. В окрестностях города Денау из голов казненных был сооружен так называемый «минарет из голов» (келле минаре), воспоминания о котором до сих пор еще сохранились среди местных жителей, как это показали расспросы, произведенные на месте в 1939 г.

Успеху Мухаммед Рахима отчасти способствовала усвоенная им на службе Надира военная техника и организация, стоявшие у местных феодалов на чрезвычайно низком уровне. В своей борьбе против феодальной раздробленности хан встретил поддержку со стороны той части населения, интересы которой нарушались почти непрерывными феодальными войнами между правителями мелких отдельных владений.

В 1756 г. Мухаммед Рахим, по инициативе бухарского духовенства, принял на себя ханский титул, породнившись предварительно с «домом Чингис-хана» путем женитьбы на дочери Абуль-Фейза. По древнему тюркскому обычаю избрание на ханство сопровождалось церемонией поднятия вновь избранного на белом войлоке. В выполнении этой церемонии участвовали не только представители наиболее влиятельных узбекских племен, как это наблюдалось при аштарханидах, но

также представители духовенства. Это обстоятельство указывает на то, что Мухаммед Рахим придавал серьезное значение местному духовенству, к помощи которого он часто прибегал в своей борьбе с центробежными стремлениями узбекской феодально-родовой знати. Укрепившись на престоле, Мухаммед Рахим «согласно древним обычаям туранских царей» распределил все важнейшие государственные должности, в том числе и должности правителей отдельных областей и районов, между представителями преданной ему узбекской знати «32-х родов», а также высшего бухарского духовенства. Были утверждены все ранее существовавшие придворные звания и должности, на которые были назначены родственники и соплеменники хана — мангыты, а также представители китай-кипчаков и других узбекских племен.

В качестве высших придворных званий источник отмечает звания парваначи, аталыка, диванбеги и кушбеги, удержавшиеся в Бухарском ханстве и в более поздний период.

Среди лиц, получивших высшие должности, упоминается дядя и будущий преемник Мухаммед Рахима, Даньял-бий, получивший звание парваначи и назначенный на должность правителя Кермине. Многие из видных военачальников получили пожалования (союргаль) в виде отдельных городов, селений или районов, доходы с которых поступали в их пользу.

К высшим духовным должностям были отнесены должности ходжа-каляна, шейх-уль-ислама, накыба и главного казия (кази-уль-куззат, или кази-кален), а также военного казия (кази-аскер) и реиса Бухарского вилайета. На должности ходжакаляна и шейх-уль-ислама были назначены предтавители джуйбарских ходжей, предки которых, как уже отмечалось выше, играли весьма видную роль в Бухаре еще в XVI в. Большое значение приобретала должность главного бухарского казия, получавшего право принимать всякого рода просьбы и жалобы со стороны «всех ученых, законоведов, богословов, хатибов, имамов всей Бухары» и докладывать о них непосредственно хану.

Даньял-бий (1758—1785), наследовавший власть после смерти своего племянника, уже не носил ханского титула, довольствуясь званием аталыка. На престол

был возведен подставной хан, от имени которого аталык управлял государством. По словам бухарского историка Мухаммед Якуба, Даньял во всех важных государственных делах совещался с духовенством, без согласия которого он будто бы «не делал ни шагу». При нем положение центральной власти было непрочным. Государством фактически управляли кушбеги Давлет-бий, иранец, раб по происхождению, и главный бухарский казий, заботившиеся в основном только о своем обогащении и по существу ничего не делавшие для улучшения жизни населения.

В ответ на предложение русского правительства о заключении торгового договора в 1781 г. Даньял писал, что он запросит по этому поводу мнение беков «всех 92-х родов» и что «в узбекском народе такое обыкновение, что всякое дело и совет делается по согласию друг друга». При таких условиях ни о дальнейшей централизации государственной власти, ни о продолжении завоевательной политики, начатой при Мухаммед Рахиме, не могло быть и речи. Некоторые подчиненные Мухаммед Рахимом феодальные владения (Ура-тюбе, Шахрисябз, Самарканд и др.) снова возвратили или пытались возвратить себе независимость. Попытка Даньяла вмешаться в дела Хивинского ханства окончилась крахом.

В такой же мере неудачной была попытка завоевания Мерва. Главную военную опору аталыка составлял отряд из невольников — гулямов.

Сведения источников о внутреннем положении Бухарского ханства в период правления Даньяла крайне недостаточны и противоречивы. Один из бухарских историков первой четверти XIX в. Абдул-Керим отмечает, что при Даньяле в Бухаре была дешевизна и страна отличалась благоустройством. Однако из сообщений бухарского историка того же периода Мухаммед Якуба можно установить, что положение массы городского и сельского населения в рассматриваемое время заметно ухудшилось. Этому способствовало не только обострение общей политической обстановки в ханстве, но и введение ряда новых налогов, считавшихся даже в условиях того времени незаконными, т. е. несогласными с шариатом (ясак, салык, яргу и др.).

Особенно острое недовольство населения вызвали

злоупотребления уже упоминавшихся выше кушбеги Давлет-бия и главного казия, бесконтрольно распоряжавшихся финансовыми делами государства, в том числе сбором налогов. Массовые насилия и злоупотребления налоговых сборщиков стали настолько распространенным явлением, что вызывали оппозиционные настроения даже в среде бухарского духовенства, называвшего иногда аталыка «тираном» (залим). На стороне оппозиции выступил также один из сыновей Даньяла, Шах Мурад, воспользовавшийся создавшейся обстановкой для овладения престолом, на который претендовали также другие братья. Для создания себе популярности Шах Мурад вступил в число муридов (учеников) популярного в Бухаре шейха Сафара и как бы «в знак покаяния и разрыва с обычаями своих родственников» стал публично исполнять различного рода унизительные обязанности, предписанные ему шейхом. Резко осуждая отца за его «беззаконные», с точки зрения шариата, действия, Шах Мурад хитростью заманил к себе в дом кушбеги Давлета и приказал его убить. То же самое он сделал вскоре и с главным казием. Этими действиями Шах Мураду удалось до некоторой степени сгладить нараставшее недовольство в народе и отдалить назревавший кризис. Имущество кушбеги было разграблено.

Видя все возрастающую популярность Шах Мурада, Даньял вынужден был назначить его своим наследником.

Вступив на престол, Шах Мурад (1785—1800) по-прежнему продолжал внешне исполнять все обязанности дервиша, собирая вокруг себя большие толпы учеников и слушателей. Чтобы еще более укрепить свою популярность, Шах Мурад отменил все налоги, считавшиеся незаконными, а также закрыл игорные дома и запретил всякого рода зрелища и развлечения. Необходимо, впрочем, отметить, что отмена «незаконных» налогов носила формальный характер, так как из описания событий, происходивших после смерти Шах Мурада, выясняется, что большинство этих налогов продолжали взимать.

Укрепившись окончательно на престоле и учинив расправу над сторонниками покойного отца, Шах Мурад как бы с целью борьбы с еретиками-шиитами стал

готовиться к войне с Ираном, переживавшим в последней четверти XVIII в. острый политический кризис и потому лишенным возможности организовать защиту своих северных границ.

Уже в первые годы правления Шах Мурад присоединил к Бухаре области по левую сторону Аму-Дарьи (Балх и др.), отошедшие от Бухарского ханства со времени завоевания их Надиром в 30-х годах XVIII в. В состав Бухарского ханства была включена также значительная часть современной Туркмении с центром в Мерве. Мерв, оставшийся после смерти Надира под властью каджарских предводителей, был завоеван Шах Мурадом в 1785 г., причем большинство жителей города как каджаров, так и иранцев было переселено в Бухару, где потомки их, известные под названием «ирани», живут и в настоящее время.

В литературе высказывалось мнение (В. В. Бартольдом), что мервские переселенцы способствовали развитию в Бухаре шелководства, что, однако, представляется сомнительным, так как, по свидетельству Филиппа Ефремова, жившего в Бухаре в 70-х годах XVIII в., данная отрасль хозяйства имела здесь широкое распространение еще задолго до походов Шах Мурада.

За время своего правления Шах Мурад совершил ряд грабительских походов на Хорасанскую провинцию Ирана, доходя до Мешхеда включительно. Походы, оправдывавшиеся мотивами религиозного порядка («борьба с неверными — шиитами»), в действительности имели задачей захват добычи и увод пленных, продававшихся затем на среднеазиатских невольничьих рынках.

Из прочих мероприятий Шах Мурада следует отметить произведенные по его распоряжению обширные оросительные работы на Зеравшане и в других районах Бухарского ханства. О влиянии этих работ на ход дальнейшего хозяйственного развития страны будет сказано ниже в связи с подобными же работами в других среднеазиатских ханствах.

Правление Шах Мурада характеризуется, между прочим, как период расцвета религиозного «просвещения» в Бухарском ханстве, когда число учащихся в высших богословских школах (медресе) доходило, по неко-

торым сведениям, до 30 тыс. человек. Шах Мурад сам подавал пример «благочестия» и вел аскетический образ жизни, что не мешало ему, однако, грабить мирное население соседних стран и обращать их жителей в рабство.

* * *

Ко второй половине XVIII в. относится обособление Ферганы в самостоятельную политическую единицу, получившую уже в конце царствования Шах Мурада название Кокандского ханства. В XVIII в. в качестве претендентов на власть в Фергане выступают предводители узбекского племени минг, владевшие сначала только районом Коканда, но уже во второй половине того же XVIII в. распространившие свое господство на большую часть долины, а также на Ходжент с его районом.

Чжунгары, завоевав в конце первой четверти XVIII в. Ташкент и прилегающие к нему районы, вскоре вторглись также в Фергану, разъединявшуюся в это время на ряд независимых мелких владений.

Местные правители были вынуждены после некоторого сопротивления покориться «неверным», однако господство чжунгаров над Ферганой было крайне непродолжительно и не имело серьезных последствий. В конце 50-х годов XVIII в. китайцы после разгрома ими Чжунгарского кочевого государства вошли в Фергану и включили ее жителей в число подданных китайского императора. Стоявший во главе местных беков Ирданабий, из узбекского рода минг, отправил посольство в Пекин с выражением своей покорности и с просьбой о принятии в подданство. То же сделали и другие ферганские беки. Впрочем, господство китайцев, как перед тем чжунгаров, имело скорее формальное значение и не внесло каких-либо существенных изменений в общественно-политический строй Ферганы. Один из китайских географов, сопровождавший китайские войска в их походах против чжунгаров, сообщает, что Фергана в 1759—1760 гг. разделялась на четыре владения (бекства): Андижанское, Наманганское, Маргеланское и Кокандское. Преобладающую роль играл Коканд, во главе которого стоял названный выше Ирдана-бий. С именем Ирдана-бия связано также окончательное обособление Ферганы от Бухарского ханства. Обычно

это событие датируется 1754 г., когда правители Бухары и Ферганы, выступая как равноправные союзники, совершили уже упоминавшийся выше совместный поход на Ура-тюбе. Поссорившись вследствие интриг гиссарского бека друг с другом во время похода, Мухаммед Рахим и Ирдана-бий прекратили всякие дальнейшие сношения.

В рассказе одного из бухарских историков о смерти Мухаммед Рахима в 1758 г., между прочим, отмечается, что хан перед смертью принял послов из Хивы, Балха, Бадахшана и Коканда, из чего можно заключить, что Коканд в это время рассматривался в качестве вполне самостоятельного государства.

Политическая деятельность Ирдана-бия протекала до 1754 г. в тесном сотрудничестве с одним из выдающихся киргизских политических деятелей второй половины XVIII в. Кивад-бием (Кибад, или Кубад-мирза), главою киргизского племени кощи, кочевавшего в рассматриваемое время в районе Андижана. Порвав после неудачного похода на Ура-тюбе свои взаимоотношения с Ирдана-бием, Кивад выступает в дальнейшем как самостоятельный правитель и участвует в политических событиях в Кашгарии в 50-х годах XVIII столетия, в качестве союзника так называемых белогорских ходжей. Последние сведения о Киваде относятся к 1785 г., когда он по-прежнему продолжал стоять во главе своего племени. Китайский географ XVIII в. упоминает также о другом видном киргизском предводителе Хаджи-бие, из поколения ичкилик, пытавшемся будто бы вместе с 200 тыс. подчиненных ему киргизов, рассеянных «от Бухары до Востока», перейти в китайское подданство. Намерение это осталось, однако, неосуществленным, и киргизы в дальнейшем продолжали самостоятельно участвовать в одинаковой мере в политической жизни и Ферганы и Кашгарии.

Преемником Ирдана-бия, умершего около 1774 г., стал один из его родственников Нарбута, называемый иногда в кокандских источниках ханом, хотя в действительности он носил только звание бия.

Почти все правление Нарбута-бия прошло в борьбе с враждебными ему местными правителями, а также в попытках подчинить себе соседние с Ходжентом районы Джизака и Ура-тюбе, находившиеся после Мухаммед

Рахима в номинальной зависимости от Бухарского ханства.

Все эти попытки прочных успехов не имели.

Таким образом, власть кокандских правителей до начала XIX в. ограничилась одной только Ферганской долиной, притом, по-видимому, только центральной ее частью. На северо-востоке долины, до Алая и Кашгарии включительно, играли главную роль киргизы, занимавшие в это время не только северные, но и южные склоны Тянь-Шаня. Некоторым влиянием на ферганские дела пользовались в середине XVIII в. также казахские ханы Большой (Старшей) и Средней орд, управлявшие в это время районом Ташкента в качестве вассалов калмыцких (чжунгарских) князей.

В XVIII в. в Фергане наблюдается некоторый экономический подъем, выражавшийся, в частности, в расширении городской жизни и развитии шелководства, что, вероятно, было связано с ростом торговли с Китаем (Кашгарией), а также окружающей кочевой периферией.

Завершавшийся в Средней Азии к концу XVIII в. процесс формирования внутреннего рынка отразился и на Фергане, где уже наблюдалось укрепление связей между отдельными, ранее разрозненными, районами, что в свою очередь облегчило задачу объединения Ферганы под властью одного правителя.

Таким образом, под влиянием различного рода социально-экономических факторов в Средней Азии к концу XVIII в. происходит процесс некоторой политической консолидации, следствием чего было образование здесь трех централизованных феодальных деспотий, известных в литературе под названием ханств Бухарского, Хивинского и Кокандского. Следует, впрочем, отметить, что с образованием названных ханств объединение среднеазиатской территории еще не завершилось. На окраинах ханств остались мелкие владения, упорно защищавшие свою независимость. Таков, например, Шахрисябз, вернувший себе самостоятельность вскоре после смерти Мухаммед Рахима бухарского, Арал на севере Хивинского ханства, горные владения, входящие в состав современного Таджикистана, и некоторые другие.

Слабо связана была с среднеазиатскими ханствами

также кочевая периферия — туркмены на юго-западе, киргизы на северо-востоке, казахи и каракалпаки на севере.

Процесс дальнейшего формирования среднеазиатских ханств и связанная с ним взаимная борьба местных феодалов составляет основное содержание политической истории Средней Азии в первой половине XIX в.

* * *

Остановимся на краткой характеристике народных движений в XVIII в. в Средней Азии, изученных, к сожалению, пока крайне недостаточно.

Рассказывая о кратковременном правлении в Хиве одного из предшественников Ширгази, хана Мусы, хивинский историк Мунис передает, что, вступая в правление страной, Муса дал торжественное обещание заботиться о благе народа. Вскоре, однако, хан обложил население настолько тяжелыми налогами, что вызвал против себя всеобщее восстание, в результате которого он был сначала изгнан, а затем убит в Мерве.

В обстановке почти беспрерывных войн и частой смены правителей, стремившихся в кратчайший срок обогатиться за счет населения, подобного рода явления не могли быть единичными.

Более подробное знакомство с уже упоминавшимся выше восстанием Ибадуллы-бия в центральной части Бухарского ханства в 1746 г. показывает, что это движение носило массовый характер и по основному составу своих участников было крестьянским. Размах движения был настолько широк, что 20-тысячный отряд Абуль-Фейза оказался не в состоянии справиться с восставшими.

Высланные в помощь Абуль-Фейзу довольно многочисленные иранские войска Надира всюду встречали упорное сопротивление, подавлявшееся ими с трудом, чего, разумеется, не могло бы случиться, если бы восстание являлось делом небольшой группы местных феодалов и не пользовалось поддержкой местного крестьянского населения.

В такой же мере трудно было бы объяснить то необычайно упорное противодействие, которое встретил первый из мангытов Мухаммед Рахим при завоевании им Гиссара, если не допустить, что борьба с ханскими

войсками отвечала интересам широких масс местного населения, стремившегося избежать тяжелой для него зависимости от бухарского правительства.

Широкая волна восстаний против ханской власти прокатывается также в период правления преемника Мухаммед Рахима, эмира Даньяла. Бухарские историки, рассказывающие нам об этих событиях, говорят о них главным образом как об эпизодах борьбы местных феодалов против ханской власти. Однако необходимо отметить, что в борьбе против хана местная знать опиралась почти исключительно на крестьянские ополчения, от активности которых и зависел конечный исход борьбы. Можно таким образом полагать, что многие из эпизодов вооруженной борьбы в Бухарском ханстве XVIII в. содержали в себе значительные элементы крестьянских или народных движений, протекавших с участием широких масс и лишь возглавлявшихся или использовавшихся местными феодалами в своих узкоклассовых интересах. К числу таких же народных, в основе аграрных, движений, возникавших в результате тяжелого положения трудящихся масс, принадлежат, в частности, и туркменские восстания XVIII в., направленные против феодального гнета хивинских и иранских феодалов.

Тяжелый гнет феодальной эксплуатации сказывался также на городском, преимущественно ремесленном, населении. В источниках содержатся указания на отдельные вспышки восстаний среди городского населения Средней Азии XVIII в., в частности в Бухаре в последние годы правления эмира Даньяла.

Общей чертой всех отмечаемых здесь народных и крестьянских движений является их неорганизованный, стихийный характер и сепаратизм, свойственные подобного же рода движениям других стран в соответствующие эпохи, когда уровень общественно-политического развития народных масс не находился еще на достаточной высоте.

Выше уже отмечалось, что вторая половина XVIII в. в Средней Азии характеризуется также довольно значительными экономическими сдвигами, выразившимися в развитии производительных сил. Постепенная ликвидация политической раздробленности, восстановление городской жизни, а также отход массы казахов в свои

степи после разгрома чжунгарского государства китайцами в 1755—1760 гг. способствовали восстановлению нормальной хозяйственной деятельности местного населения и укреплению экономических связей между отдельными районами. Развитие капитализма в Европе и России и постепенное распространение его на Восток также не могло не отразиться на экономике среднеазиатских ханств, постепенно вовлекавшихся в сферу международного обмена. Международный, в частности российский, рынок уже во второй половине XVIII в. начинает предъявлять довольно усиленный спрос на среднеазиатское сырье и некоторые изделия, стимулируя таким образом местное производство и вызывая там соответствующую перестройку производственных отношений внутри местного общества, насколько это было вообще здесь возможно в условиях господства феодализма. Наряду с феодалом на фоне местной экономики выдвигается фигура торговца-ростовщика, усиленно эксплуатирующего местное крестьянское и ремесленное население путем применения докапиталистических методов. Насколько велики были изъятия натурой, можно судить по сообщению одного из путешественников, который рассказывает, что четвертая часть всего производимого шелка должна была сдаваться в ханскую казну. Изымавшийся таким образом прибавочный продукт, преимущественно в виде ренты натурой, составлял главную часть того товарного фонда, на основе которого местный феодал и торговец-ростовщик развивали свои внешнеторговые операции, осуществлявшиеся посредством караванной торговли с Россией и отчасти другими окружающими странами.

Уже В. В. Бартольдом был отмечен тот факт, что «именно в смутный период XVIII в. в Персии (Иране.— *П. И.*) и Средней Азии впервые после монгольского нашествия, вновь стала чеканиться и вышла в обращение золотая монета», что можно объяснить, по-видимому, не только увеличением количества золота в Европе, но и общим оживлением в области экономической, в частности торговой жизни. Как уже отмечалось выше, в 30-х годах XVIII в. был основан город Оренбург, превратившийся вскоре в главный центр торговли между Россией и Средней Азией и целиком занявший в торговом отношении место Астрахани.

Во второй половине XVIII в. основными предметами вывоза из Средней Азии были шелк и шелковые изделия, каракуль, сухие фрукты и хлопчатобумажные изделия. В это же время среди российских купцов появляется заметный интерес к среднеазиатскому хлопку. Однако как производство, так и вывоз хлопка были еще крайне ограничены и рыночного спроса не удовлетворяли. В Оренбурге же сосредоточилась торговля России и с казахскими степями.

Одновременно с среднеазиатскими торговыми караванами в Оренбург стали прибывать также купцы из Кашгарии, Бадахшана и других районов, расположенных вне пределов Средней Азии. В свою очередь некоторые из вывозившихся из России товаров, следуя транзитом через Среднюю Азию, поступали в Герат, Балх и другие области по левому берегу Аму-Дарьи, откуда они иногда достигали Кабула и северо-западных границ Индии. Это обстоятельство послужило поводом к составлению в Оренбурге проекта об открытии торговли с Индией, для чего предполагалось создать особую компанию из состоятельных купцов. Проект был отклонен сенатом как преждевременный.

Кроме торговли с Россией, в XVIII в. продолжают развиваться также торговые сношения Средней Азии с окружающими восточными странами — Ираном, Афганистаном, Кашгарией и казахскими степями.

Основным транзитным пунктом в торговле между Средней Азией и Ираном в XVIII в., как и в более ранний период, был Мерв, не утративший в этом смысле своего значения и после опустошений, произведенных здесь Шах Мурадом. Торговые сношения с Кашгарией велись через Фергану. Главным предметом вывоза из Кашгарии служило серебро, фарфоровые изделия и, по-видимому, чай, ввозившийся также из Индии.

В конце XVIII в. большое торгово-экономическое значение приобретает Ташкент — важнейший пункт на пути в казахские степи и Оренбург.

Несмотря на довольно значительный размах внешней торговли, производство в Средней Азии продолжало оставаться на прежнем низком уровне.

В таком состоянии среднеазиатские ханства вступили в XIX в.

СРЕДНЕАЗИАТСКИЕ ХАНСТВА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Глава IV

БУХАРСКОЕ ХАНСТВО

Рассматривая политическую карту Средней Азии начала XIX в., мы видим, что на месте бесчисленных мелких феодальных владений, игравших видную роль еще в первой половине XVIII в., здесь устанавливаются три довольно значительных государственных образования, которые принято в литературе называть среднеазиатскими, или иногда узбекскими, ханствами.

Центральное положение занимало Бухарское ханство с центром в долине Зеравшана, в низовьях Аму-Дарьи располагалось Хивинское ханство со столицей в городе Хиве и, наконец, Ферганская долина с прилегающими к ней горными районами была занята ханством Кокандским, получившим свое название также по имени главного города Коканда.

Образование трех ханств явилось одним из весьма важных этапов на пути к политическому объединению Средней Азии, раздробленной в XVIII в. на множество мелких враждебных друг другу феодальных владений, и в этом смысле оно имело прогрессивное значение. Небходимо вместе с тем отметить, что процесс политической консолидации с образованием трех ханств далеко еще не завершился. Значительное число мелких феодальных владений еще продолжало сохранять свою независимость, несмотря на неоднократные попытки соседей подчинить их своему влиянию. К таким независимым владениям в начале XIX в. относились, в частности, Шахрисябз по соседству с Бухарой, Арал на севере Хивинского ханства, Ташкент по соседству с Кокандом, а также Каратегин, Дарваз, Шугнан и целый ряд

других горных районов, расположенных на территории современного Таджикистана. Борьба среднеазиатских ханов за подчинение мелких соседних владений нередко влекла за собою вооруженные столкновения между отдельными ханствами. Такого рода войны происходили между Бухарой, Кокандом и Хивой на всем протяжении первой половины XIX в.

Пытаясь утвердить свое господство в соседних оседлых районах и постоянно сталкиваясь на этой почве, среднеазиатские ханы в то же время вели борьбу за подчинение кочевой периферии. Следствием этих войн было значительное расширение границ среднеазиатских ханств за счет завоевания северо-восточных — казахских и киргизских, а также юго-западных — туркменских районов. Необходимо, впрочем, отметить, что успехи в расширении своей территории за счет кочевой периферии были достигнуты только Хивой и Кокандским ханством, в то время как территория Бухары скорее сокращалась, чем расширялась.

В начале XIX в. в состав Бухарского ханства, помимо основной его территории (долины Зеравшана, Кашка-Дарьи), входила также вся восточная область современной Туркмении, включая Мерв, завоеванный в результате походов Шах Мурада. Бухаре же принадлежала значительная часть современного Афганского Туркестана, а также ряд районов нынешней Таджикской ССР, в том числе Гиссар, временами также Ходжент (Ленинабад), Ура-тюбе, Пенджикент, Ургут и некоторые мелкие горные владения в верховьях Зеравшана. На северо-востоке Бухаре принадлежал город Туркестан с прилегающим к нему казахскими районами. Несмотря на довольно обширную территорию и ее центральное положение по отношению к другим среднеазиатским ханствам, Бухара в первые десятилетия XIX в. не представляла собою сколько-нибудь внушительной политической силы и не пользовалась влиянием среди соседей. Многие из областей, входивших в состав Бухарского ханства, были полунезависимые феодальные владения, весьма слабо связанные с центром в экономическом и политическом отношении. Наиболее слабо с Бухарой была связана долина Мургаба, отделенная от бухарских владений огромными песчаными пространствами. Бухарскому гарнизону в Мерве все

время приходилось сдерживать натиск соседних туркменских племен. Несмотря на чрезвычайно важное значение Мерва для Бухары в качестве стратегического пункта в Туркмении, а также транзитного района, через который шли торговые караваны из Средней Азии в Иран и обратно, удержать этот город Бухарскому ханству все же не удалось. Конкурентом Бухары в борьбе за Мерв выступило Хивинское ханство, которое в конце первой четверти XIX в. подчинило этот город себе и удерживало его в течение нескольких десятилетий, пока он не был окончательно завоеван туркменами.

Не меньше заботы доставляла бухарскому правительству также территория, расположенная между Бухарой и Кокандом, с центрами в Джизаке и Ура-тюбе. Борьба, происходившая на всем протяжении XIX в. за раздел этой территории, заканчивалась обычно безрезультатно. Города Джизак и Ура-тюбе часто переходили из рук в руки, фактически оставаясь независимыми. Главенствующую роль в этом районе играла знать узбекских племен кырк и юз.

Наиболее беспокойным соседом Бухарского ханства был Шахрисябз, правители которого не только успешно защищали свою независимость, но и нередко выступали активно против бухарских эмиров, пытаясь овладеть пограничными бухарскими крепостями.

Правители Шахрисябза, принадлежавшие к враждебному мангытам племени кенегес, охотно оказывали поддержку всем оппозиционно настроенным элементам Бухарского ханства, давая им приют на своей территории и облегчая для них возможность враждебных действий, направленных против эмирского правительства.

Весьма сложными были отношения между Бухарой и Гиссаром, официально находившимся на положении Бухарской провинции, фактически же представлявшим собой полунезависимое владение, связь которого с главою государства носила чисто номинальный характер. Мейендорф, посетивший в составе русского посольства Бухару в 1820 г., рассматривал Гиссар как независимое владение. Эта же точка зрения получила отражение, отчасти, и в словах английского путешественника начала 30-х годов XIX в. А. Бернса, писавшего о Гиссаре как о независимом владении, которое «по всей

вероятности будет покорено Бухарой в ближайшее время». Из слов бухарского историка Мухаммед Якуба можно установить, что во главе Гиссарской провинции в первых десятилетиях XIX в. стоял тесть эмира Хайдера, носивший высшее в Бухаре почетное звание аталыка. Известно также, что гиссарский правитель в 20-х годах XIX в. посылал иногда на службу эмиру часть войска, чем, по-видимому, и ограничивались его вассальные обязанности. Такие взаимоотношения между Гиссаром и Бухарой оставались на протяжении всей первой половины XIX в.

Общая численность населения ханства определялась путешественниками цифрою от двух с половиной до трех миллионов человек. Наиболее значительный город Бухара имел до 70 тыс. населения, из которых около трех четвертей, по словам путешественников, составляли таджики.

Городская жизнь в Бухарском ханстве в первой половине XIX в. была восстановлена полностью. Мейендорф, Бернс, Ханыков и другие европейские путешественники, посетившие Бухару в рассматриваемый период, подробно рассказывают о той оживленной ремесленной и торговой деятельности, какой отличались в это время главнейшие города ханства.

Помимо своего экономического значения, Бухара представляла также крупнейший на всем ближнем Востоке центр мусульманской богословской науки, привлекавший к себе учащихся не только из всех районов Средней Азии, но и из Поволжья, северо-западной Индии, Афганистана и других стран.

Вторым важнейшим городским центром Средней Азии был Самарканд, насчитывавший около 30 тыс. жителей. Как и Бухара, Самарканд являлся одним из важнейших торговых и ремесленных центров. Город славился также своими религиозными святынями, среди которых наибольшей известностью пользовался знаменитый мавзолей Шах-и-Зинда.

Третье место по численности населения занимал город Карши, расположенный в долине реки Кашка-Дарьи к юго-востоку от столицы ханства, в районе средневекового Несефа. Город располагался на караванном пути в Афганский Туркестан и потому играл заметную роль в торговой жизни Бухарского ханства.

Из прочих городов ханства выделялись Кермине, Катта-Курган, Чарджуй и некоторые другие. Каждый из городов был окружен высокими глинобитными стенами, с воротами, закрывавшимися на ночь. Внутри стен, среди городских кварталов располагалась цитадель, в которой помещался местный гарнизон и жил правитель города. Например, стены вокруг города Бухары и бухарская цитадель — арк, местопребывание главы государства, — сохранились до настоящего времени. Необходимо, впрочем, отметить, что и наружные стены и внутренние укрепления не составляли принадлежности одних только городов: они встречались также в большинстве крупных и средних селений, часть которых еще в недавнем прошлом представляла собою укрепленные центры мелких феодальных владений. В периоды военной опасности под защиту городских стен собиралось почти все окрестное сельское население. Значительная часть городских жителей наряду с занятиями ремеслами и торговлей занималась земледелием, в частности садоводством.

Из приводившихся выше цифр видно, что процент городского населения в ханстве был крайне незначителен, подавляющее большинство жителей обитало в сельских местностях, занимаясь земледелием или скотоводством. Для рассматриваемого времени определить удельный вес каждой из названных отраслей хозяйства довольно трудно.

Абдул-Керим бухарский отмечал, что в районе между Самаркандом и Бухарой половина жителей занималась земледелием, остальные — скотоводством. Приблизительно на такое же соотношение по ханству в целом указывает Мейендорф, который пишет, что из общего количества в два с половиной миллиона жителей около одного миллиона ведет кочевой образ жизни. Подобная же картина распределения оседлого и кочевого населения сохранялась в 40—60-х годах XIX в., как это видно из описаний Ханыкова, Гребенкина и других путешественников, посетивших ханство в указанный период.

Возможности массового перехода кочевников к земледелию были весьма ограничены, так как орошаемой земли было недостаточно. Оросительные работы, производившиеся при Шах Мураде, в конце XVIII столе-

тия, только отчасти могли облегчить назревавший среди кочевников хозяйственный кризис. Работы по расширению оросительной сети продолжались и при сыне и преемнике Шах Мурада, эмире Хайдере, но их результаты также были недостаточны. Путешественники середины XIX в. указывают на признаки относительного аграрного перенаселения в одних районах ханства (долина Зеравшана) и слабое распространение земледельческой культуры в других.

Коснемся попутно в нескольких словах вопроса об организации оросительных работ. Часть работ производилась представителями местной провинциальной власти, привлекавшей к работе окружающее сельское население в порядке натуральной повинности. Необходимый материал в виде бревен, хвороста и т. д. для сооружения плотин также поставлялся местным населением без какого-либо вознаграждения со стороны правительства. Поставка этого материала рассматривалась как одна из натуральных повинностей. В других случаях ирригационные работы производились по инициативе частных лиц, располагавших необходимыми средствами и имевших возможность пользоваться дешевым или даже бесплатным трудом массы неимущего и экономически зависимого населения.

Организуя оросительные работы, государство распределяло затем все вновь созданные земельные фонды или между нуждающимся населением, под условием уплаты по истечении определенного льготного срока соответствующих налогов, или же отдавало землю в распоряжение производившего оросительные работы лица, в дальнейшем располагавшего ею по своему усмотрению. Все вновь орошенные земли требовали значительного труда и средств для полного их хозяйственного освоения и потому обычно освобождались на некоторое время от налогов.

Правительство, проводя оросительные работы, стремилось привлечь к участию в них все сельское население ханства. В этих целях Шах Мурадом был введен особый налог, так называемый кош-пули, в размере около 40 коп. с каждого коша (48—50 танапов) земли. Собиравшиеся таким образом довольно значительные средства, по словам исследователя Зеравшанской долины Л. Н. Соболева, целиком шли на цели орошения.

В дальнейшем при преемниках Шах Мурада налог кош-пули продолжал собираться, притом в сильно увеличенных размерах, но по прямому назначению не расходовался. В 1868 г. размер налога достигал уже 3 руб. 60 коп. серебром с каждого коша, независимо от того обрабатывалась ли данная земля или пустовала по независящим от ее владельца обстоятельствам.

Довольно значительные масштабы оросительных работ при Шах Мураде и эмире Хайдере способствовали массовому оседанию кочевников, особенно в долине Зеравшана, однако орошенных земель оказывалось слишком мало для полного удовлетворения существовавшей потребности. Нужда в земле возрастала усиленно, особенно потому, что достаточного количества пастбищ, необходимых для нормального развития скотоводческого хозяйства, в Бухаре не было. Из описаний путешественников первой половины XIX в. видно, что значительная часть узбекского населения долины Зеравшана вела полуоседлый, полукочевой образ жизни. Многие из жителей уже не имели достаточного количества скота, чтобы вести прежний кочевой образ жизни и в то же время не располагали землей для прочного перехода к оседлости и земледелию. Из сообщений путешественников 60-х годов можно установить, что даже в центральном районе Бухарского ханства — в долине Зеравшана — прочной оседлости в рассматриваемое время еще не существовало.

Так, Гребенкин отмечает, что некоторые из местного населения живут в «кибитках» из камыша и соломы, обмазанных снаружи глиной. Многие из жителей проводят зиму в землянках, весной и летом перекочевывают со своими небольшими стадами вокруг возделанных пашен. По самым скромным подсчетам путешественников, безземельное население составляло не менее 25% общей численности населения Зеравшанской долины.

Одна часть безземельного и лишенного скота населения нанималась в батраки к богатым землевладельцам, другая — обрабатывала небольшие участки из доли урожая. Насколько велика была потребность в земле, видно из того, что издольщик, обрабатывавший землю собственным инвентарем и засевавший ее собственными же семенами, получал только половину урожая.

В долине Зеравшана существовало также значительное количество крупных землевладельцев, собиравших с собственных полей до трех с половиной тысяч пудов хлеба.

Не менее резкая дифференциация существовала и среди той части населения, для которой преобладающей отраслью хозяйства было еще скотоводство. Наряду со скотоводами, владевшими стадами численностью до 7 тыс. голов, существовали также хозяйства, почти совершенно лишенные собственного скота и занимавшиеся выпасом главным образом чужих стад.

В связи с крайней хозяйственной необеспеченностью как скотоводческого, так и земледельческого населения крупное значение в экономике ханства имело ремесло, широко распространенное среди не только городского, но и сельского населения. Путешественники, посетившие Бухарское ханство в этот период, довольно подробно описывают существовавшее в Бухаре ремесленное производство: изготовление различного рода бумажных и шерстяных тканей, производство шелка и различных изделий из него. Крупное промышленное производство было не развито и не достигало даже того уровня, на котором находилась европейская мануфактура XV—XVI столетий.

В соответствии с этим спрос на рабочие руки в городах был крайне ограничен. Поэтому возможность перехода безземельных крестьян в города в сколько-нибудь значительных размерах была исключена. На это указывает, между прочим, и то обстоятельство, что численность населения таких крупных городов Бухарского ханства, как Бухара и Самарканд, на протяжении XIX в. почти не менялась.

Не имея возможности подыскать себе работу в городе, бухарский крестьянин был вынужден оставаться в деревне, как бы тяжело ни сказывалось здесь малоземелье. В связи с господством феодальных отношений обезземеливание крестьянства в Бухаре, как и в Средней Азии в целом, не вело к превращению крестьянина в сельского работника, а влекло за собой дальнейшее распространение испольщины и укрепление докапиталистических форм эксплуатации.

Основная масса ремесленников, даже организованных в цехи, не имела достаточных средств для закуп-

ки необходимого сырья и потому должна была выносить на себе всю тяжесть эксплуатации представителями местного торгово-ростовщического капитала. Описывая организацию ремесла в Средней Азии и говоря о положении местного ремесленника, один из путешественников сообщает, что «капиталист раздает известным ему семействам очистку хлопка, другим прядение, третьим ткачество, четвертым окраску и т. д., что не обязывает его ни к устройству помещения для мастеровых, ни к покупке станков, ни к плате за то время, которое рабочие сидели без работы». Не удивительно, что при таких условиях средний заработок ткача в районе Зеравшана «при самой напряженной работе» не превышал в 1868 г. 10 коп. в день.

Говоря о положении различных социальных групп бухарского общества, следует остановиться также на вопросе о рабах, которых в Бухаре было, по свидетельству Вамбери, свыше 20 тыс. человек. Главную массу невольников ханства составляли уроженцы Ирана, похищавшиеся туркменами во время набегов на Хорасан и продававшиеся затем на невольничьих рынках Средней Азии.

В значительно меньшем количестве встречались калмыки, афганцы, уроженцы Кафиристана и припамирских стран, а также русские, захватывавшиеся в казахских степях или на рыбных промыслах в Каспийском море. Из рассказов путешественников и из показаний бывших бухарских невольников можно установить, что труд рабов широко применялся в сельском хозяйстве. Вамбери сообщает, что цены на хлеб зависят в Средней Азии не только от уровня воды в Аму-Дарье, но «главным образом от большего или меньшего числа невольников, купленных в течение года». Многие из бывших невольников рассказывали, что они подолгу работали в поместьях бухарских сановников или купцов. Перечисляя богатства Хаким-бия, занимавшего должность кушбеги при эмирах Хайдере и Насрулле, Вамбери отмечает, что кушбеги имел «более тысячи рабов, которых употреблял на работу в своих поместьях». Из этого сообщения видно, что рабов, занятых в хозяйствах крупных феодалов, было весьма много. Кроме земледельческих работ, большое число рабов было занято также в скотоводстве. Часть невольников

обслуживала бытовые нужды феодалов, другие служили в эмирских войсках в качестве сарбазов.

Говоря о рабовладельческом хозяйстве, К. Маркс характеризует его, между прочим, как систему хозяйства, которая «проходит ряд ступеней от патриархальной системы, рассчитанной преимущественно на собственное потребление, до собственно плантаторской системы, работающей на мировой рынок»[1].

На одной из таких переходных ступеней стояло рабовладение и в Средней Азии, в частности в Бухаре. Необходимо отметить также, что, несмотря на свое довольно широкое распространение, труд рабов все же не служил основой местного производства; главную роль играл здесь труд феодально-зависимых крестьян и свободных ремесленников.

По своему национально-этническому составу население ханства было весьма разнообразно. Господствующую часть населения составляли узбеки, занимавшие большие пространства между Самаркандом и Бухарой, долину Кашка-Дарьи и ряд других районов. Вторую по численности группу населения представляли таджики, вкрапленные отдельными пятнами в массу узбекского населения в равнинной части ханства и являвшиеся большинством населения в его горных районах. Таджики были и большинством населения таких городов, как Бухара и Самарканд. Западная и юго-западная окраины ханства, прилегающие к Аму-Дарье в ее среднем течении, были населены туркменами из племен эрсари, сарык, салор и другими, которые в основном вели кочевое скотоводческое хозяйство. Туркменами же было заселено все пространство между Чарджуем и долиной Мургаба.

В небольшом количестве проживали также туркмены между Самаркандом и районами Нур-ата и в основном занимались земледелием. Изолированные от основной массы соплеменников, они здесь постепенно утрачивали свои этнические черты и особенности, впитывали в себя посторонние элементы и сливались с узбеками.

К западу от Самарканда, по соседству с узбекским племенем китай-кипчаков, проживало довольно значи-

[1] К. Маркс, *Капитал*, т. III, Госполитиздат, 1955, стр. 816.

тельное число каракалпаков, обитавших здесь еще в XVII в.

Разгром в 1825 г. восстания китай-кипчаков, в котором участвовали и каракалпаки (см. ниже), отразился на их хозяйстве. Каракалпаки лишились большей части своего скота, следствием чего явился усиленный переход их к оседлости и земледелию.

Другая, менее значительная, группа каракалпаков занимала степные пространства на севере ханства, в районе Кенимеха. Здесь же обитало много казахов.

В различных местах Бухарского ханства встречались небольшие группы арабов — потомков арабских завоевателей VII—VIII вв. Арабы делились также на ряд племен; одни занимались скотоводством, другие переходили к ремеслам или к земледелию. В Бухаре и Самарканде проживали так называемые ирани—потомки жителей Мерва, переселенные на территорию Бухарского ханства Шах Мурадом. По этническому признаку одни ирани были тюрками, другие — иранцами.

Среди ремесленного населения городов заметное место занимали среднеазиатские евреи, говорящие на таджикском языке. Общая численность евреев в городе Бухаре в 30-х годах XIX в. достигала 4 тыс. человек. Главным занятием их было крашение шелка.

* * *

Характерной особенностью общественного строя узбеков, туркменов, каракалпаков и отчасти других народов, населявших Бухарское ханство в рассматриваемый период, являлось наличие среди них сильных пережитков патриархально-родового строя. Само собой разумеется, что узбекский или туркменский «род» XIX в. ни в какой мере нельзя рассматривать в качестве доклассовой родовой организации, социально-экономический строй которой известен нам из классического труда Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Уже в значительно более ранний период узбекский род находился на той стадии общественного развития, когда органы родового строя, по выражению Энгельса, «из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы

господства и угнетения, направленные против собственного народа»[2].

Классовая дифференциация внутри узбекского рода была в XIX в. настолько значительна, что о каком-либо равенстве между отдельными членами родовой организации не могло быть и речи. Тем не менее родо-племенная организация продолжала играть выдающуюся роль в жизни узбеков. Собственно термин «узбек» в Бухаре, как и в других среднеазиатских ханствах, употреблялся крайне редко, обычно только в тех случаях, когда узбека нужно было противопоставить иной народности, например таджику, каракалпаку и т. д. Обычно слово «узбек» заменялось наименованием того родо-племенного объединения, к которому данное лицо принадлежало (мангыт, найман, юз и т. д.). В источниках нередко встречается упоминание о «тридцати двух» или «девяносто двух» узбекских родах, однако точный список этих родов нигде не приводится. К числу важнейших узбекских родо-племенных объединений Бухарского ханства относились следующие: мангыты, занимавшие долину Кашка-Дарьи, кенегесы в районе Шахрисябза, найманы по левому берегу Зеравшана к юго-западу от Самарканда, китай-кипчаки между Самаркандом и Катта-Курганом, митаны к северу от китай-кипчаков, юзы в районе Джизака и Ура-тюбе. Другая часть племени юзов занимала район Гиссара.

В том же районе видную роль играл узбекский род лакай, входивший в состав племени катаган, главная масса которого располагалась к югу от Аму-Дарьи в пределах Афганского Туркестана. Родо-племенная организация узбеков представляла собой своеобразную хозяйственно-политическую и административную единицу, в пределах которой замыкалась деятельность основной массы узбекского населения. Разверстка податей и налогов, раздел земли и воды, вербовка в войска и т. д. производились по племенам. Каждое из племен занимало свою строго определенную территорию, на которой обычно располагались и пастбища и пашни, а также укрепленные пункты, служившие нередко резиденцией главы племени.

---

[2] Ф. Энгельс, *Происхождение семьи, частной собственности и государства,* М., 1953, стр. 170.

В периоды упадка центральной власти эти «родовые» крепости превращались в центры независимых владений, как это наблюдалось, например, на протяжении XVII и отчасти XVIII вв. После значительных поражений, нанесенных узбекской родовой аристократии Мухаммед Рахимом, местные крепости утратили свою прежнюю независимость и частью были разрушены, частью — заняты бухарскими гарнизонами.

Представители мангытской династии, начиная с Мухаммед Рахима, всячески старались привлечь племенную знать на свою сторону, назначая ее на высшие и средние административные должности или выдавая ей грамоты на управление своим племенем. Однако сближение совершалось медленно. Источники первых десятилетий XIX в. показывают, что племенная узбекская знать, не принадлежавшая к мангытам, значительной роли в центральном правительственном аппарате не играла. Эмир Хайдер, хотя и назначал своих представителей, большею частью мангытов, в качестве правителей отдельных районов, однако он постоянно испытывал противодействие со стороны местной феодально-родовой знати, стремившейся сохранить свое прежнее влияние внутри племен.

Говоря о значении родовой организации, необходимо отметить также, что ее влияние сказывается и в тот период, когда кочевники начинают массами переходить к оседлости. По словам одного из исследователей, «родовые и коленные названия узбеков очень часто переносятся на те поселения, старые или вновь основываемые, в которых устраивались новоселья того или иного рода или колена». В. В. Бартольдом было отмечено, что в Бухарском ханстве, в противоположность Хивинскому, оседание кочевников происходило отдельными небольшими частями рода, а не целым родом, что зависело, по-видимому, от различных условий орошения.

Главную военную и политическую опору ханской власти в Бухаре составляли мангыты, феодально-родовая знать которых пользовалась наибольшим влиянием при эмире и назначалась на все важнейшие должности ханства. Наряду с этим все государи из мангытской династии охотно приближали к себе также ходжей, сейидов и прочих наиболее видных представителей духовенства, влияние которого было вообще чрез-

вычайно велико. Мухаммед Якуб сообщает, что эмир Хайдер, вступив на ханский престол, назначил на различные государственные должности 4 тыс. человек, каждый из которых получал полное обеспечение от государства деньгами и натурой. В число назначенных входило, по-видимому, также 500 человек наиболее влиятельных мулл.

Значительные средства требовались на содержание постоянного войска, которое при эмире Хайдере достигало 12 тыс. человек только в городе Бухаре, не считая гарнизонов, располагавшихся в других городах ханства. При преемнике эмира Хайдера, его сыне Насрулле, постоянное войско, по-видимому, несколько возросло за счет вновь созданных пехотных частей, так называемых сарбазов. Расходы на содержание войска особенно были велики в периоды войн, которые эмиры часто вели с своими соседями. Говоря о правлении эмира Хайдера, Мухаммед Якуб отмечает, что доходы этого государя вдвое превышали доходы его отца, однако они только наполовину покрывали его расходы. Во главе отдельных провинций — вилайетов стояли хакимы, имевшие в своем распоряжении многочисленный штат налоговых чиновников.

Многие должностные лица получали в качестве вознаграждения за свою службу так называемые танхо, т. е. приобретали право взимать в свою пользу определенную сумму доходов (налогов) с той или иной области или селения, в зависимости от значения занимаемой должности. Общее число лиц, пользовавшихся танхо, достигало в первой четверти XIX в., по одним данным — 12, по другим — 36 тыс. человек. Важнейшим источником доходов духовенства были вакфы, количество которых при Шах Мураде и эмире Хайдере значительно возросло. Из казны эмира каждый месяц выдавалось содержание 12 тыс. бедняков, среди которых было много странствующих дервишей, привлекавшихся эмиром на свою сторону разного рода подачками. Говоря о благочестии эмира Хайдера, кокандский историк Мухаммед Хаким утверждает, что «государя, более знающего, чем эмир Хайдер, не было. Говорят, что его лекции (дарс) слушало ежедневно 400 человек. В сорок лет он уже знал наизусть Коран. Он прошел также всю школу суфийского учения».

Наряду с этим эмир Хайдер был известен своими крайними излишествами по части гаремных наслаждений, что отмечают даже привыкшие к такого рода явлениям историки того времени. Как сообщает Абдул-Керим бухарский, в гареме эмира содержалось около ста женщин, которых он постоянно менял, вызывая недовольство населения. Эмир Хайдер, так же как и его преемники, содержал специальный штат служащих, в обязанность которых входила поставка в ханский гарем наиболее красивых девушек, насильственно отбиравшихся у родителей.

Все дела по управлению ханством находились в руках главного везира — кушбеги Хаким-бия, сам эмир был правителем, по словам названного выше Абдул-Керима, только по имени.

Значительная группа людей, занимавших различные административные и военные должности и представлявших собою особое привилегированное сословие «служилых людей», была известна в Бухаре под названием сипагов, или сипаев, — термин, широко распространенный в других среднеазиатских ханствах, а также в Турции. По своему общественному положению сипаги делились на различные группы, общественно-политическая роль которых была весьма разнообразна — от первого сановника ханства (кушбеги) до рядового командира сотни кавалерии (юзбаши). Этому привилегированному сословию противостояла масса населения, обозначавшаяся обычно термином «фукара», или «раайя», — народ, подданные, «податное сословие». Из общей массы народа — фукара — бухарские историки выделяют группу кочевого и полукочевого населения, сохранявшего родовые деления, называя ее термином «элят».

Материальную основу могущества господствующего класса — сипагов — составляла сосредоточенная в их руках земельная собственность.

Аграрный строй Бухары, как и других среднеазиатских ханств, продолжал в основных чертах сохраняться в том виде, в каком он определился уже в XVI столетии. Все земли по признаку принадлежности попрежнему делились на три основные категории: государственные (мемлеке, амляк, падшахи), частновладельческие (мульк, мильк) и вакфные. Определить

удельный вес каждой из указанных категорий земель в рассматриваемый период не представляется возможным, однако не подлежит сомнению, что преобладающая роль принадлежала землям государственным. На втором месте по своему значению находились земли вакфные, составлявшие около половины всего земельного фонда ханства.

Увеличению вакфных земель, несомненно, способствовало отмечавшееся уже выше стремление эмира Хайдера повысить вес духовенства в общественной жизни страны.

Эксплуатация непосредственного производителя-крестьянина велась государством путем изъятия прибавочного продукта в виде хараджа, являвшегося основным налогом-рентой. Харадж взимался частью деньгами, частью натурой, что нередко зависело от усмотрения правителей отдельных провинций. Уже в первые годы XIX в. в среднеазиатских ханствах наблюдается характерная вообще для эпохи разложения феодализма тенденция к постепенной замене натуральной ренты денежной. Источники этого периода отмечают, что харадж часто взыскивался «в переводе на деньги». Наряду с этим существовали и другие виды налогов, собиравшихся исключительно в деньгах: танабанэ — налог на сады и виноградники, зякет — налог со скота и прочего имущества, в том числе с товаров. Среди денежных же налогов следует отметить чрезвычайный военный налог — джуль (подворный), отмененный при эмире Музаффар-эд-дине. Такое же приблизительно соотношение между налогами натуральными и денежными сохранялось в Бухарском ханстве и при преемниках эмира Хайдера, вплоть до последних десятилетий XIX столетия. Более или менее неизменной оставалась и общая номенклатура налогов, за отдельными исключениями. Как бухарские историки, так и европейские путешественники первой половины XIX в. сохранили нам много свидетельств о тех исключительных насилиях и злоупотреблениях, какими обычно сопровождался сбор налогов в Бухарском ханстве.

Значительной тяжестью на крестьянское и ремесленное население ханства ложились натуральные повинности. К ним в первую очередь относились различные работы по сооружению и ремонту оросительных каналов,

дорог, мостов, постройка и ремонт крепостных сооружений и т. д.

Одной из наиболее обременительных повинностей была служба в ханских войсках, особенно в периоды войн.

Войска состояли из двух различных категорий: нукеров и кара-чирик. Количество нукеров было ограничено: тягость нукерской службы заключалась в том, что она являлась бессрочной.

Вторая наиболее многочисленная группа войск кара-чирик (ополчение) комплектовалась из племен и городских жителей в военное время. Такого рода «мобилизация» поглощала почти все взрослое население отдельных племен и местностей, вследствие чего хозяйственная жизнь в ряде районов совершенно останавливалась и оставшееся неработоспособное население обрекалось на голод. Содержания из ханской казны войска кара-чирик не получали.

Указанными здесь феодальными повинностями и налогами обязанности населения перед государством далеко не исчерпывались, однако сказанного достаточно для того, чтобы судить о тяжести того феодального гнета, который должна была выносить масса бухарского населения.

* * *

Вступление на престол эмира Хайдера сопровождалось убийствами сподвижников его отца и ближайших родственников. Отражением этих убийств явились тревожные события в Мерве, находившемся в это время под управлением Дин-Насир-бека, брата Хайдера. Мухаммед Якуб сообщает, что, услышав о смерти эмира Шах Мурада, мервские туркмены подняли восстание, избрали себе предводителя из племени салыров и стали опустошать окрестности города. Дин-Насир-бек, успешно подавлявший волнение среди туркмен в первые годы своего правления, растерялся. К тому же он опасался козней своего брата, эмира Хайдера, и, по словам хивинского историка, обратился за помощью к хивинскому хану. Но восстановить свою власть ему не удалось. Более того, под давлением высланных против него из Бухары отрядов Дин-Насир-бек должен был прекратить борьбу с восставшими и бежать в Иран.

В начале правления эмира Хайдера территория Бухарского ханства стала подвергаться набегам со стороны Хивы, находившейся в то время под управлением хана Эльтузера. Поводом для нападения хивинцев послужили отчасти указанные события в Мерве, отчасти нападения на хивинские торговые караваны, совершавшиеся туркменами будто бы по подстрекательству бухарского правительства. Об опустошениях, производившихся хивинскими отрядами, состоявшими в значительной части из подвластных Хиве туркмен, подробно рассказывают как хивинские, так и бухарские историки. В 1804 г. эмир Хайдер отправил к границам Хивинского ханства 30-тысячный отряд, который нанес хивинцам решительное поражение. Хивинский хан Эльтузер бежал, но при переправе через реку утонул. После его смерти хивинские набеги надолго прекратились.

Вскоре началась борьба Хайдера и с Кокандским ханством на почве раздела смежных пограничных территорий Ура-тюбе и Джизака. В этой борьбе, помимо заинтересованных сторон, участвовали также правители Шахрисябза, выступавшие обычно на стороне кокандцев. Борьба с Кокандом продолжалась почти на всем протяжении царствования Хайдера, не дав решительных результатов ни той, ни другой стороне.

В такой же степени безуспешной была борьба между Бухарой и Шахрисябзом.

С осени 1821 г. снова возобновились хивинские набеги на ханство. Мухаммед Якуб по этому поводу рассказывает следующее: «Четыреста конных хивинцев направились в Мерв для нападения на мервских туркмен сарыков. Совершив набег, хивинцы прошли на обратном пути мимо бухарской крепости Чарджуй и остановились в местности Чекес. На следующий день они двинулись отсюда дальше. Правитель Чарджуя вышел к ним навстречу и преградил им путь. Несмотря на уверения хивинцев, что они не имеют против него каких-либо враждебных намерений и что если бы они думали на него напасть, то сделали бы это еще вчера, чарджуйский правитель все же вступил с ними в борьбу и потерпел поражение, в результате которого погибло 600 бухарцев, в числе их и сам наместник». Еще более подробный рассказ об этом событии приводится в сочинении хивинского историка Муниса, целиком возла-

гающего вину за происшедшее кровопролитие на бухарцев.

После этого события хивинские походы на бухарскую территорию стали совершаться систематически. Ограблению подвергались не только пограничные районы ханства, но и ближайшие окрестности Бухары. Бухарские историки того времени рассказывают, что всюду, где появлялись хивинские войска, они поджигали дома, забирали скот и имущество, а жителей убивали или уводили в плен. Кочевое население окрестностей Бухары «род за родом, племя за племенем» бежало в город Бухару, чтобы укрыться за ее стенами. Население столицы находилось в постоянном страхе. Ворота города тщательно запирались и охранялись.

* * *

В создавшейся таким образом чрезвычайно тревожной обстановке в ханстве началось мощное народное движение, известное под названием восстания китай-кипчаков.

Китай-кипчаки в числе прочих узбекских племен занимали один из наиболее густо населенных центральных районов Бухарского ханства, так называемый Миankаль, расположенный в средней части долины Зеравшана, между Самаркандом и Бухарой.

Не имея достаточного количества скота, чтобы вести обычное скотоводческое хозяйство и не располагая в то же время необходимыми землями для прочного перехода к оседлости, многие из жителей Миankаля, в том числе и китай-кипчаки, занимали среднее положение между кочевниками и оседлыми, ведя полукочевую жизнь. Хозяйственная необеспеченность большинства крестьян еще более усиливалась произволом эмирского аппарата, преследовавшего единственную цель — выжимание возможно большего количества средств из населения.

Некоторое представление о методах взимания налогов дают нам Мухаммед Якуб и другие бухарские историки, из рассказов которых видно, что каждого, кто не вносил назначенной суммы немедленно, сборщики подвергали истязаниям, а имущество его отбирали. Жалобы на действия сборщиков податей рассматривались властями как проявление непокорности и только ухуд-

шали общее положение. Одно из наказаний, применявшихся в таких случаях, состояло в том, что на провинившихся налагался особый штраф (так называемый яргу), настолько значительный, что взыскание его было связано с массовым ограблением населения. Само собой разумеется, что главная тяжесть налогового гнета ложилась на беднейшую часть жителей, не имевшую возможности подкупать местную администрацию, что делалось обычно богатыми.

Непосредственным поводом к восстанию 1821 г. среди китай-кипчаков послужил один из очередных крупных наборов в войска, предназначавшихся для отправки в Мерв. Для массы населения, выносившей на своих плечах всю тяжесть почти беспрерывных войн и постоянно испытывавшей на себе тяжелый гнет эмирского налогового аппарата, это новое требование властей оказалось уже непосильным. Долго накапливавшееся среди масс недовольство вылилось в открытое восстание, охватившее весь район между Самаркандом и Катта-Курганом.

К восстанию примкнули также местные каракалпаки, занимавшие территорию к востоку от китай-кипчаков и в хозяйственно-бытовом отношении мало от них отличавшиеся.

Восставшие избивали и изгоняли эмирскую администрацию и во главе с избранными предводителями взяли в свои руки укрепленные города Катта-Курган, Чилек, Янги-Курган и некоторые другие. В наиболее значительном из захваченных городов — Катта-Кургане китай-кипчаки встретили активную поддержку со стороны беднейшей части городского населения, в то время как некоторые из горожан, представлявшие, повидимому, состоятельную часть населения, отнеслись к восставшим враждебно и призвали на помощь эмирские войска.

Воспользовавшись тем, что главные силы китай-кипчаков были направлены против Самарканда, эмир выслал в Катта-Курган войска, которым удалось овладеть городом и учинить здесь массовую расправу над восставшими.

Вскоре эмир во главе своих войск вторгся в Миankаль. Восставшие отсиживались в занятых ими окрестностях, производя по временам вылазки. Не сумев

овладеть крепостями, эмир ушел обратно, ограничившись уничтожением посевов непокорных жителей. В следующем 1822 г. эмир явился снова, пытаясь овладеть крепостями китай-кипчаков, но также безрезультатно. Некоторые из происходивших сражений носили, по словам современников, чрезвычайно кровопролитный характер.

Одновременно с походами против китай-кипчаков эмиру приходилось организовывать защиту от хивинцев, причинявших своими набегами, как уже указывалось, большое беспокойство мирному населению северных и северо-восточных окраин ханства.

Напряженность особенно усилилась после того, как предводители китай-кипчаков и каракалпаков призвали на помощь войска кокандского хана, шахрисябского бека и других враждебных эмиру соседних правителей, совместно с которыми они снова пытались овладеть укрепленным Самаркандом.

Однако вскоре среди союзников возникли разногласия, вследствие чего осада города снова закончилась неудачей. Каждый из союзников стал действовать самостоятельно. Китай-кипчаки старались привлечь на свою сторону крестьянство соседних районов и предприняли наступление в центр ханства. При некоторой поддержке со стороны соседних племен восставшим удалось дойти до Зия-уд-дина, однако успех был временным, так как большинство соседей к движению не примкнуло, а некоторые из узбекских племен, находившиеся, по-видимому, под влиянием своей знати, не только не оказали поддержки восставшим, но даже вступили с ними в борьбу.

В конце концов китай-кипчакское движение оказалось изолированным, замкнувшись на небольшой сравнительно территории. Восставшие вынуждены были прекратить активные операции; они ограничивались защитой своих крепостей от эмирских войск и лишь иногда вступали в борьбу в открытом поле.

Весной 1825 г., когда силы китай-кипчаков были совершенно истощены и хозяйственное разорение района достигло крайних пределов, эмиру удалось подчинить себе две главные крепости восставших — Янги-Курган и Чилек, после чего военные действия между сторонами были прекращены.

Заключенное перемирие было нарушено новыми вспышками восстания среди китай-кипчаков в следующем 1826 г., когда между сыновьями умершего эмира Хайдера возникла борьба за бухарский престол. Однако прежнего единства среди восставших уже не наблюдалось. Начавшаяся межплеменная борьба и разлагающее влияние знати, перешедшей вскоре на сторону нового эмира Насруллы (1826—1860), способствовали окончательной ликвидации восстания.

В том же 1826 г. произошло массовое восстание среди городского, преимущественно ремесленного, населения Самарканда, закончившееся также поражением восставших.

Исчерпывающее суждение о характере движущих сил и вообще о внутренней стороне восстания 1821—1825 гг. при существующем недостатке фактического материала пока затруднительно, однако не подлежит сомнению, что наиболее видную, если не решающую, роль здесь играло крестьянство, в значительной части доведенное эмирским правительством до крайней степени разорения и искавшее поэтому в восстании против эмирской власти выхода из создавшегося тяжелого положения.

В стремлении выйти за пределы узких территориальных рамок, в каких замыкалась тогда жизнь отдельных крестьянских племенных общин, восставшие пытались привлечь на свою сторону крестьянство соседних районов и даже жителей соседних городов, однако отсутствие общего руководства и достаточно ясного сознания единства цели не могли способствовать успешному завершению предпринятого дела. Значительную роль в поражении восстания сыграла также местная феодально-племенная знать, хотя и участвовавшая в той или иной мере в движении, однако стремившаяся разложить его изнутри, чтобы использовать его затем в своих узкоклассовых интересах.

Последствия миankальского движения 1821—1825 гг. и влияние его на политическую жизнь Бухарского ханства были весьма значительны.

Прекращение налоговых поступлений из Миankаля, считавшегося одним из самых богатых районов Бухарского ханства, значительно ослабило казну эмира. Большая часть вооруженных сил ханства была направ-

лена на усмирение восстания, что не могло не отразиться на защите внешних государственных границ, подвергавшихся постоянной опасности со стороны соседей. Таким образом, восстание ослабило политическую и экономическую мощь Бухары.

Трудно пока сказать, в какой мере мианкальское движение способствовало непосредственному улучшению быта масс, однако не подлежит сомнению, что удар, нанесенный бухарским феодалам событиями 1821—1825 гг., не мог пройти бесследно. Если еще в 60-х годах XIX в. один из исследователей Зеравшанской долины отмечает, что бухарские эмиры «всегда боялись» китай-кипчаков, то следует полагать, что одной из главных причин этого страха были события 1821—1825 гг.

* * *

После смерти эмира Хайдера в Бухаре начались кровавые смуты из-за престолонаследия. Претендентами на престол выступили одновременно три сына покойного — Хусейн, Омар и Насрулла. После кратковременного царствования первых двух братьев престолом овладел Насрулла. Оказавшись таким образом у власти, Насрулла начал, по обыкновению, истреблять своих родственников, а также всех сторонников своего отца и братьев. Путешественники, посетившие Бухарское ханство в период правления эмира Насруллы, подробно описывают те исключительные жестокости, какими сопровождалось правление этого «безумного развратника» (выражение Вамбери), находившего удовольствие в созерцании предсмертной агонии своих жертв. Новый правитель стремился всеми средствами сломить могущество старой узбекской родоплеменной знати, игравшей весьма значительную роль в правлении его отца, эмира Хайдера. Говоря о Насрулле, Ханыков отмечает, что «постоянной целью его было унизить влияние сипаев, возросшее при слабом правлении его отца до невероятности». В борьбе против аристократии эмир опирался на элементы, не связанные своим происхождением с узбекской знатью. Одним из таких помощников Насруллы в «деле искоренения бухарского феодализма» (выражение Ханыкова) явился туркмен Рахман-берды, о жестокости которого много говори-

лось среди современников. Еще большую роль играл Абду-ас-Самад, авантюрист, выходец из Ирана, по-видимому несколько знакомый с постановкой военного дела в европейских армиях. С помощью Абду-ас-Самада Насрулла создал постоянное пехотное войско — сарбазов, состоявшее главным образом из персов, афганцев, таджиков и отчасти военнопленных русских. В это же время были предприняты попытки создать артиллерию, чему, однако, препятствовало чрезвычайно слабое развитие техники. Литье пушек было поручено некоему Насыр-хану, уроженцу Индии, прослужившему 14 лет в англо-индийских войсках. Металл для литья пушек доставлялся из России. Численность пехотного войска определяется Бернсом в 3900 человек, другие современники называют несколько большую цифру. Наряду с пехотой существовала и кавалерия. С созданием регулярной армии, хотя бы и не особенно многочисленной, было сильно подорвано значение узбекских племенных ополчений, а вместе с тем и узбекской военно-феодальной знати, уступившей теперь свое место наемным военачальникам, не связанным по своему происхождению с интересами местной аристократии.

В области внешней политики эмир Насрулла продолжал традиционную борьбу с соседними государствами, но так же, как и его предшественники, не достиг сколько-нибудь заметных успехов.

Вскоре после своего вступления на престол эмир начал войну с Шахрисябзом и продолжал ее в течение всего своего царствования. Не будучи в состоянии овладеть главнейшими крепостями Шахрисябза, эмирские войска разоряли посевы местных жителей, захватывали их имущество и уходили с тем, чтобы через некоторое время прийти снова. Из рассказов русских военнопленных, служивших долгое время в войсках Насруллы, можно установить, что таких походов было совершено не менее 14—15. Лишь в год смерти Насруллы (1860) бухарским войскам удалось овладеть Шахрисябзом, но и это завоевание оказалось непрочным.

В такой же мере упорной и продолжительной была борьба с Кокандом, поводом для которой служили обычные притязания каждой из сторон на приграничные города Джизак, Ходжент и Ура-тюбе. Начавшиеся

внутренние смуты в Кокандском ханстве, а также постройка кокандским ханом новой крепости на бухарской границе еще более обострили отношения между обоими ханствами и вызвали вторжение бухарских войск в пределы кокандской территории в 1839 г. Овладев пограничным районом и получив большой выкуп, бухарские войска ушли. Однако, после того как кокандцы возвратили себе захваченные у них территории, Насрулла зимой 1841/42 г. снова вторгся со своими войсками в пределы Кокандского ханства. Эмир овладел столицей ханства — Кокандом, казнил хана Мадали и во всех важнейших центрах поставил своих наместников. Вскоре бухарцы были изгнаны, и Кокандское ханство снова вернуло себе независимость.

Из сообщений полковника Игнатьева, посетившего Бухару в 1858 г., известно, что Насрулла в этом году снова вел войну с Кокандом, безуспешно осаждая Ходжент.

Значительно менее изученными являются взаимоотношения между эмиром Насруллой и номинально принадлежавшими Бухаре провинциями по левую сторону Аму-Дарьи — Балхом, Меймене и др. А. Бернс, посетивший Бухару в начале 30-х годов XIX в., отмечает, что подати с Балха в Бухару не поступают, а передаются местному правителю Ишан-ходже. Военной помощи от Балха Бухара также не получала. Далее А. Бернс отмечает, что Балх недавно подвергся нападению со стороны правителя Кундуза и что «бухарский государь имеет виды и на самый Кундуз, но эта страна лежит далеко и потому сомнительно, чтобы он успел в своих попытках».

В связи со смутами в Афганистане Афганский Туркестан в первой половине XIX в. переживал период фактической независимости. Область делилась на ряд владений — Балх, Меймене, Андхой и др., во главе которых стояли местные правители, формально признававшие иногда над собой власть бухарского эмира, а фактически, как показывают слова Бернса, от него совершенно не зависевшие.

Некоторые данные о взаимоотношениях между эмиром Насруллой и Афганским Туркестаном сообщает современник событий, кокандский историк Аваз Мухаммед. По словам этого автора, эмир Насрулла в 1837 г.

прибыл со своими войсками на Аму-Дарью и вызвал к себе правителей Балха, Шибургана, Мазара (Мазари-Шериф) и отправил их в качестве своих пленников в Бухару, после чего бухарские войска переправились через реку и вошли в Балх. Спустя некоторое время эмир возвратился в Бухару.

Из этого рассказа видно, что Насрулла не относился безучастно к событиям в Афганском Туркестане и не расставался с надеждой подчинить его своей власти.

Значительно больший интерес к Афганскому Туркестану был проявлен со стороны афганцев, прекрасно учитывавших важное значение этой провинции, богатой хлебом и скотом.

В официальной истории Афганистана, составленной по распоряжению эмира Хабибуллы (убит в 1919 г.), рассказывается, что эмир Дост Мухаммед (1826—1863) отправил в 1849 г. свои войска на завоевание «Туркестана». Местные туркмены и узбеки выступили против афганцев, но в происшедшем сражении около Балха были разбиты и отступили. После этого правители Балха, Андхоя, Сари-пуля, Катагана и других владений явились с дарами к афганскому начальнику и признали власть афганского эмира. Начавшаяся вскоре борьба между афганцами и персами за Герат, смуты среди афганских военачальников, а главное — тяжелые поборы афганских правителей вызывали неоднократные восстания местного населения против афганцев. Подробно рассказывая об усмирении восстаний в Афганском Туркестане в 50-х годах, афганский историк нигде не упоминает о каком-либо участии в них бухарских войск.

Из показаний бывших военнопленных, служивших долгое время в качестве сарбазов в бухарских войсках, известно, что почти до самого конца 70-х годов XIX в. правители Андхоя, Меймене и некоторых других районов Афганского Туркестана постоянно присылали для службы в бухарских войсках от 500 до 2000 всадников. Это сообщение так же, как и довольно неопределенные сообщения по этому поводу Вамбери, не дают достаточных оснований утверждать, что зависимость Афганского Туркестана от Бухары носила сколько-нибудь реальный характер. На это же указывает рассказ Аваз Мухаммеда, который сообщает, что в последний год

своего правления (1860) эмир Насрулла выступил к афганской границе и даже перешел со своими войсками Аму-Дарью около Керки, но затем неожиданно повернул обратно и ушел в Бухару. Воспользовавшись этим, афганцы напали, по словам названного историка, на Сари-пуль и истребили здесь около 900 человек местного населения, соорудив традиционный «минарет» из голов убитых.

Иначе описывается поход 1860 г. афганским историком, по словам которого бухарские войска, дойдя до берега Аму-Дарьи в районе Керки, потерпели здесь поражение от афганских передовых отрядов и в панике отступили. В числе доставшейся афганцам богатой добычи историк отмечает роскошные шатры эмирской ставки.

Во главе бухарских войск находился, по словам афганского историка, не Насрулла, а его сын и преемник Музаффар. Такое смешение вполне объяснимо, так как описываемый поход совершался в год смерти одного из них и воцарения другого. К сказанному надо добавить, что упомянутое афганским историком нашествие афганцев на Сари-пуль подтверждается и источником.

Таким образом, можно считать, что в период правления эмира Насруллы борьба за Афганский Туркестан между бухарцами и афганцами закончилась победой последних, после чего названная провинция прочно вошла в состав Афганистана.

В начале 40-х годов снова возобновляется борьба между Бухарой и Хивинским ханством, прекратившаяся в год смерти хивинского хана Мухаммед Рахима (1825). Поводом к началу военных действий послужило вмешательство бухарцев в дела Мерва, подпавшего к этому времени под влияние Хивинского ханства. Хивинские войска стали совершать набеги на Чарджуй и другие окраины Бухарского ханства, всюду производя опустошения и уводя пленных. Как хивинские историки, так и бывшие русские военнопленные в Бухаре рассказывают, что некоторые из хивинских отрядов доходили до окрестностей бухарской столицы, опустошая все на своем пути. Для отражения хивинцев эмир в 1842 г. собрал большую армию, численностью будто бы до 100 тыс. человек, в состав которой входило почти поголовно все взрослое население столицы и ее окре-

стностей, не исключая купцов. Количество захваченных хивинцами пленных было настолько значительно, что из них в Хиве было образовано несколько новых селений.

В апреле 1843 г. Насрулла во главе многочисленной армии, состоявшей в большинстве из случайно набранных жителей (кара-чирик), предпринял ответный поход на Хиву. Однако, потерпев полное поражение под Хазараспом, Насрулла вынужден был спасаться бегством, потеряв большую часть своей кавалерии.

В 1846 г. эмир отправил в Хиву посольство с предложением мира, после чего хивинские набеги на Бухару прекратились.

Из прочих военных мероприятий Насруллы следует отметить его попытку принять под свое покровительство Ташкент и Туркестан, отложившиеся в 1845 г. от Кокандского ханства, однако власть эмира и здесь оказалась недолговременной.

* * *

Развитие капиталистического производства в Европе и в России и начавшиеся в связи с этим поиски промышленного сырья и рынков сбыта усилили интерес к Средней Азии со стороны России и Англии. Уже начиная с первых десятилетий XIX в. в Бухару направляется ряд миссий как русских, так и английских, ставящих задачей изучение местного рынка и привлечение на свою сторону ханского правительства. Эмиры, заинтересованные в развитии внешней торговли, в которой они лично принимали большое участие, действуя через подставных лиц, охотно вели переговоры по вопросам торговли, но всегда воздерживались от подписания каких бы то ни было договоров и обязательств. В связи с этим результаты переговоров всех прибывавших в Бухару миссий оставались не фиксированными и целиком зависели в дальнейшем от усмотрения эмира и его приближенных. Эмиры относились с недоверием и опасением ко всем прибывавшим к ним миссиям и всегда окружали их сетью шпионов.

В 1820 г. в Бухару прибыла русская миссия под начальством Негри для подписания торгового договора. Результаты пребывания миссии в Бухаре изложены в

сочинениях членов миссии барона Мейендорфа и доктора Эверсмана, до сих пор не утративших своего значения для ознакомления с Бухарским ханством того времени.

Не меньший научный интерес представляет также неоднократно уже цитировавшийся труд лейтенанта англо-индийской армии А. Бернса, побывавшего в Бухаре в начале 30-х годов XIX в. в качестве полуофициального политического агента англо-индийского правительства.

Не перечисляя здесь ряда имен других русских и английских путешественников, посетивших Бухару в рассматриваемый период, отметим лишь вкратце богатство научных результатов путешествия русской миссии 1841—1842 гг. во главе с горным инженером Бутеневым. Бутенев является единственным иностранцем, посетившим Бухару не по собственной инициативе, а по приглашению бухарского правительства. Зная, по слухам, что в России добывается много золота и что добыча этого металла производится не теми кустарными способами, какие применяются в Бухаре (промывание песочного золота на бараньих шкурах), Насрулла обратился к русскому правительству с просьбой прислать ему соответствующего специалиста, который мог бы произвести необходимые исследования.

Практические результаты разведки Бутенева удовлетворить эмира не могли, так как крупных месторождений золота, вопреки желанию бухарского повелителя, обнаружить не удалось. Однако Бутенев и его спутники собрали обширный и разнообразный материал для характеристики как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения. Помимо целого ряда статей и исследований, опубликованных Бутеневым, заслуживает внимания также «Описание Бухарского ханства» Н. Ханыкова и обширные материалы для изучения флоры и фауны Бухарского ханства, собранные А. Леманом.

В начале 60-х годов XIX в. совершил свое знаменитое путешествие по Средней Азии известный венгерский ориенталист-тюрколог А. Вамбери.

Путешествуя под видом дервиша, что было возможно, разумеется, лишь при условии прекрасного знакомства с языком и бытом местного населения, Вамбери

имел возможность наблюдать те стороны жизни населения Средней Азии, которые для обыкновенных путешественников того времени были недоступными. Результаты своих путешествий Вамбери изложил в «Путешествии по Средней Азии», а также в «Очерках Средней Азии» и ряде других сочинений, представляющих в большинстве значительный интерес и для современного исследователя.

Бухарские посольства в Петербург прибывали редко; их задачи ограничивались обычно переговорами о торговле. В такой же мере редкими и нерегулярными были бухарские посольства в соседние с Бухарою среднеазиатские ханства.

Еще менее значительную роль играл обмен посольствами между Бухарой и окружающими ее мусульманскими государствами — Афганистаном, Ираном и Турцией.

* * *

Несмотря на чрезвычайно критическое положение, создавшееся к середине XIX в. в Средней Азии, когда русские войска уже вплотную приблизились к северным границам Кокандского и Хивинского ханств, взаимоотношения между Бухарой и ее соседями оставались попрежнему враждебными. «Бухарцы говорят, что они были бы очень рады, если бы русские завладели Ташкентом, — тогда бы им легче было завоевать Коканд»,— передает один из бывших военнопленных, вернувшийся из Бухары в Россию в 1858 г. Эти показания вполне совпадают с общими данными, которые характеризуют как политическую деятельность эмира Насруллы, так и сына и преемника его Музаффара (Музаффар-эд-дин, 1860—1885).

Аваз Мухаммед рассказывает, что, узнав о смерти Насруллы, беки Шахрисябза возвратились в свои владения и отказались подчиниться Бухаре. Музаффар овладел одним из пограничных шахрисябских городов и предал поголовному истреблению его жителей, но от дальнейших военных действий должен был отказаться, так как вновь обострившаяся борьба с Кокандом из-за Ура-тюбе заставила эмира возвратиться в Бухару.

Враждебные действия между Кокандом и Бухарой продолжались до 1866 г., когда спорные пограничные

пункты Ходжент и Ура-тюбе были взяты русскими войсками.

Благодаря резкому обострению внутренней борьбы между отдельными группами правящего класса в Коканде эмиру дважды удавалось овладевать столицей ханства и ставить во главе его то или иное желательное ему лицо. Однако прочного подчинения страны ему достигнуть не удалось. В такой же мере неудачной оказалась попытка эмира подчинить себе Ташкент в 1865 г. накануне занятия его войсками генерала Черняева.

С покорением русскими войсками Ташкента и Ходжента Бухарское ханство вступило в новую для него фазу политического существования.

Глава V

ХИВИНСКОЕ ХАНСТВО И ТУРКМЕНЫ

Территория Хивинского ханства на протяжении почти всей первой половины XIX в. постоянно изменялась. В состав ханства вошли новые районы и области с туркменским, казахским и каракалпакским населением, вследствие чего границы Хивы значительно расширились. При первых правителях кунградской династии, до Эльтузера (1804—1806) включительно, ханство занимало небольшое пространство в южной части Хивинского оазиса, с центром в городе Хиве. Северная часть оазиса составляла самостоятельное владение с центром в городе Кунграде, известное под названием Арала еще в XVII в. На юге и юго-востоке границы ханства совпадали с пределами культурной полосы хивинского оазиса. Между Хивинским ханством и Бухарой лежали безводные пространства Кызыл-кумов, прорезанные лишь узкой полосой Аму-Дарьи, берега которой здесь совершенно безлюдны. Вследствие неустойчивости политического положения ханства туркменская территория, в значительной своей части подчинявшаяся Хиве еще в первых десятилетиях XVIII в., фактически от нее отпала, расчленившись на ряд независимых владений отдельных туркменских племен.

С укреплением внутреннего положения ханства в первых десятилетиях XIX в. границы его владений значительно расширились. Впрочем, говорить о каких-либо точных границах Хивинского ханства, окруженного огромными степными пространствами, занятыми постоянно передвигающимся кочевым населением, вряд ли возможно — скорее можно говорить о «сфере влияния» ханства на жизнь кочевой периферии.

Капитан Данилевский, посетивший Хиву в 1842 г., отмечал, что границей Хивинского ханства на западе является Каспийское море, а на юге — владения Персии (Ирана). В 1858 г. русскому путешественнику Игнатьеву в бытность его в Хиве было сообщено, что южная граница ханства проходит через Мервский оазис, а северная — по реке Эмбе, хотя последняя уже давно фактически принадлежала России.

Особенностью географического положения Хивинского ханства являлась, как известно, его полная изолированность от соседних государств. Окружающие Хиву обширные безводные пространства представляли собой, по словам Абдул-Керима бухарского, непреодолимую преграду, воздвигнутую по воле Аллаха для защиты «людей ислама» от «неверных».

Основную массу населения Хивинского ханства составляли узбеки, после прекращения смут постепенно возвратившиеся на свои прежние места и расселившиеся во всех удобных для земледелия районах, по верхнему и среднему течению оросительных каналов. Узбеки в Хиве, как и в Бухаре, делились на ряд отдельных племен, из которых каждое размещалось обычно на принадлежавшем ему отдельном канале со всеми средними и мелкими ответвлениями. Главнейшими племенами, на которые разделялись хивинские узбеки, были следующие: кунград, найман, кыят, уйгур, нукуз, канглы, кытай (китай), кипчак и ряд других.

До окончательного укрепления кунградской династии предводители крупнейших узбекских племен были фактически независимыми владетелями, оказывавшими решающее влияние на всю политическую жизнь ханства.

Уже в XVII в. в связи с недостатком пастбищ среди хивинских узбеков наблюдается переход к оседлости, не получивший окончательного завершения из-за отсутствия достаточного количества орошенных земель. Переход к оседлости сопровождался сооружением новых или восстановлением старых оросительных каналов, в строительстве которых узбеки принимали участие целыми племенами, по имени которых каналы нередко и назывались (Найман, Кенегес, Кыят и т. д.).

В середине XVIII в. один из русских путешественников отмечал, что главную роль в хозяйстве местного

населения играет земледелие при крайне слабом распространении скотоводства. Скот покупается, по словам путешественника, почти исключительно у окружающих кочевников — казахов, туркменов и каракалпаков.

При инаке Мухаммед Эмине (ум. в 1790 г.) и его сыне Эвезе (ум. в 1804 г.) были осуществлены большие работы по осушке затопленных пространств в дельте Аму-Дарьи, в районе современной Кара-Калпакской АССР. Здесь же производилось орошение безводных местностей. Строительство новых каналов продолжалось в ханстве и в XIX в., до 60-х годов включительно, несмотря на колоссальные трудности, вызываемые частыми изменениями русла и непостоянством водного режима Аму-Дарьи. Так, в 1815 г. по распоряжению хана Мухаммед Рахима был прорыт большой канал Клыч Нияз-бай, проходивший к югу от Гурлена и доведенный до западной окраины культурной полосы ханства. В 1831 г. при хане Алла-кули (1825—1842) было произведено орошение земель Старого Ургенча, находившегося в связи с поворотом Аму-Дарьи в полном запустении около двух столетий. Производились оросительные работы и на правом берегу Аму-Дарьи, где при хане Сейид Мухаммеде (1856—1864) был проведен большой канал в районе современного города Турткуля.

Наряду с крупными магистральными каналами, сооружавшимися по распоряжению центральной власти, в ханстве было создано значительное число средних и мелких арыков, в сооружении которых главную роль играли местные родовые общины.

Переход к оседлости среди хивинских узбеков также не сопровождался резким разрывом с родовыми традициями или распадением крупных племенных объединений на отдельные составные части, как это отмечалось уже нами в отношении Бухары. Возникавшие в результате оседания населенные пункты получали названия крупных узбекских родов, например Кунград, Мангыт, Кипчак, Нукуз, Кытай и т. д. Переход к оседлости происходил в Хиве, как и всюду, довольно медленно и завершился, по-видимому, не ранее первой половины XIX в. Источники отмечают, что еще в начале XIX столетия часть узбеков Хивы не имела постоян-

ных селений, а устраивала в районе своих посевов временные становища, называвшиеся куренями. Курень представлял собой как бы укрепленный лагерь, где население помещалось вместе со своим имуществом и скотом и могло защищаться в случае нападений со стороны враждебных соседних племен. Установившийся несколько позже тип хивинских постоянных селений значительно отличается от сельских поселений (кишлаков) других районов Средней Азии разбросанностью своих дворов-усадеб, окруженных высокими глинобитными стенами.

Из общей массы оседлого тюркоязычного населения центральных районов ханства хивинские историки XVII—XIX вв. выделяют особо сартов — отдельную этническую группу, представляющую собою отуреченных потомков древнего населения Хорезма, по-видимому, еще в XIII—XIV столетиях утративших свой прежний, хорезмийский язык. Наиболее компактную массу сарты составляли среди населения района Хазараспа. Значительную роль в занятиях сартов играла торговля.

Вторую по численности группу населения Хивинского ханства составляли туркмены, впервые появившиеся здесь уже в X в. Вследствие того что культурная часть Хорезма в X в. была так же плотно заселена, как и в более позднее время, пришельцы-туркмены не могли здесь создать прочной оседлости и были вынуждены кочевать со своими стадами на границах оазиса. Подобную же картину расселения туркменских племен мы наблюдаем в Хиве в период XVI—XIX вв.

Не находя на территории ханства достаточного количества земли и пастбищ, отдельные части туркменов уходили на юго-запад в пределы современной Туркменской ССР или северного Ирана. Однако и здесь все лучшие пастбища и орошенные земли в оазисах оказывались уже занятыми ранее пришедшими сюда туркменскими же племенами.

Разместившись с большими трудностями на неосвоенных еще пространствах пустыни или овладев необходимыми им колодцами и пастбищами силой, туркмены все же могли существовать только при условии постоянного обмена с оседлыми оазисами, где они сбывали бы излишки продукции своего скотоводческого хозяйства и приобретали себе хлеб. Хива с ее относи-

тельно многочисленным земледельческим населением и довольно широко развитым ремесленным производством являлась как бы естественным дополнением к экономике туркменских степей, потребляя всевозможные излишки их продукции и снабжая их в свою очередь всем необходимым. На базе таких хозяйственных взаимодействий строились в основном и политические отношения между Хивинским ханством и туркменами. Учитывая зависимость экономики кочевых районов от оседлого земледельческого хозяйства, хивинские ханы стремились использовать это обстоятельство для целей прочного подчинения туркменов своей власти. Не имея иногда возможности добиться повиновения туркменов силой оружия, хивинское правительство прибегало к репрессиям экономического характера. Одна из таких мер заключалась, например, в том, что непокорным туркменам под страхом смерти запрещалось посещение хивинских рынков, что по существу было равносильно запрету приобретать себе необходимый хлеб.

Подобное же экономическое давление применялось ханами в отношении и тех туркменов, которые располагали некоторым количеством земель на окраине Хивинского ханства и занимались здесь земледелием. Желая сломить их сопротивление, ханское правительство прекращало пропуск воды в низовья канала, где располагались туркменские пашни, и таким образом добивалось своей цели.

В тех случаях, когда произвол и насилие хивинских властей особенно возрастали, отдельные части туркменов уходили в район Астрабада и соседние с ним северные провинции Ирана, однако условия существования и здесь были не менее тяжелыми.

Наиболее многочисленную группу туркменского населения в Хивинском ханстве в XIX в. составляло племя йомут, переселившееся сюда, по-видимому, еще в начале XVII в. из Хорасана. В связи с ожесточенными преследованиями, каким подвергались йомуты со стороны шаха Надира во второй четверти XVIII в., территория, занимаемая этим племенем, часто менялась. Часть племени была вынуждена временно переселиться на полуостров Мангышлак, остальные ушли в Балканские горы и другие, наименее доступные места по восточному побережью Каспийского моря. Со смертью

Надир-шаха (1747 г.) картина расселения йомутов снова изменилась: большинство племени передвинулось к Хиве и в 60-х годах XVIII столетия стало занимать господствующее положение в политической жизни ханства. После уничтожения йомутского господства Мухаммед Эмином (ок. 1770 г.) значительная часть племени ушла в Хорасан, но после неудачных поисков земли и пастбищ в 1806 г. снова возвратилась на окраины Хивы и, с согласия хивинского правительства, расселилась на территории к западу от столицы ханства на границе пустыни. Другие члены племени продолжали оставаться на восточном побережье Каспийского моря. Хивинские йомуты делились на четыре самостоятельных рода, из которых каждый занимал отдельную территорию и жил более или менее обособленной жизнью. Благодаря этому обстоятельству хивинским ханам сравнительно легко удавалось удерживать йомутов в повиновении. Из других туркменских племен, находившихся в Хивинском ханстве, следует отметить имрели и чоудоров. Имрели пришли в Хиву в начале XIX в. и получили, по словам хивинского историка Муниса, некоторое количество земли в районе Ходжа-Эли; чоудоры, менее многочисленные, чем имрели, занимали пространство к северу от последних.

Главным занятием туркменов являлось скотоводство, отчасти земледелие. Н. Муравьев, посетивший Хивинское ханство в 1819 г., говоря о туркменах, отмечает, что «ныне же большая часть оных занимается земледелием и селится деревнями». Весьма возможно, что речь идет о той части туркменов, которая незадолго до приезда Муравьева переселилась на территорию ханства, лишившись большей части своего скота в результате длительных странствований по пустыням. Вполне понятно, что эти туркмены не имели возможности кочевать и были вынуждены заниматься земледелием. Однако детальное знакомство с хивинскими источниками этого времени показывает, что массового перехода туркменов к оседлости в течение первых двух десятилетий XIX в. не наблюдалось, хотя земледелие все же играло здесь известную роль. Муравьев отмечает также, что туркмены «селятся в ханстве и опять уходят», из чего можно заключить, что речь идет о полу-

кочевниках, рассматривавших земледелие как второстепенное и временное занятие, которое они бросали, как только представлялась малейшая возможность. Одна из главных причин медленного перехода туркменов к оседлости — недостаток орошенной земли. Предоставлявшиеся туркменам земли располагались в низовьях каналов, потому часто страдали от безводья. Более значительного развития земледелие у хивинских туркменов достигло, по-видимому, только к 40-м годам XIX в., о чем можно судить по сообщению Данилевского, посетившего Хиву в 1842 г. Путешественник указывает, что туркмены, живущие в районе Куня-Ургенча, Ташауза и в других северо-западных провинциях ханства, занимаются земледелием «на отведенных им землях». «Означенные туркмены, — добавляет автор, — имеют бедное скотоводство, ткут ковры и делают кибитки для продажи».

Как в результате хозяйственной необеспеченности, так и вследствие тесного сближения туркменской военно-феодальной знати с правящими кругами хивинского общества отдельные туркменские племена, особенно йомуты, постепенно переходят в хивинское подданство и играют весьма важную роль в военно-политической жизни ханства. Из состава туркменских племен комплектуется хивинская конница, высокие военные качества которой обеспечивают неоднократные победы хивинским ханам над Бухарой и другими соседями.

Говоря о характере взаимоотношений, существовавших между Хивой и туркменами, нельзя не отметить также того культурного и идеологического влияния, какому подвергались туркменские районы со стороны Хивинского ханства. Хива на протяжении ряда столетий направляла в туркменские кочевья своих мулл, казиев, ишанов, которые постепенно сосредоточивали в своих руках все руководство религиозной жизнью кочевников и в соответствии с целями хивинского правительства оказывали то или иное влияние на общественно-политическую жизнь туркменского населения, склоняя его на сторону Хивы.

Туркмены, обучавшиеся в хивинских медресе, уходили по окончании курса в свои степи и нередко также становились проводниками хивинского влияния

В меньшей степени подвергалась хивинскому влия-

нию те туркмены, которые занимали в начале XIX в. долину Мургаба, Ахал и другие районы юго-западной Туркмении, отделенные от центра Хивинского ханства обширными песчаными пространствами. Кочевавшие здесь племена текинцев, сарыков, салуров и других занимались отчасти земледелием, используя для этой цели небольшие участки орошенной земли в оазисах и долинах горных речек. Связи этих туркменов с Хивой и Бухарой ограничивались главным образом торговыми сношениями. По временам туркмены совершали нападения на северные окраины Хорасана и захватывали здесь пленных, которых продавали затем на невольничьих рынках Средней Азии. Со своей стороны, власти Ирана направляли в туркменские районы карательные экспедиции, которые производили массовые избиения жителей и угоняли скот, но не могли добиться прочного подчинения. Зависимость от Ирана признавали лишь гоклены и некоторые другие туркменские племена, занимавшие долины рек Гюргена и Атрека, а также та часть йомутов, которая располагалась на юго-восточном побережье Каспийского моря.

Отношения между текинцами и соседними с ними туркменскими племенами часто носили враждебный характер. Разоряя и обессиливая друг друга постоянными войнами из-за земли и воды, разрозненные туркменские племена юго-западной Туркмении не могли оказать серьезного сопротивления появившимся здесь вскоре хивинским войскам и были вынуждены признать свою зависимость от хивинского хана, хотя зависимость эта носила весьма условный характер.

На северо-восточных окраинах ханства, на пространстве между отдельными рукавами Аму-Дарьи, располагались каракалпаки, частью обитавшие здесь уже в XVIII в., частью переселившиеся сюда с низовьев Сыр-Дарьи в начале XIX столетия. Разделенные, как и туркмены, на ряд независимых друг от друга племен каракалпаки уже к моменту своего прихода в низовья Аму-Дарьи были обессилены набегами казахских ханов и не могли серьезно сопротивляться хивинскими завоевателям.

В хозяйстве каракалпаков весьма важное место занимало земледелие, широкое распространение которого было вызвано утратой скота во время предшествовав-

ших военных событий. Большое значение имело также рыболовство.

По соседству с каракалпаками проживало довольно значительное число казахов, занимавшихся главным образом скотоводством.

Общая численность населения Хивинского ханства определялась Муравьевым в 1819 г. в 300 тыс. человек, хотя тот же автор отмечает, что эта цифра беспрерывно увеличивается благодаря завоеваниям новых земель.

Городская жизнь в Хиве была развита чрезвычайно слабо, на что указывают ничтожные цифры населения важнейших городских центров. Достаточно указать, что в столице ханства Хиве насчитывалось в первой четверти XIX в. всего около 3 тыс. домов. Данилевский в 1842 г. численность населения столицы определял в 4 тыс. человек, «преимущественно из чиновников, духовенства и купечества».

Другим значительным городом ханства был Новый Ургенч, расположенный по левому берегу Аму-Дарьи в 30 километрах на восток от столицы. Муравьев, Данилевский и другие путешественники первой половины XIX в. указывают, что Новый Ургенч являлся в это время крупнейшим торговым центром ханства. Сведения о численности населения города в первой половине XIX в. крайне противоречивы. Муравьев склонен был утверждать, что число жителей здесь свыше 5 тыс. человек, в то время как Данилевский насчитывал здесь не более 2 тыс. человек.

Из прочих городов ханства наибольшей известностью пользовались Хазарасп, Мангыт, Гурлен с населением от нескольких сот до тысячи человек. Большинство местных городов и селений представляло собою базары, где сосредоточивалась торговля между оседлым населением ханства и окружающими его кочевниками.

Наиболее напряженной жизнью эти города жили в так называемые базарные дни, обычно два раза в неделю, когда сюда съезжалось для торговли большое число окрестных жителей и торговцев. В прочие дни город казался безлюдным.

Города и значительные селения окружались высокими глинобитными стенами, под защиту которых в мо-

менты военной опасности собиралось все окрестное население.

Хивинские города, особенно столица ханства, были также крупными религиозно-просветительными и культурными центрами, влияние которых сказывалось далеко за пределами ханства.

* * *

В главе III уже отмечалось, что Хивинское ханство в XVIII столетии не представляло собою централизованного государства. «Правление инаков», как принято называть этот период, характеризовалось господством предводителей отдельных узбекских племен, сильнейший из которых захватывал в свои руки государственную власть и правил от имени того или иного подставного хана. Господствовавшие в этот период среди узбеков полуфеодальные-полупатриархальные отношения отражались также на формах землевладения, носившего характер общинно-родового владения землей и водой, когда собственником и распорядителем средств производства являлось не определенное лицо или территориальная община, а род или племя в целом. Однако в действительности такой коллективной собственности на землю в рассматриваемое время уже не существовало. В связи с резкой социальной дифференциацией внутри рода право фактического распоряжения землей принадлежало уже не всем членам родового объединения, а только правящему меньшинству в лице биев, беков, старшин-аксакалов и т. д.

Широко пользуясь методами внеэкономического принуждения, узбекские феодалы нередко выступали инициаторами и организаторами оросительных работ, что еще более закрепляло их право на распоряжение родовыми землями и усиливало их власть над массой фактически безземельного населения своего рода или племени. Таким образом можно установить, что узбекская военно-феодальная знать, игравшая главную роль в общественно-политической жизни ханства в XVII—XVIII вв., представляла собою в то же время крупнейших землевладельцев. Стремясь увеличить владения за счет соседних родов или пытаясь захватить в свои руки аппарат центральной власти, представители узбекской знати вели постоянные войны друг с другом, что в конечном счете

и явилось основной причиной политического упадка Хивы в XVIII в. Из сообщений хивинского историка начала XIX в. Муниса известно, что родоначальник кунградской династии Мухаммед Эмин так же, как и его ближайшие преемники до Эльтузера включительно, пытались сломить могущество узбекских феодалов, но их борьба за создание твердой централизованной власти не дала решительных результатов. Одна из главных причин неуспеха заключалась в слабости той социальной базы, на которую могла опереться ханская власть в своей борьбе с центробежными стремлениями феодальной знати. Удельный вес городского населения был крайне невелик, крестьяне были разорены и большинство их рассеялось во время смут в Бухаре и других соседних странах. Создание сколько-нибудь значительной военной силы, которая могла бы превосходить своей численностью племенные ополчения местных феодалов, оказывалось при таких условиях невозможным. Не меньшее значение имело также то обстоятельство, что централизаторские стремления первых представителей кунградской династии встречали противодействие не только со стороны узбекских феодалов, но также туркменов, сравнительно недавно считавших себя хозяевами в ханстве и не оставлявших еще мысли о восстановлении своего прежнего господствующего положения.

Необходимость разрешения туркменского вопроса, сводившегося с точки зрения хивинского правительства к задаче полного подчинения туркменов ханской власти, была уже вполне осознана ханом Эльтузером, который в течение своего кратковременного царствования вел упорную борьбу с йомутами, имрели, чоудорами и другими туркменскими племенами, занимавшими в это время окраины ханства. Действуя отдельными разрозненными группами, туркменские племена, несмотря на ожесточенное сопротивление, одно за другим теряли свою самостоятельность. Лишь йомуты отказались подчиниться и ушли в Хорасан. Однако, не найдя здесь свободных пастбищ и подвергаясь постоянным преследованиям со стороны иранских властей и соседних туркменских племен, йомуты вынуждены были в 1806 г. снова возвратиться в Хиву, где они поселились на землях, отведенных им ханом.

С этого момента йомуты окончательно связывают

свою судьбу с Хивинским ханством и прочно входят в состав его подданных. Наряду с другими хивинскими туркменами йомуты обязываются уплачивать налог со скота и посевов и поставлять установленное число нукеров в ханские войска.

Разоренные предшествующими войнами и длительными странствованиями по пустыням, йомуты представляли чрезвычайно неустойчивый в хозяйственном отношении элемент, из среды которого хивинские ханы без особого труда могли завербовать большое число всадников и направить их затем в составе своих войск для завоевания или грабежа соседних народов, не исключая и туркменов. Описывая хивинские набеги на Бухару в последний год правления Эльтузера, Абдул-Керим бухарский указывает, что главную роль в ханской коннице играли йомуты, имрели, чоудоры и другие туркменские племена. Узбеки занимали в хивинских войсках, по-видимому, одно из последних мест.

Таким образом, уже к моменту воцарения Мухаммед Рахима в распоряжении главы Хивинского ханства имелась первоклассная туркменская конница, определившая в дальнейшем военные успехи ханства в начавшейся борьбе за господство над окружающей территорией.

Опираясь на туркменов и на преданные ему группы узбекского населения, Мухаммед Рахим вступает в решительную борьбу с узбекской феодальной знатью. Муравьев, посетивший Хивинское ханство в конце правления Мухаммед Рахима, подробно рассказывает о том необычайном упорстве, какое проявлялось в этой борьбе каждой из сторон.

Одержав победу над своими противниками в центральных районах ханства, Мухаммед Рахим вступает в борьбу с Кунградом, представлявшим собою центр враждебных ему сил. В 1811 г. после ряда походов Аральское владение было завоевано. Одновременно Мухаммед Рахим продолжает начатое еще при его брате Эльтузере завоевание каракалпакских районов, расположенных в восточной части дельты Аму-Дарьи.

Каракалпаки пытались, по словам хивинского историка, найти поддержку у бухарского эмира Хайдера, но, не получив какой-либо реальной помощи, были вынуждены в конце первого десятилетия XIX в. подчиниться Хиве.

Мухаммед Рахим совершил также ряд походов против казахов. На грабительский характер этих походов указывает сообщение хивинского историка о добыче, вывозившейся хивинцами из казахских степей. В результате первого похода, совершенного в 1812 г. хивинскими войсками, было захвачено, не считая прочих ценностей, 100 тыс. баранов, 40 тыс. верблюдов и 500 казахских девушек.

Так же приблизительно описываются результаты хивинского набега в 1820 г. Следствием совершенных походов было значительное расширение территории Хивинского ханства за счет казахских районов, до низовьев Сыр-Дарьи включительно.

Начиная с 1813 г. хан предпринимает ряд набегов также в глубь юго-западной Туркмении, доходя неоднократно до северных окраин Хорасана. Целью походов являлось подчинение текинцев и других соседних с ними туркменских племен. Вследствие длительной и ожесточенной борьбы за свою независимость разоренные до крайности туркменские племена были вынуждены признать свою зависимость от хана, что выражалось в уплате установленных налогов и посылке людей для службы в ханских войсках.

Крупнейший стратегический центр Туркмении Мерв в 1822 г. перешел под власть хивинцев. В 1824 г. хивинцами был выстроен так называемый Новый Мерв, соответствующий по своему местоположению современному городу Мары Туркменской ССР. В этом же году брат Мухаммед Рахима Кутлуг Мурад-инак пытается восстановить древнюю «Султанскую» плотину на Мургабе. В связи с неудачей этих работ попытка хивинцев восстановить былое значение Мары не дала положительных результатов.

Для завершения характеристики военно-политической деятельности Мухаммед Рахима необходимо напомнить также о его войнах с Бухарским ханством, начавшихся с 1821 г. и продолжавшихся почти до самой смерти хана в 1825 г.

В соответствии с задачами, которые ставили перед собою представители новой династии, в особенности Мухаммед Рахим, внутренняя обстановка в ханстве с начала XIX в. должна была значительно измениться.

Нанеся поражение старой феодальной знати, даже

физически почти уничтожив ее, Мухаммед Рахим получил в свое распоряжение большое количество земель, принадлежавших ранее предводителям отдельных племен и составлявших основу их политического могущества. Некоторые конфискованные земли хан пожаловал своим приближенным, выдвигавшимся нередко из неузбекской среды — «сартов», туркменов и даже вольноотпущенников — иранцев. Другие земли хан оставлял за собой в качестве особого удельного фонда.

Таким образом, при Мухаммед Рахиме состав местного господствующего класса существенно изменился. В руках хана и преданных ему лиц была сосредоточена и земля и власть над массой трудящегося населения, поддерживаемая вооруженной силой.

Ведя кровопролитные войны с туркменами, каракалпаками, казахами и другими окружающими народами, Мухаммед Рахим вполне учитывал значение, каким пользовалась туркменская, каракалпакская и казахская знать, и принимал соответствующие меры для привлечения ее на свою сторону. Хивинские историки сообщают немало сведений о том, как, подчинив себе то или иное туркменское или каракалпакское племя, Мухаммед Рахим жаловал его предводителям земли и предоставлял им различные преимущества.

В составе сформировавшегося при Мухаммед Рахиме господствующего класса видную роль играли представители духовенства — ходжи и сейиды, принимавшие участие в управлении государством и пользовавшиеся рядом привилегий.

Основу вооруженной силы ханства составляло нукерство, комплектовавшееся из узбеков, туркменов и других народностей ханства. Нукерская служба была бессрочной.

Особенности социальной структуры ханства получили свое отражение в местных формах земельной собственности, носивших строго иерархический феодальный характер.

Главную категорию земель составляли земли общегосударственные (падшахи), верховным феодальным собственником которых являлся глава государства — хан. Крестьяне, сидевшие на государственных землях, юридически были лишь арендаторами, вносившими в ханскую казну поземельный налог деньгами или нату-

рой. Другие занимались обработкой мульковых земель, принадлежавших различным категориям местного служилого сословия (сипаи), а также самому хану. Наконец, последняя часть крестьянства сидела на землях вакфных, количество которых в ханстве было весьма велико.

Характеризуя землевладение в Хивинском ханстве, Данилевский в 1842 г. отмечал, что почти половина всех возделываемых земель здесь «принадлежит хану, его родственникам, главным сановникам, прочим чиновникам, духовенству, медресам и торговому сословию». Из сообщений того же путешественника видно, что земельная собственность отдельных сановников-феодалов достигала 2—3 тыс. танапов (танап — около $^1/_2$ га). Еще более значительных размеров достигала личная собственность хана и его ближайших родственников. «Простому народу», по определению Данилевского, принадлежит лишь несколько более половины всей культурной площади. Размеры участков, обрабатывавшихся крестьянами на государственных, а также частновладельческих (мульковых) и вакфных землях, колебались, как показывают документы архива хивинских ханов XIX в., в пределах до 10 танапов. «Владелец пяти-шести танапов считается здесь,— по словам Л. Костенко,— уже человеком зажиточным; большинство же владеет одним-двумя танапами». К сказанному следует добавить, что часть хивинских крестьян была вынуждена ограничиваться одним танапом, может быть, арендуя дополнительно некоторое количество земли у соседних богатых землевладельцев. Документы хивинского архива показывают также, что большое число хивинских крестьян было обезземелено. В связи со слабым развитием городов, при полном отсутствии крупной промышленности в ханстве масса безземельных крестьян была вынуждена оставаться в деревне в качестве батраков или испольщиков (ярымчи), как это отмечалось нами и в отношении Бухарского ханства.

Феодальные повинности, лежавшие на хивинском крестьянстве, были чрезвычайно тяжелы и многообразны. Помимо поземельного денежного налога, так называемого салгута, и взноса определенной части урожая натурой (ушр или даяк), каждый крестьянин был обязан выполнять также целый ряд натуральных повинно-

стей, из которых наиболее обременительной являлась повинность казу — бесплатная работа по ежегодной сезонной очистке крупных оросительных каналов, производившаяся в период весенних полевых работ. Не менее тяжелыми являлись также работы по сооружению дамб, предохранявших прибрежные районы ханства от затопления в периоды разлива реки (весной и летом).

Все исследователи Хивинского ханства отмечают необычайное распространение здесь подкупов, благодаря которым зажиточные группы населения имели возможность посредством взятки освободить свои земли от налога или уменьшить его до минимальных размеров. Это облегчалось также тем обстоятельством, что в Хиве, как и в других среднеазиатских ханствах, сборщики налога не получали содержания от государства, живя исключительно за счет побочных доходов. Законным правом на освобождение от салгута, казу и других повинностей пользовались все привилегированные группы населения, в том числе сипаи, духовенство, а также нукеры, число которых в отдельных районах ханства достигало, по данным хивинского архива, почти половины всего взрослого мужского населения. Вполне понятно, что при наличии стольких лиц, пользовавшихся указанными привилегиями, основная тяжесть налогового бремени ложилась на средние и бедные слои крестьянства и городских ремесленников. Последние облагались зякетом, размеры которого целиком зависели от произвола сборщика. Зякетом же облагались предметы внешней торговли, а также стада кочевников и все, что продавалось крестьянами на базарах.

В наибольшей степени страдали от налогов туркмены, каракалпаки, казахи и другие этнические группы, не принадлежавшие к господствующей народности.

Туркмены и каракалпаки должны были платить так называемый салгут-кесьме, сумма которого оставалась постоянной, независимо от фактической обработки облагаемой земли. Отсутствие или недостаток воды в туркменских районах и частые наводнения в районе каракалпаков способствовали тому, что значительная часть предназначавшихся для обработки земель ежегодно оставалась невозделанной, вследствие чего налоги на фактически обрабатывавшиеся участки достигали нередко огромных размеров.

Для туркменов необычайно обременительной являлась нукерская служба, отрывавшая от хозяйства многих людей. Положение туркменов и каракалпаков ухудшалось также в связи с тем, что их земли располагались далеко от центра ханства, вследствие чего сборщики налогов, заручившись поддержкой со стороны местных туркменских или каракалпакских правителей, действовали здесь вполне бесконтрольно, не останавливаясь перед самыми жестокими насилиями над местным населением.

Низшую ступень социальной лестницы в Хивинском ханстве занимали рабы, значение которых в производственной жизни государства было немалое.

«В Бухаре, особенно же в Хиве,— говорит Вамбери,— земледелием почти исключительно занимаются невольники, которых в одном только Хивинском ханстве насчитывается больше 80 тыс. человек. Грубые нравы сделали меч необходимым спутником туземца, плуг же считается не достойным для них орудием и они передали его своим рабам».

Можно полагать, что названная Вамбери цифра 80 тыс. человек значительно преувеличена. Во всяком случае русскими исследователями в 1873 г. число рабов в Хиве было определено только в 30—40 тыс. человек. Однако независимо от цифры можно все же считать, что процент рабов к общей массе населения был здесь весьма значителен.

Главными поставщиками «живого товара» в Хиву были туркмены. Продав на невольничьем базаре в Хиве свою добычу, туркмены нагружали освободившихся верблюдов пшеницей, с которой и возвращались в свои кочевья.

Игнатьев, посетивший Хивинское ханство в 1858 г., отмечал, что «на упорном труде невольников-персиян основывается весь доход, все богатство земельных собственников этой страны, в особенности влиятельных сановников. В стране исключительно земледельческой (в тексте «землевладельческой». — *П. И.*) невольники эти почти единственные земледельцы».

Количество рабов, занятых в хозяйстве отдельных крупных феодалов, достигало 150 человек. На собственных землях Мухаммед Рахима было занято 500 невольников. Возвратившиеся из Хивы в Россию бывшие не-

вольники сообщают, что «многие в Хиве имеют по десять и более рабов» и что даже «посредственного состояния» хивинцы имеют по одному и более рабов.

В 1851 г. Хиву посетил один из видных сановников Ирана, пытавшийся от имени своего правительства добиться освобождения персидских рабов. При том значении, какое имел труд рабов в ханстве, переговоры, разумеется, положительных результатов дать не могли. Хан указал посланнику, что он считает невозможным лишать своих подданных их законной собственности.

Изложенные здесь краткие данные о социальных отношениях в Хивинском ханстве позволяют утверждать, что, несмотря на выдающиеся военные успехи и связанное с ними значительное расширение территории государства в первой четверти XIX в., внутреннее положение страны было крайне неустойчивым. Разоряемое непосильными налогами бесправное узбекское крестьянство не могло представлять той надежной социальной базы, которая могла бы обеспечить необходимую прочность государственного организма. Еще менее устойчивой была та часть населения, которая не принадлежала к узбекской народности и поэтому подвергалась наиболее ожесточенной эксплуатации господствующим классом. Экономическая жизнь ханства поддерживалась не столько трудом рабов и жестокой феодальной эксплуатацией совершенно разоренного крестьянства, сколько систематическим ограблением соседних народов. Вполне понятно, что военные успехи способствовали обогащению только военно-феодальной знати и отрицательно отражались на положении основной массы населения и общем уровне производительных сил ханства.

Последствия этого не могли не сказаться уже при ближайших преемниках Мухаммед Рахима, как это будет видно из обзора дальнейшей истории ханства.

* * *

Сложившиеся таким образом при Мухаммед Рахиме социальные отношения продолжали сохраняться и при его сыне и преемнике, Алла Кули, а также при последующих правителях государства, почти не изменяясь до последних дней его существования. Ряд документов архива хивинских ханов, относящихся к 50—60-м годам

XIX в., показывает, что рост крупного землевладения феодальной знати, отмечавшийся нами для первой четверти XIX в., продолжался и в последующий период. В некоторых из документов приводятся обширные списки ханских сановников и приближенных, получивших земельные пожалования в 50—60-х годах. На первом месте стоят высшие сановники ханства — мехтер и кушбеги, получившие по 500 танапов земли, затем следуют другие ханские приближенные, из которых каждый получил от 50 до 200 танапов. Все это, разумеется, не могло не способствовать дальнейшему росту влияния военно-феодальной знати и, следовательно, общему ухудшению положения крестьянства. К 1860 г. относится один чрезвычайно характерный документ, представляющий собою нечто вроде «приговора», в силу которого один из биев племени мангыт получил в собственность около 6 тыс. танапов «орошенной и неорошенной» земли на арыке Джильван. «Приговор» составлен от имени нескольких биев, юзбаши и «народа». Документ чрезвычайно ярко характеризует один из методов, к каким прибегала узбекская племенная знать, захватывавшая в личное владение общинные земли своего племени. Знакомясь по документам архива со списками сановников и различных высокопоставленных лиц ханства, мы убеждаемся, что число их было необычайно велико. Каждый из них имел собственных нукеров и получал различные пожалования и награды землей, деньгами и зерном в натуре.

Путешественники по Хивинскому ханству отмечают также, что хивинское правительство нередко прибегало к принудительному переселению крестьян в поместья хана и его сановников. Из сообщений А. Л. Куна (1873 г.) видно, что эта категория крестьян находилась в крайне тяжелом положении, работая на землях своих господ из половины урожая. Какие бы то ни было попытки жаловаться на действия местных властей или сборщиков налога жестоко преследовались. Власть некоторых провинциальных правителей над населением являлась фактически неограниченной, особенно в районах, заселенных туркменами, казахами и каракалпаками. Не удивительно поэтому, что именно в этих районах все указанные выше социальные противоречия проявлялись с наибольшей интенсивностью.

* * *

Летом 1827 г., когда производился очередной сбор зякета, каракалпаки, доведенные до отчаяния чинившимися над ними насилиями, подняли восстание. Центром восстания явился район, занятый многочисленными племенами кытай и кунград. Менее значительные каракалпакские племена под давлением своих предводителей остались в стороне от восстания или даже заняли враждебную позицию. Потерпев поражение во время попыток овладеть сильнейшей из ближайших хивинских крепостей — Кунградом, восставшие, во главе с. бием Айдостом, начали отходить в сторону низовьев Сыр-Дарьи, но во время отступления у одного из колодцев посреди пустыни были настигнуты хивинскими войсками и потерпели полное поражение. Восстание было подавлено.

Значительную роль в восстании 1827 г. играла племенная знать, часто занимавшая нерешительную и даже двойственную позицию и потому не сумевшая организовать соответствующим образом силы восставших. Некоторые из представителей каракалпакской знати вместе со своими племенами открыто помогали ханским войскам в подавлении восстания.

Более упорный характер носило восстание в 1855—1856 гг. Во главе восстания и на этот раз стоял один из биев племени кунград Ер-Назар (Ирназар), героическая фигура которого получила яркое отражение в творчестве каракалпакских народных поэтов и до сих пор пользуется широкой популярностью среди населения Кара-Калпакской АССР.

С целью объединения разрозненных каракалпакских племен и отчасти, по-видимому, для придания большего авторитета движению в глазах племенной знати Ер-Назар, как бы во главе восстания, поставил одного из казахских царевичей — чингизидов с титулом хана. Одновременно Ер-Назар заключил союз с некоторыми йомутскими племенами, которые в это время вели ожесточенную борьбу с ханской властью. Совместными усилиями каракалпаков и туркменов были достигнуты некоторые успехи, однако наметившееся в начале восстания объединение вскоре было нарушено и каракалпаки были предоставлены самим себе. Вновь проявившийся сепаратизм и внутренние противоречия среди правящей каракалпак-

ской знати оказались настолько сильными, что среди восставших произошел раскол, завершившийся вскоре вооруженными столкновениями между отдельными племенами. При таких условиях подавление восстания не представляло для ханских войск значительной трудности. Восставшие под руководством Ер-Назара должны были прекратить активные действия и перейти к обороне. Они засели в одной из сооруженных Ер-Назаром крепостей, которая вскоре была окружена хивинцами совместно с враждебно настроенными к восставшим каракалпакскими биями. После гибели Ер-Назара осажденные вынуждены были сдаться. Ход восстания и легкость, с какой оно было подавлено, с достаточной отчетливостью обнаруживают ту предательскую роль, какую сыграла здесь каракалпакская племенная знать, классовые интересы которой были больше связаны с интересами господствующих групп Хивинского ханства, чем своего собственного народа.

* * *

Несмотря на обмен посольствами и оживленные торговые связи, отношения между Хивой и Россией в рассматриваемый период были довольно напряженными. Одной из главных причин являлся вопрос о разграничении сфер влияния в казахских степях. Завоевание северной части казахских степей царской Россией к 30-м годам XIX в. было в основном закончено. Однако между нижним течением Сыр-Дарьи и северным побережьем Аральского моря, с одной стороны, и рекой Эмбой и северо-восточным берегом Каспийского моря, с другой — оставалось еще обширное степное пространство, не принадлежавшее фактически ни России, ни Хиве. На это пространство откочевывали в случае надобности казахи, как находившиеся в подданстве России, так и состоявшие под властью Хивы. Каждое из двух правительств стремилось поэтому овладеть спорной территорией и посылало сюда время от времени свои войска. Хива, кроме того, постояннс оказывала свое покровительство и поддержку тем представителям казахской знати, которые так или иначе выступали против царской администрации, с тем чтобы в случае надобности выдвигать их в качестве «законных» претендентов на ту или иную казахскую территорию. Выше уже отмечалось, что в пе-

риод правления Мухаммед Рахима влияние Хивинского ханства распространилось и на полуостров Мангышлак, занятый туркменами и казахами. После того как на Мангышлаке было выстроено в 1834 г. русское укрепление Ново-Александровское, влияние Хивы на местное население было в значительной мере подорвано.

Обострению отношений способствовали также частые нападения хивинцев на торговые караваны, ходившие между Бухарой и Россией. Хивинские историки XIX в. подробно описывают эти нападения и грабежи, считая их вполне законными.

Значительно осложнял положение вопрос об освобождении хивинцами русских пленных. Не добившись согласия хивинского хана на их освобождение, русское правительство задержало в 1836 г. всех находившихся в России хивинских купцов, конфисковав их имущество.

После неудачных переговоров, происходивших почти беспрерывно на протяжении 1837—1838 гг., царское правительство решило добиться выполнения своих требований вооруженной силой. Осенью 1839 г. из Оренбурга был направлен в Хиву отряд численностью около 5 тыс. человек с артиллерией под общим командованием Оренбургского губернатора генерала Перовского. Глубокий снег и суровая зима 1839—1840 гг. внесли полное расстройство во все планы командования, сделав продвижение отряда почти невозможным. После того как около половины людей выбыло из строя, Перовский отдал приказ о возвращении.

Несмотря на неудачный исход, экспедиция 1839—1840 гг. имела все же некоторые последствия. Хивинские источники и русские документы указывают, что, не желая еще более осложнять отношения с Россией, хан Алла Кули собрал русских невольников, «пожелавших возвратиться в Россию», и отправил их со своим послом в Оренбург.

Англия, постоянно следившая за ходом событий в Средней Азии, попыталась использовать назревавший конфликт для укрепления своего влияния в Хивинском ханстве. В 1839 г. был отправлен из Герата в Хиву капитан Аббот, а в 1840 г. капитан Шекспир, которые, выступая как бы в роли третейских судей между Хивой и Россией, неудачно пытались склонить хана к союзу с Англией. Каковы были представления хивинцев об

Англии, — свидетельствуют в какой-то мере слова хивинского придворного историка Агехи, который, рассказывая о приезде Аббота, добавляет, что «англичане — это одно из русских племен, живущее к северу от России». Сообщая о приезде Шекспира, тот же историк утверждает, что целью его посещения являлось желание «выразить свою преданность его величеству хану».

Для продолжения начатых еще ранее переговоров о казахских пограничных районах, а также об отпуске русских пленных и заключении торгового договора в Хиву был отправлен в 1841 г. капитан Никифоров, которому не удалось добиться каких-либо положительных результатов, ввиду явного нежелания ханского правительства связывать себя какими бы то ни было обязательствами. Так же неудачно закончилась отправленная в следующем 1842 г. миссия капитана Данилевского, издавшего в результате своей поездки уже цитировавшееся нами выше весьма содержательное «Описание Хивинского ханства». С этого времени отношения между Хивой и Россией стали принимать еще более обостренный характер. Вражда выливалась в открытую форму, особенно после того как в 1847 г. в устье Сыр-Дарьи было заложено русское укрепление Раимское, лишившее хивинцев возможности бесконтрольно распоряжаться в этом районе.

Политика хивинских ханов в казахских районах в низовьях Сыр-Дарьи носила исключительно грабительский характер, ставя своей единственной целью выжимание всеми средствами возможно большего количества налогов в виде зякета и хараджа.

В сентябре 1842 г. сыр-дарьинские казахи подняли, по словам хивинского историка, «без всякой видимой причины» восстание, силой овладели одной из находившихся в этом районе хивинских крепостей и убили главного хивинского сборщика вместе со всеми его помощниками. После этого казахи пытались захватить и разрушить также вторую хивинскую крепость, но потерпели неудачу и рассеялись. Прибывший вскоре из Хивы отряд ханских войск, состоявший из чоудоров и имрели, произвел массовые избиения и грабежи среди непокорных казахских племен и «восстановил утраченную населением покорность его величеству».

Постройка русскими укрепления Раимского при таких условиях представлялась хивинскому правительству явлением весьма опасным. Хивинские войска, долгое время производившие грабежи и убийства среди казахского населения, упорно, но безуспешно препятствовали его переходу на территорию укрепления. Выдающуюся роль как организатор борьбы против хивинцев сыграл казахский предводитель батыр Джан-ходжа, память о котором до сих пор живет в казахских народных сказаниях и песнях.

В 1858 г. в Хиву была направлена миссия полковника Игнатьева, пытавшаяся еще раз подойти к мирному разрешению спорных вопросов. В частности, Игнатьеву было поручено добиться согласия хивинского и бухарского ханов на плавание русских торговых судов по Аму-Дарье. Миссия Игнатьева, как и предыдущие миссии, закончилась безрезультатно.

* * *

К числу важнейших политических последствий походов Мухаммед Рахима в юго-западную Туркмению следует отнести переход под власть Хивы Мерва, а также подчинение хивинскому влиянию одного из сильнейших туркменских племен — текинцев. Часть этого племени была переселена в 1818 г. в Хиву, остальные должны были признать власть назначенного Мухаммед Рахимом правителя — хана из текинцев.

В Мерве, однако, власть Хивы оказалась непрочной. В городе начались восстания, главным образом племени сарыков. Текинцы заняли выжидательную позицию. Первое восстание произошло в 1827 г., второе — в 1842 г. Восстания сопровождались убийствами или изгнанием хивинских наместников и их приближенных, среди которых главную роль играли сборщики зякета. В обоих случаях восставшие действовали отчасти в расчете на помощь, обещанную им бухарским эмиром Насруллой, однако последний своих обещаний не выполнил.

Хивинцы стали совершать набеги на Мерв, систематически уничтожая посевы и угоняя скот его жителей, выдерживавших длительные осады за стенами крепости. В результате одного из набегов ханским войскам удалось захватить более 40 тыс. верблюдов,

80 тыс. голов овец и прочего скота. Благодаря предпринятой хивинцами блокаде доставка зерна и прочего продовольствия в Мерв из Бухары и соседних районов прекратилась.

Первое место в ханских войсках занимали йомуты, чоудоры, имрели и другие туркменские племена, считавшиеся подданными хивинского хана. Во главе их большей частью стояли начальники, назначавшиеся из числа ханских приближенных — узбеков. Успеху хивинских мероприятий под Мервом в значительной мере способствовали также текинцы, часто подвергавшиеся нападениям персидских войск и стремившиеся поэтому воспользоваться защитой хивинцев.

Доведенные до крайней степени разорения и совершенно обессиленные постоянными набегами хивинцев, мервские сарыки пытаются в 1854 г. заручиться поддержкой Ирана и посылают делегацию в Тегеран. Но высланный по распоряжению Насир-эд-дин-шаха (1848—1896) отряд войск оказался недостаточным, чтобы оказать серьезное сопротивление хивинцам. После седьмого похода, совершенного в 1854 г., Мерв снова был вынужден подчиниться Хиве. Однако уже в следующем 1855 г. ханские войска снова появляются под Мервом, из чего можно заключить, что подчинение этого города не было закончено. Появление хивинцев было на этот раз отчасти вызвано вспыхнувшей между сарыками и текинцами борьбой за раздел воды и земли в Мервском оазисе.

Стремясь удалить из Мерва непокорных сарыков и утвердить на их месте более послушных ему текинцев, хан Мухаммед Эмин (1845—1855) предложил последним переселиться в Мервский оазис. Когда текинцы отказалась выполнить это требование, хан решил принудить их к этому силой и подошел к Серахсу, в стенах которого собралась большая часть непокорного племени во главе с популярным текинским вождем Коушут-ханом. Иранское правительство, боровшееся незадолго до этого с Хивой за обладание Серахсом, послало в помощь осажденным небольшой отряд своей конницы.

20 марта 1855 г. во время одной из произведенных осажденными вылазок хан Мухаммед Эмин был убит, а уцелевшие войска в беспорядке бежали.

С трудом сдерживавшееся вооруженной рукой недовольство широких масс крестьянского населения, особенно не принадлежавшего к господствовавшей узбекской народности, должно было проявиться теперь с удвоенной силой.

За короткий промежуток времени — с марта 1855 г. по февраль 1856 г. — на хивинском престоле сменяется несколько ханов. Избранный в марте 1855 г. на место погибшего Мухаммед Эмина хан Абдулла был убит в сентябре того же года возмутившимися туркменами. В феврале 1856 г. гибнет новый хан Кутлуг Мурад, в убийстве которого, по сообщению хивинского историка, приняли участие не только йомуты и представители узбекской служилой знати, но также «люди неизвестного происхождения» и рабы. Столица ханства, Хива, на несколько часов оказывается во власти йомутов, изгнанных из города только благодаря общим усилиям горожан.

12 февраля 1856 г. на ханский престол вступил Сейид Мухаммед (правил до 1864 г.), весь период правления которого проходит в напряженной борьбе с туркменскими и отчасти каракалпакскими повстанцами. Йомутские войска неоднократно подступали к окрестностям столицы, снова пытаясь ее захватить. На стороне ханских войск выступают узбеки, чоудоры и текинцы, привлекавшиеся с помощью различных подарков и денежных выдач ханским правительством на свою сторону. Значительную поддержку оказывало правительству также духовенство, представители которого играли видную роль среди туркменов и прилагали всяческй усилия для примирения восставших племен с ханским правительством. Об одном из ишанов, явившимся, по словам хивинского историка, «духовным руководителем всех туркменов», рассказывается, что, убедившись в бесполезности всех своих словесных доводов и увещеваний, этот ишан перестал ходить к туркменам на похороны и запретил это делать другим, подчиненным ему представителям духовенства. Эта мера, представляющая собою своего рода «отлучение от церкви», произвела будто бы на туркменов настолько сильное впечатление, что они решили подчиниться хану.

Однако ни усилия духовенства, ни мероприятия

военного характера не могли сломить упорства туркменов, продолжавших вести ожесточенную борьбу с направлявшимися против них войсками ханского правительства.

В 1856 г. произошло уже описанное выше восстание каракалпаков, подавление которого также потребовало от ханского правительства значительных усилий.

К этому же времени относится возмущение джемшидов — народа иранского происхождения, — насильственно переселенных в Хиву с верховьев реки Мургаба во время одного из хивинских походов в 1840 г. и занимавших местность около крепости Клыч Нияз-бай на канале того же наименования. Общая численность джемшидов достигала, по словам Данилевского (1842 г.), 7 тыс. кибиток. До поражения хивинцев под Серахсом в 1855 г. джемшидская конница играла видную роль в хивинских войсках. В 1856 г. предводитель джемшидов Мехди Кули-бек, воспользовавшись наступившей общей смутой, начал совершать нападения на хивинские гарнизоны в Гурлене, Мангыте, производя всюду грабежи среди мирного населения, не исключая жителей окрестностей самой столицы ханства.

В начале правления Сейид Мухаммеда джемшиды со всем своим имуществом и захваченной добычей, почти без всяких препятствий со стороны хивинских войск, покинули район Клыч Нияз-бая и ушли на свою прежнюю родину.

Происходившие в ханстве в течение нескольких лет почти беспрерывные смуты завершились, по словам хивинского историка, в 1858 г. своеобразным «мирным соглашением», в подписании которого, кроме туркменов, участвовали узбеки, сарты, каракалпаки, казахи и другие народности ханства.

* * *

В условиях необычайно обострившихся классовых противоречий и ожесточенной борьбы между отдельными племенами и народностями ханства подписанное «мирное соглашение» не могло, разумеется, иметь сколько-нибудь существенного значения. Его фиктивность подтверждается как возобновившимися волнениями среди туркменов, особенно йомутов, так и начавшимся в 1858 г. восстанием в Кунграде, подчинен-

ном хивинцами в 1811 г. Во главе Кунграда и подчиненной ему области стоял в это время хивинский наместник, бий Кутлуг Мурад с многочисленным штатом помощников, главным образом сборщиков налогов. Все русские источники, подробно исследованные Н. И. Веселовским в его «Очерке истории Хивинского ханства», говорят о том, что жители Кунграда «ненавидели» своих правителей за их жестокое обращение при сборе налогов. Во второй половине 1858 г. среди жителей Кунграда возник заговор, во главе которого стал Мухаммед Фена, один из потомков кунградских биев, управлявших этой областью до завоевания ее Мухаммед Рахимом. По рассказам местных жителей, записанным одним из русских исследователей в 1858 г., Мухаммед Фена был бедняком, работавшим некоторое время в качестве батрака у местных жителей, что подтверждается также сообщениями официальной хивинской истории.

Восстание началось с убийства хивинского правителя и его помощника —дивана, производившего в это время сбор салгута с кунградцев и каракалпаков. Хивинский источник отмечает, что, когда восставшие избрали себе в ханы Мухаммед Фена, последний завладел имуществом местных правителей и богатых биев, а также всеми суммами, собранными в качестве салгута с населения.

Не рассчитывая на собственные силы, Мухаммед Фена направил своих людей к йомутам, являвшимся в это время фактическими хозяевами северной части ханства и державшими в осаде города Куня-Ургенч и Ходжейли. Глава йомутов Ата Мурад-хан послал около 500 всадников на помощь кунградцам. По сообщению хивинского источника, подтверждаемому и русскими документами, Мухаммед Фена обратился за помощью также к России, направив с этой целью своих послов к оренбургскому генерал-губернатору Катенину. Летом 1859 г., когда Кунград был окружен хивинскими войсками во главе с ханом, на реке против Кунграда появились два русских вооруженных судна, входивших в состав незадолго перед тем созданной Аральской флотилии. Командиру флотилии было поручено произвести съемку устьев Аму-Дарьи и, «если встретится надобность», оказать помощь кунградцам. С при-

бытием флотилии хан Сейид Мухаммед снял осаду крепости и увел свои войска, однако положение массы узбекского, каракалпакского и казахского населения Кунграда становилось еще более тяжелым, чем при хивинском владычестве. Вызвано это было тем обстоятельством, что Мухаммед Фена, не имея средств для уплаты жалованья туркменским всадникам, разместил их на постой среди местных жителей, заставляя последних не только предоставлять туркменам всякого рода продовольствие, но и выплачивать им определенное содержание деньгами. Туркменские предводители сознательно преувеличивали число находящихся в их распоряжении всадников и предъявляли на этом основании к жителям совершенно невыполнимые требования. В случае неуплаты туркмены отбирали у жителей не только скот и другое имущество, но также жен и детей.

При таких условиях власть нового правителя продержаться долго не могла.

3 августа 1859 г. Мухаммед Фена и все его приближенные были истреблены возмутившимся населением, а город Кунград снова перешел под власть ханского правительства.

Борьба, которую вели против ханской власти йомуты под руководством своего хана Ата Мурада, продолжалась и после ликвидации восстания в Кунграде.

Являясь одним из наиболее непримиримых противников хивинского правительства, Ата Мурад-хан играл выдающуюся роль в йомутском движении до момента завоевания ханства Россией в 1873 г. В конце 50-х годов Ата Мурад вступил в сношения с оренбургским генерал-губернатором, прося его помощи против хивинцев, и обещал принять со всем подчиненным ему населением русское подданство.

В 1866 г. хан Сейид Мухаммед Рахим (1864—1870) распорядился закрыть воду в канале Газават, в низовьях которого были расположены пашни йомутов, но и эта мера не дала результатов. В следующем 1867 г. йомуты настолько усиливаются, что совершают набеги на окрестности столицы ханства, откуда их удается оттеснить только благодаря помощи других туркменских племен. В том же году большая часть восставших вновь согласилась на перемирие и в доказательство искренности своих намерений выдала заложников.

С заключением перемирия хивинское правительство проявляет значительную активность в казахских районах, где в связи с дальнейшими продвижениями русских войск в глубь Средней Азии обстановка менялась в невыгодную для Хивы сторону. Казахи, считавшиеся ранее подданными Хивы, откочевывали на территорию, занятую русскими войсками. С целью помешать в дальнейшем таким откочевкам хан выслал в 1869 г. войска в низовья Сыр-Дарьи с распоряжением переселить казахов, находившихся вблизи основанного русскими укрепления Казалинского, в один из более близких к центру районов ханства. Выполняя ханский приказ, хивинские начальники переселили казахов в урочище Даукара, по соседству с каракалпаками.

Различного рода натуральные повинности и поборы, каким подвергалось казахское население завоеванных царской Россией районов, вызывали нередко активное сопротивление эксплуатируемых масс казахов, заставляя их иногда уходить на территорию Хивинского ханства.

В 1869 г. в Хиву прибыли некоторые представители казахской правящей знати и обратились к хану с просьбой о защите против «неверных». Хан выслал большой отряд на восточное побережье Аральского моря, чтобы оказать защиту перекочевывающим в Хиву казахским аулам.

С основанием в 1869 г. укрепления Красноводского для Хивы приобретает большое значение также вопрос о сохранении своего господства над казахским населением, которое занимало Усть-Урт и северо-восточное побережье Каспийского моря и в той или иной мере признавало свою зависимость от хивинского правительства. В некоторые из этих районов также были направлены войска, которым удалось переселить часть казахов на территорию к югу от Аральского моря.

Борьба за преобладание в казахских районах продолжалась и в последующие годы и закончилась лишь с подчинением ханства России.

Обычный обмен посольствами между Хивой и ее соседями — Бухарой и Кокандом — происходил и в 60-х годах, однако каких-либо сведений о переговорах относительно совместных военных действий против России в хивинских источниках этого времени не встречается.

Глава VI

КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО

Центр хозяйственно-политической жизни Кокандского ханства — Ферганская долина представляла собою один из очагов древней оседлости Средней Азии. Горы, окружающие со всех сторон Фергану, расступаются только на западе, образуя здесь так называемые Ходжентские ворота, через которые проходит путь на Самарканд и в другие пункты Средней Азии, в том числе и на север к Ташкенту. Не удивительно поэтому, что кокандские правители на протяжении большей части XVIII—XIX вв. вели упорную борьбу с Бухарой за обладание Ходжентом и соседними с ним районами Джизака и Ура-тюбе.

Из Ферганы на юго-восток по едва доступным горным тропам и ущельям проходил вьючный торговый путь в Кашгарию, в торговле с которой Кокандское ханство играло решающую роль.

У подножия гор, дающих начало Сыр-Дарье и множеству мелких речек, располагается полоса культурных оазисов, с их довольно многочисленными селениями и городами, возникшими еще в глубокой древности. В позднейшее время началось заселение предгорий, хотя еще в начале XIX в. они в значительной своей части использовались только под пастбища при почти полном отсутствии здесь постоянной оседлости.

Что касается высокогорных пастбищ, расположенных на восточных и северо-восточных окраинах Ферганы, то освоение их впервые началось, по-видимому, только с приходом сюда киргизов в XVI—XVIII вв. По сохранившимся в Фергане народным преданиям, киргизы заняли сначала Алай (между Ферганой и Кашгаром), откуда отдельные киргизские племена «лет

триста назад» переместились частью на северо-восточные склоны Ферганских гор, частью в Каратегин и другие соседние с Ферганой горные районы.

Заселению Ферганы в значительной мере способствовали политические события первой половины XVIII в., в особенности смута в Бухарском ханстве и нашествие чжунгаров на район Ташкента и другие северо-восточные окраины Средней Азии. Благодаря своей географической изолированности Фергана, как и Гиссар, меньше страдала от происходившей смуты, и потому переселенцы и беженцы направлялись сюда.

Одним из следствий происходившей иммиграции была та необычайная пестрота этнического состава населения и сложность межнациональных и межплеменных отношений, которые характеризуют Фергану во второй половине XVIII — первой половине XIX в.

Говоря о населении Ферганы в конце XV в., Бабур упоминает только о двух различных этнических группах — тюрках, населявших в то время главным образом Андижан и его окрестности, и так называемых сартах, живших в Маргелане и Сохе и являвшихся, по-видимому, местным иранским населением — таджиками.

Уже в самом начале XVI в. к этим двум основным этническим группам добавилась третья — узбеки, а в конце того же столетия в ферганской долине появились киргизы.

В первой половине XVII столетия, по данным В. П. Наливкина, число узбеков значительно возросло за счет появившихся здесь в это время кипчаков, представлявших собою довольно многочисленное племенное объединение, в значительной мере отличное от прочей массы кочевого узбекского населения. Замкнутость и обособленность кипчакской родовой общины характерны не только для Ферганы, но также для района Самарканда, как это отмечается исследователями 60-х годов XIX в. Кочевники-скотоводы — ферганские кипчаки — стояли в бытовом и хозяйственно-политическом отношении ближе к киргизам, чем к оседлому узбекскому или таджикскому населению. Насколько значительна была этническая и хозяйственно-бытовая обособленность кипчаков, видно из того, что переписью 1920 г. в Фергане было отмечено свыше 40 тыс. кипчаков, вы-

делявших себя из среды окружающего узбекского, вообще тюркоязычного населения.

В такой же мере различен был этнический состав той массы переселенцев, которая появилась здесь в XVIII столетии. Сюда входили таджики из Бухары и Самарканда, узбеки из целого ряда центральных районов Средней Азии, каракалпаки и другие тюркоязычные племена и народности, вытесненные чжунгарами из районов Туркестана, Ташкента, Чимкента и других северо-восточных окраин. Сюда же следует отнести значительное число переселенцев из Кашгара, покинувших свою родину в связи с подчинением ее Китаю в 1758—1759 гг., а также арабов, «тюрок» и много других этнических групп.

К началу XIX в. процесс объединения всех этих разнородных групп на почве общих хозяйственно-бытовых и культурных интересов не только не завершился, но в ряде случаев даже не наметился. Впрочем, часть узбеков, в том числе и племя минг, из среды которого вышла ханствующая династия, уже к началу XIX столетия успела слиться с прежним тюркским и иранским городским и сельским населением и составляла с ним более или менее однородную социально-этническую группу, игравшую главную хозяйственно-политическую роль во всех основных оседлых районах Ферганской долины. Некоторые из мелких родо-племенных узбекских объединений также сливались и составляли к началу XIX в. особую группу местного населения, так называемую смесь (курама). Существовали также районы с более или менее однородным таджикским населением — Ходжент, Канибадам, Исфара и др.

Проезжая в 1813 г. по горам вблизи Ходжента, Филипп Назаров отмечает: «Между сих гор разбросаны кокандские селения восточных Персиян, называемых Гольчами, т. е. горскими народами[1], которые занимаются хлебопашеством и разведением фруктовых са-

[1] Слово «гольча», правильнее «гальча», происходит от слова «гар»— гора и «гарча», отсюда «гальча»— горец. Таким образом, перевод нашего автора вполне правилен. Термин «гальча» иногда употребляется в литературе для обозначения таджикского и вообще ираноязычного населения горных районов Средней Азии, включая, как видно из приведенных слов Ф. Назарова, и район Ходжента, что в научной литературе до сих пор отмечено не было.

дов; лошадей не имеют и употребляют в работу одних верблюдов. Жители сии весьма свирепы, обходились с нами очень грубо; они весьма равнодушны к женщинам и, не подражая обыкновениям ташкентским, позволяют им ходить с открытыми лицами».

Городские таджики сливались с окружающим их тюркоязычным населением, нередко утрачивая свой язык и свои бытовые особенности, что, впрочем, наблюдалось не только в Фергане, но и в Бухарском ханстве на протяжении всего периода его существования, вплоть до самых последних дней. Наблюдения над современным таджикским языком показывают, что он подвергся весьма сильному влиянию узбекской языковой среды. Столь же интенсивно происходил и обратный процесс — воздействие таджикского языка на узбекский.

Чрезвычайно сложным оказался в Фергане также процесс установления определенного хозяйственного взаимодействия между отдельными районами с их разнообразным в этническом отношении населением. В целом этот процесс характеризовался разделением труда между оседлыми землевладельческими и кочевыми скотоводческими районами, как это наблюдалось и в других районах Средней Азии в тот же период. Однако вследствие слишком значительного прироста населения как оседлого, так и кочевого в XVIII в. вопрос о распределении земли и воды приобретал в Фергане особую остроту. Наиболее упорная борьба велась в средней полосе предгорий, в одинаковой мере пригодных и для ведения кочевого скотоводства и для земледелия. Земледелие было возможно, разумеется, лишь при условии соответствующего использования вод протекающих здесь горных речек. В связи с этим обстоятельством большое значение приобрел вопрос об орошении новых земель, в одинаковой мере необходимых для испытывающих острое малоземелье оседлых жителей-земледельцев и для страдающих от недостатка пастбищ и потому нуждающихся в орошенной земле кочевников.

Большая часть ирригационных каналов возникла в сравнительно недавнем времени, будучи сооружена, по словам В. П. Наливкина, руками узбеков. Известно, впрочем, немало фактов, когда оросительные работы

производились и киргизами, особенно в тех горных районах, где недостаток в пастбищах был особенно заметен.

Уже В. В. Бартольд обратил внимание на то обстоятельство, что в средние века жители Ферганы для орошения своих полей пользовались «исключительно или почти исключительно» водой мелких речек и что крупных каналов, выведенных из главной водной магистрали — Сыр-Дарьи, в то время не существовало. Все крупнейшие оросительные каналы этого рода были сооружены в XIX в., когда потребность в орошаемой земле достигла в Фергане небывалых размеров. Наиболее значительным из таких каналов является Янги-арык («Новый арык») в районе Намангана, работы по проведению которого были начаты в 1819 г. в правление хана Омара (1809—1822) и продолжались в течение трех лет. При преемнике Омар-хана, Мадали (1822—1842), был проведен крупный канал Хан-арык в районе Ташкента, входившего в то время в состав кокандских владений. Чрезвычайно показательно, что даже в крайне тревожной политической обстановке, создавшейся в Фергане в период 60-х годов, оросительные работы продолжались усиленными темпами: в период между 1868—1871 гг. был проведен один из крупнейших каналов Ферганы — Улугнар. Расширение оросительной сети повлекло за собою распространение земледелия в таких районах, где раньше господствовало исключительно скотоводство. Около середины XVIII в. возник город Коканд с прилегающими к нему населенными пунктами, а также обширный район оседлости на северном берегу реки, вокруг Намангана, чему в значительной мере способствовало проведение Янги-арыка; увеличилась полоса оседлости также в восточной части долины, в районе города Андижана и других.

Развивался процесс перехода кочевников к земледелию и оседлости, а в связи с этим и усиливалась борьба за землю между оседающими кочевниками, с одной стороны, и местным оседлым населением, с другой.

С увеличением площади орошаемых земель удельный вес кочевого населения постепенно понижается. Значительное место занимает группа полукочевников-

полуоседлых, представленная главным образом беднейшей частью кочевого в недавнем прошлом населения.

Путешественники, посетившие Фергану в первой половине XIX в., отмечают наличие здесь большого числа многолюдных селений, жители которых занимаются земледелием, хлопководством и шелководством, а также ведут торговлю с соседними кочевниками. Значительную роль играет также садоводство.

Относительно высокого уровня достигала в Фергане городская жизнь. Крупнейшими городами были Коканд, Андижан, Наманган и Маргелан. Переводчик Ф. Назаров, посетивший эти города в 1813—1814 гг., отмечает их обширность и сообщает ряд сведений об оживленной ремесленной и торговой деятельности их населения. «Коканд и все Кокандское ханство, — говорит Ф. Назаров, — изобильны хлопчатою бумагою и шелковичными деревами; везде видишь засеянные хлопчатою бумагою поля, из коей кокандцы приготовляют ткани и меняют оные бухарцам на российские товары...» Как видно из описаний того же путешественника, характерной особенностью ферганских городов является отсутствие городских стен, которые были обязательной принадлежностью каждого города в Бухаре и Хиве.

Хорунжий Н. И. Потанин, посетивший Фергану в 1829—1830 гг., описывая столицу ханства Коканд, сообщает, что город этот имеет около 25 верст в окружности, состоит из 3 тыс. домов, с 15 тыс. жителей, «кроме женского пола». В городе было 6 рынков и около 100 красиво выстроенных зданий и мечетей.

По данным, относящимся к середине XIX в., число домов в городе Коканде достигало уже 8 тыс., общее число мечетей — 360. Кроме того, в городе имелось 12 медресе, содержавшихся за счет доходов с вакфных земель, много сараев, бань и лавок. Промышленное значение Коканда также было весьма значительно. Здесь выделывались кустарным способом бумажные и шелковые материи, производилась кустарная писчая бумага, пользовавшаяся широким распространением и за пределами Кокандского ханства. Говоря о Коканде, Потанин упоминает также о существовавшем здесь пороховом «заводе», не указывая, принадлежал ли он правительству или составлял собственность частного лица.

Из городов, лежавших за пределами Ферганской долины, наибольшее значение имел Ташкент, о чем мы будем говорить ниже, в связи с историей завоевания его Кокандским ханством.

* * *

Вследствие многообразия хозяйственно-бытовых укладов и различной степени классовой дифференциации среди отдельных народностей социально-экономические отношения в Фергане отличались необычайной сложностью. Оседлые и кочевники здесь не были так резко разграничены территориально, как в Хиве, в то же время они не представляли этнического единства, как это наблюдалось в Бухаре, где различные части одних и тех же узбекских племен в одно и то же время составляли и основную массу кочевников и занимали господствующее положение среди городского и сельского оседлого населения. Ферганские кипчаки, киргизы и другие кочевники или полукочевники резко противопоставляли себя той массе тюркоязычного городского и сельского оседлого населения, которая образовалась в результате слияния целого ряда тюркских народностей с иранцами. В Фергане оседлые и кочевники в основном жили в непосредственной близости друг от друга и были тесно связаны экономически, что, однако, не мешало им вступать в постоянные столкновения в связи с распределением земельных угодий в полосе средних предгорий.

Центр общественно-политической и экономической жизни ханства лежал, разумеется, в оседлых земледельческих районах, расположенных в средней части долины.

Господствующее положение в оседлых районах занимала крупная землевладельческая знать, принадлежавшая или к светской верхушке отдельных племен, или к составу наиболее влиятельного местного духовенства, тесно связанного также с местными торговыми кругами, державшими в своих руках внешнюю торговлю ханства, в том числе с Кашгарией. Первая из феодальных групп была представлена знатью рода минг, усилившейся, как уже сообщалось выше, еще в первой половине XVIII в. и окончательно утвердившей за собою господствующее положение и ханскую власть в конце

XVIII — начале XIX в. Возникновение политического господства ферганских ходжей относится также к XVIII в., когда в руках этой группы духовенства находилась в течение некоторого времени верховная власть в центре долины. В первой половине XIX в. представители ходжей занимали видные государственные должности, управляли как полунезависимые владетели Ходжентом и другими городами и районами, вообще играли видную роль в качестве представителей власти и крупного феодального землевладения.

Вторую группу правящего класса составляли представители среднего землевладения, в руках которых был сосредоточен весь аппарат государственной власти и командование вооруженными силами ханства.

В окончательном виде государственный аппарат ханства сложился в правление хана Омара, когда были учреждены государственные должности как светские, так и духовные, а хану был присвоен высший в мусульманском мире титул «повелителя правоверных», принадлежавший также некоторым эмирам Бухары (эмир Хайдер). К числу светских должностей ханства относились должности мингбаши — нечто среднее между министром внутренних дел и государственным канцлером, а также лешкербаши, или эмир-лешкер, — военный министр, «главнокомандующий», дастарханчи — главный казначей, аталык и др. Впрочем, в Кокандском ханстве, как и всюду в Средней Азии, строгого разграничения функций отдельных сановников не существовало. Объем власти каждого из них определялся степенью его личного влияния при ханском дворе. К высшим духовным должностям относились ходжакалян и шейх-уль-ислам, ведавшие общим надзором за деятельностью духовенства, кази-калян — главный судья, кази-аскер — военный судья, садр и др.

Наиболее значительными областями (вилайетами) управляли хакимы и кушбеги, назначавшиеся обычно из приближенных к хану лиц и пользовавшиеся большими полномочиями.

Рассказывая об отмеченных выше преобразованиях Омар-хана, кокандский историк Мухаммед-Хаким сообщает при этом, что общее число людей, получавших содержание из ханской казны, достигало 40 тыс. По-видимому, бóльшую часть этих людей составляли

представители бюрократического аппарата и военных, основное ядро которых здесь, как в Бухаре и Хиве, образовывали нукеры, часто называвшиеся также сипаями. Весьма видное место в рядах «служилого сословия» занимало духовенство, как официальное — в виде настоятелей мечетей (имам), судей (казий), преподавателей медресе (мударрис), так и представители различных дервишских орденов. Число странствующих дервишей, занимавшихся самым откровенным обманом, вымогательством, было настолько значительно, что некоторые из ханов были вынуждены вести с ними открытую борьбу. Абдул-Керим бухарский рассказывает, что в Коканде жил некий шейх, который имел много последователей-муридов, произносил многочисленные поучения и творил чудеса. Однажды Алим-хан (1799—1809) вызвал к себе шейха и предложил ему пройти по канату, натянутому над одним из бассейнов в ханском дворе. «Ты учишь своих последователей, — сказал хан, — переходить через тот мост, который возвышается над адом и ведет в рай, пройди же по этой веревке, чтобы я мог уверовать в твою святость». Когда посрамленный шейх упал в воду, хан приказал избить его палками до смерти. Кокандский историк первой половины XIX в. Мухаммед-Хаким сообщает, что Алим-хан велел собрать странствующих дервишей и нищих и заставил их пасти казенных верблюдов. Этот же хан пытался вести борьбу с различными суевериями в народе, однако сам он состоял членом одного из дервишских орденов и даже участвовал в устраивавшихся при дворце радениях-зикрах. Во время одного из таких зикров на хана было произведено покушение, инициаторами которого являлись, по-видимому, обиженные ханом шейхи.

* * *

Общая структура землевладения в Кокандском ханстве вполне соответствовала интересам господствующего класса, способствуя укреплению его власти над массой трудящегося населения. Основную категорию земель здесь, как и в других среднеазиатских ханствах, составляли земли государственные — амляк, которыми ведал только глава государства — хан. Непосредствен-

ные производители, сидевшие на амляковых землях, являлись как бы их арендаторами, уплачивавшими государству налог-ренту. Большинство земель было подворно-наследственным владением отдельных крестьян; в районе Ташкента часть земель находилась в общинном владении с периодическими переделами. Покупка-продажа этих земель не допускалась по закону, однако фактически продажа все же совершалась, оформляясь лишь в качестве сделки на куплю-продажу постройки, сада, оросительного канала, но не самой земли. Многие амляковые земли принадлежали лично хану (земли хасс, или хасслык), часть отдавалась им «на кормление» своим родственникам и приближенным, остальные находились в ведении налоговых чиновников, сдававших собранный ими земельный налог правителю области — хакиму или кушбеги. Последние большую часть средств присваивали себе — официально на расходы по управлению областью, а остальную посылали хану. Наряду с различными условными пожалованиями (танхо — см. главу о Бухарском ханстве) широко практиковалась также передача ханом земли в личную наследственную собственность отдельных лиц, оказавших те или иные услуги ханскому правительству. Такие земельные владения — мульки (мильки) обычно освобождались от различных налогов и сборов в пользу государства (мульк-и хурр, или мульк-и халис), что, однако, не избавляло сидевших на них крестьян от уплаты налогов и повинностей в пользу мульковладельца. Весьма широким распространением в Кокандском ханстве пользовались вакфы, доставлявшие огромные средства ходжам и другим представителям местного духовенства. Некоторые вакфные земли были освобождены от налогов, другие уплачивали их на общих основаниях.

Роль мелкого крестьянского землевладения была незначительна. Встречавшиеся в различных районах ханства мелкие участки, составлявшие личную наследственную собственность отдельных крестьян (мульк-и харадж), были обложены тяжелыми налогами, вследствие чего положение их владельцев немногим отличалось от положения массы крестьянства, сидевшего на землях государственных или вакфных.

Основным поземельным налогом был харадж, собиравшийся с зерновых посевов большей частью натурой,

в размере около $^1/_5$ урожая. Впрочем, размер обложения зависел фактически от усмотрения сборщика. Иногда харадж брался в переводе на деньги, причем «справочные» цены назначались значительно выше рыночных, в результате чего размеры обложения резко повышались. С садов и виноградников взимался так называемый потанапный сбор, вносившийся обычно в определенном размере с каждого танапа деньгами. Со стад кочевников собирался, как и всюду в Средней Азии, денежный налог зякет, официально в размере $^1/_{40}$ стоимости стада, фактически во много раз больше. Зякетом же облагались все прибывающие в ханство торговые караваны. Целый ряд различных налогов уплачивало также городское ремесленное население. Наряду с указанными основными налогами с крестьян и городских ремесленников собиралось множество других налогов и сборов, размеры и виды которых устанавливались в каждом отдельном случае особо. Сюда относился налог на воду, на топливо, свадебная пошлина и т. д.

Тяжелое положение налогоплательщиков еще более ухудшалось в связи с существовавшей в ханстве системой сдачи некоторых видов налогов на откуп. В частности, на откуп сдавался сбор хараджа с вакфных земель. Откупщик, разумеется, не удовлетворялся установленной суммой налога и старался собрать как можно больше в свою пользу, не останавливаясь перед любыми мерами насилия. Из числа натуральных повинностей наиболее обременительными для массы населения являлись служба в ханских войсках и работы, связанные со строительством и ремонтом оросительных каналов.

Роль крупного землевладения в ханстве была весьма значительна. Помимо обширных вакфных владений мечетей и медресе и личных, или удельных, земель хана и его родственников, большое значение имело также мульковое землевладение местной феодальной знати и купечества, сдававших свои земли безземельным крестьянам на кабальных условиях.

Собранные в 70-х годах XIX в. материалы о земельно-водных отношениях в Фергане показывают, что количество безземельных крестьян было здесь весьма значительно. На это указывают, в частности, такие факты, как широкое распространение различных видов аренды земли из доли урожая, а также довольно широ-

кое применение наемного труда в сельском хозяйстве. В середине XIX в. наемный рабочий в Фергане получал в месяц около 8 руб. ассигнациями, т. е. около 2 руб. 30 коп. серебром. Годовая плата сельскохозяйственного рабочего определялась в 5—7 тиллей, или около 18—25 руб. серебром. Поденщик получал за день не более 50 коп. ассигнациями. Помимо недостатка земли, избытку и дешевизне рабочих рук способствовал также ежегодный прилив в Фергану значительного числа нуждающихся в заработке таджиков из соседнего Каратегина и других горных владений. О их большом числе, хотя бы случайном, свидетельствует также то обстоятельство, что натуральная повинность по сооружению оросительных каналов уже в первой половине XIX в. переводилась в Фергане в денежную. С каждого хозяйства собиралась определенная денежная сумма, поступавшая в распоряжение местного хакима, который по своему усмотрению нанимал то или иное число «обыкновенных поденщиков». Следует отметить, что это явление говорит также о довольно значительном развитии в Фергане товарно-денежных отношений, чего отнюдь не наблюдалось в соседних с Ферганой кочевых горных районах, где натуральное хозяйство все еще продолжало играть значительную роль.

Крестьяне считались лично свободными, однако постоянная задолженность государству (недоимки), а также общая экономическая зависимость от крупных землевладельцев и малоземелье лишали местное крестьянство фактической возможности оставлять обрабатываемый ими участок земли и переходить с одного места на другое. Росту кабальных отношений в значительной мере способствовал также так называемый бунак — денежная ссуда, которую выдавал крупный землевладелец переходящему на его землю безземельному нуждающемуся крестьянину, как это делалось и в Бухарском ханстве. Не будучи в состоянии, в силу своей бедности, возвратить бунак, крестьянин-батрак или чайрикер (издольщик) вынужден был оставаться у своего хозяина. В случае смерти лица, получавшего бунак, последний оставался за его наследниками. Бунак практиковался также при найме ремесленников хозяевами мастерских.

Пожалование тому или иному феодалу земли вместе с сидящим на ней населением (маа ахали) — факт, не-

однократно засвидетельствованный среднеазиатскими документами. Бежавшие крестьяне разыскивались и насильственно возвращались на прежние места.

Значительные особенности наблюдались в социальном строе, в частности в аграрных отношениях, среди кочевников, представленных здесь главным образом кипчаками и киргизами, а в последующий период также казахами.

В противоположность киргизам и казахам кипчаки сохраняли единство своей родовой организации и не были раздроблены, как киргизы, на множество мелких колен и их подразделений, разбросанных в различных частях территории и утрачивавших постепенно представление о своем основном объединении — роде или племени. Насколько значительна была роль общеродовой организации у ферганских кипчаков, видно уже из того, что в доступных нам источниках первой половины XIX в. они обычно упоминаются под своим общеплеменным названием, без указания на отдельные их подразделения, число которых доходило, по Наливкину, до пяти. В качестве многочисленного воинственного племени, сохранявшего еще традиции патриархально-родового быта, при достаточно крепкой власти племенных вождей, кипчаки представляли собою весьма значительную политическую силу, оказывавшую начиная уже с XVIII в. значительное влияние на историческое развитие Кокандского ханства. Основа политического могущества кипчаков лежала не только в прочности их родовой организации, но также в устойчивости их хозяйственного положения, в частности в обеспеченности их достаточным количеством удобных земельных угодий. Основная масса кипчакского населения располагалась в полосе средних предгорий, на севере Ферганской долины между Кокандом и Наманганом. По мере естественного роста населения, увеличения стад и общего истощения и сокращения пастбищ часть кипчаков, в первую очередь, разумеется, наименее обеспеченная скотом, начинала заниматься земледелием, переходя на полуоседлое положение. Количество оседающих на землю быстро возрастало, причем не только за счет беднейшей группы кочевого населения, но также за счет состоятельных скотоводов, постепенно убеждавшихся в выгодах, какие достигались при сочетании скотоводства с земледелием.

Среди кипчаков, как и среди других кочевников Средней Азии, земля рассматривалась как общеродовая собственность, принадлежавшая на равных основаниях всем членам данной родовой общины. Однако, как это отмечалось уже выше относительно узбеков (см. главу о Хивинском ханстве), фактическое право распоряжения землей принадлежало только наиболее богатой и влиятельной части рода, державшей в экономической зависимости основную массу сородичей. Существовавшие между господствующей верхушкой и массой населения взаимоотношения не изменялись и после перехода к оседлости. Пользуясь своим влиянием, господствующая верхушка захватывала лучшую часть общинно-родовой земельной собственности, устраивая здесь курганчи-усадьбы и пашни, и широко использовала труд нуждающихся сородичей, предоставляя им рабочий скот, семена и землю для обработки. Одним из наиболее широко распространенных методов, применявшихся феодалами для захвата общинных земель, была организация оросительных работ, в результате которых вновь орошенная земля переходила в полную собственность лица, производившего орошение.

Рассказывая о начале работ по проведению уже упоминавшегося выше Янги-арыка, оросившего впоследствии значительное количество земель и в районе кипчаков, В. П. Наливкин говорит следующее: «Кому принадлежит инициатива этого дела решить довольно трудно, но большинство уверяет, что на проведении арыка настаивали и хлопотали у Омар-хана через тогдашнего наманганского хакима Сеид-Нул-бека крупные землевладельцы, поля которых тогда, вследствие недостатка в воде, представляли собою 5 и более летние перелоги». Сохранился также рассказ о наманганском хакиме Мирзате, из кипчаков, обширные земли которого, расположенные в юго-западной части Наманганского вилайета, страдали от безводья. Пользуясь своим служебным положением и влиянием при дворе, Мирзат заставил население вилайета, в порядке натуральной повинности, приступить к продолжению работ по удлинению трассы Янги-арыка в юго-восточном направлении и довел таким образом воду до своих земель без какой бы то ни было затраты личных средств.

Не меньшие выгоды из организации оросительных

работ извлекало и ханское правительство, имевшее возможность увеличить налоговые поступления и получавшее, кроме того, большие средства от продажи в частную собственность вновь орошенных земель, как это наблюдалось, например, после проведения Янги-арыка. Желая обогатить свою казну и нанести вместе с тем удар крупному землевладению опасной для него кипчакской знати, Омар-хан стал передавать, при условии взноса определенной денежной суммы, в наследственную частную собственность орошаемые земли Наманганского вилайета — основного района расселения кипчаков. Каждое мелкое родовое объединение сдавало в ханскую казну определенную сумму и становилось таким образом юридическим собственником земли, распределяя ее между своими членами пропорционально внесенному каждым из них денежному паю. Естественно, что значительная, если не большая, часть земли при таких условиях оставалась в руках прежней господствующей верхушки, располагавшей несравненно бо́льшими средствами, чем любой из рядовых членов родовой общины. Понятно также, что беднейшие члены рода не могли вообще участвовать в распределении земли за отсутствием средств.

Таким образом, хотя вторая из поставленных Омар-ханом задач — ослабление экономической базы феодально-родовой знати — и не была достигнута полностью, однако развитие частной земельной собственности среди кипчаков наносило все же заметный удар господствовавшим среди них патриархально-родовым отношениям. Общинно-родовое землевладение продолжало еще сохраняться, однако в коллективном пользовании родового объединения в ряде районов оставались лишь пастбища и другие земли, непригодные для земледелия. Господством коллективного начала характеризуется также землевладение у киргизов, особенно в период до массового перехода их на полуоседлое или оседлое положение.

С развитием земледелия каждый род, вернее отдельное его колено, захватывало в свое владение тот или иной пригодный для пашни участок земли и проводило на него воду, после чего земля считалась собственностью данного колена или рода. В дальнейшем земля распределялась уже между отдельными членами общины в соответствии с теми классовыми отношениями, какие

сложились внутри данного родового коллектива, как это отмечалось и в отношении других оседающих кочевников.

Наряду с землевладением источником права частной земельной собственности у киргизов служили также ханские пожалования. Киргизы родов теит, кара-теит и других получали ханские грамоты, в силу которых за названными родовыми объединениями закреплялись земли, занятые их «отцами и дедами». В ярлыках вместе с тем указывалось, что собственностью рода являлись только орошенные участки, в то время как земли, засевавшиеся без искусственного орошения, принадлежат государству. Государственной же собственностью, по словам грамот, являлись и летние пастбища (джайляу), заросли горных лесов и водные источники, хотя пользование теми и другими разрешалось всем киргизам «с общего между собою согласия». В таких же приблизительно формах складывались и развивались аграрные отношения и среда казахов, особенно в районе Ташкента, вошедшем в состав Кокандского ханства в конце первого десятилетия XIX в.

Таким образом, как среди киргизов и кипчаков, так и среди других кочевников Средней Азии происходил процесс захвата общинных земель феодально-родовой знатью и усиления в связи с этим зависимости непосредственного производителя — крестьянина — от своего феодала.

Следует, однако, отметить, что возникавшие, феодальные по своей природе, отношения господства и подчинения не выступали в кочевых районах в тех обычных формах, какие наблюдаем мы в центрах старой оседлости. Пережитки патриархально-родовых отношений еще долгое время продолжали сохранять свою действенность, накладывая определенный отпечаток на всю общественно-политическую жизнь общества. Методы феодальной эксплуатации все еще продолжали прикрываться традиционными формами патриархальных отношений и «родовой солидарности». Отношения феодальной зависимости рассматривались в качестве «добровольного» соглашения между членами одного и того же родового объединения. Нуждающийся получал от богатого сородича ту или иную «помощь» и как бы в знак благодарности вкладывал свой труд в хозяйство богача-бая.

«Родовая солидарность» задерживала развитие классового самосознания в среде широких масс кочевников, нередко превращая их в послушное орудие представителей господствующего класса.

Одной из наиболее распространенных форм эксплуатации, способствовавшей также закабалению массы кочевого населения феодально-родовой верхушкой, являлось ссужение скотом бедных богатыми. Георги, наблюдавший жизнь казахских степей во второй половине XVIII в., между прочим отмечает, что «богатые наделяют скудных скотом, а сии в знак благодарности приглядывают за скотиною своих благодетелей. Ежели табуны чьи-нибудь скоро размножаются, то он почитает сие благодатью и разделяет по бедным людям знатное число скота. Ежели сей податель пребудет в благосостоянии, то наделенные им люди не бывают ему за то ничем обязаны, если же он по причине скотского падежа, расхищения, по иным каким несчастьям лишится своих стад, то наделенные им прежде приятели дают ему такое же число или еще и с приплодом скота, хотя бы у самих их и весьма мало затем оставалось. И потому богатый человек делает посредством таковых благотворителей табуны свои как будто вечными». К сказанному можно добавить лишь, что массовые падежи скота от бескормицы (так называемые джуты) в условиях примитивного кочевого хозяйства были настолько частым явлением, что бедняки обычно были не в состоянии вернуть по требованию хозяина взятое у него количество голов скота, оказываясь таким образом в неоплатном долгу и кабальной зависимости.

Описанная форма своеобразных «отработок» у казахов (саун) пользовалась широким распространением также среди киргизов (саан) и других кочевников-скотоводов Средней Азии.

* * *

Политическая история Кокандского ханства богата событиями, оставившими значительный след как на внутренней жизни населяющих ханство народностей, так и среди окружающих его народов и стран. Выступив в начале XIX в. в качестве небольшого, раздробленного на ряд уделов феодального владения, Кокандское ханство через каких-нибудь 20—30 лет превращается в одно

из крупнейших государств Средней Азии, в состав которого вошли обширные территории от Памирских высот на юге до бассейна реки Или на северо-востоке.

Укрепление политической мощи Кокандского ханства началось в первом десятилетии XIX в., когда ханский престол занимал сын и преемник Нарбуты, Алим-хан.

Положение Алим-хана на престоле было крайне непрочно. Он всюду встречался с сопротивлением со стороны сподвижников своего отца, привыкших действовать по своему усмотрению, не считаясь с интересами ханской власти. Даже правитель такого незначительного города, каким был тогда современный крупный кишлак Исфара, не хотел считаться с распоряжениями хана и оказывал ему вооруженное сопротивление. Правитель другого незначительного городка Чуста, желая отомстить хану за одного из своих родственников, поднял мятеж и начал грабить окрестности столицы ханства. Мятеж удалось подавить с большим трудом. С первых же лет своего правления Алим-хан вступает в упорную борьбу с Бухарой за обладание Ура-тюбе и Джизаком, защищавшими подступы к «Ходжентским воротам». Хотя Алим-хан совершил около 15 походов против Ура-тюбе, однако исход борьбы остался неопределенным. Господствующее положение в Ура-тюбе занимала знать узбекского племени юз, примыкавшая, смотря по обстоятельствам, то к Бухаре, то к Коканду, но фактически остававшаяся независимой. Ходжент также иногда выходил из-под власти хана и требовал значительных сил для защиты его против притязаний соседей.

Между тем военные силы ханства были недостаточны. Враждебная Алим-хану военно-феодальная знать продолжала группировать вокруг себя все недовольные ханом элементы, ослабляя и без того незначительные силы, какими располагала в это время ханская власть. В противовес ополчениям узбекской военно-феодальной знати Алим-хан собрал довольно значительный отряд войск из таджиков — выходцев из Дарваза, Каратегина, Шугнана и других горных таджикских владений. Не будучи связаны с местными феодальными группировками и пользуясь всякого рода льготами и вниманием со стороны хана, наемные таджикские войска представляли собою достаточно надежную защиту против посягательств отдельных узбекских феодалов, являясь вместе

с тем ядром, вокруг которого хан постепенно стал создавать армию и из местного узбекского населения. Крупнейшим мероприятием, которое удалось осуществить хану после того как он укрепил свое положение на престоле, явилось завоевание Ташкента, представлявшего перед этим самостоятельное владение под властью местных правителей — ходжей.

В конце XVIII — начале XIX в. Ташкент представлял собою один из крупнейших промышленных и торговых центров Средней Азии, с населением до 60—80 тыс. человек. Ташкенту же была подчинена обширная степная территория, занятая казахами Старшей (Большой) Орды, до низовьев Сыр-Дарьи на севере и предгорий Кара-бак на востоке. Ташкент вел обширную торговлю с Оренбургом, Казахскими степями и Кульджинской провинцией Синьцзяна, играя также роль крупного транзитного пункта.

Окончательному завоеванию Ташкента предшествовала длительная борьба между такшентским правителем и кокандским ханом, в процессе которой кокандцы постепенно подчинили себе обширный населенный район между Ходжентом и Ташкентом и даже овладели крепостью Ниазбек, охранявшей головные сооружения каналов, снабжавших Ташкент водой. Ташкент был окружен глинобитной стеной, высота которой достигала, по словам Поспелова и Бурнакова, посетивших этот город в 1800 г., 26 футов, толщина снизу 6, а вверху 3 футов. В 1808 г. город был занят кокандскими войсками после кровопролитного штурма, вызвавшего значительные потери с обеих сторон. Заняв город, Алим-хан вызвал к себе биев и других правителей казахских племен, старшин Орды и объявил им о принятии их народа в кокандское подданство, после чего возвратился в Коканд.

Через год среди казахов вспыхнуло восстание, вызванное жестокостями и различными злоупотреблениями кокандских сборщиков зякета.

Прибыв спешно зимой в начале 1809 г. в Ташкент, хан направил свои войска в степные районы с приказанием грабить и уничтожать всех встречных казахов.

Одна часть казахского населения была истреблена, другая захвачена в плен, имущество жителей, по словам кокандского историка Аваз Мухаммеда, было разграблено до последней тряпки, третья успела откочевать в

отдаленные степные районы или горные ущелья и таким образом избавилась от грабежа и гибели. Масштаб действий кокандских войск значительно сократился также из-за жестоких холодов, какие стояли в степях в это время. Многие из воинов отморозили себе руки или ноги, в войсках начался ропот. Даже известные своей преданностью отряды таджиков открыто выражали свое недовольство.

Говоря о личности Алим-хана, бухарский историк Абдул-Керим подчеркивает, что жестокость этого хана была неимоверна и доходила даже до того, что родители не имели власти над своими детьми: хан отнимал их и распоряжался ими по своему усмотрению. Вопли угнетенных, по словам того же историка, достигали высот Сатурна; все просили бога послать смерть хану. Если мы добавим к этим словам также приводившийся выше рассказ историка о преследованиях, каким подвергалось со стороны хана местное духовенство, пользовавшееся значительным влиянием на массу населения, то непопулярность хана среди всех слоев местного общества будет достаточно очевидной.

Воспользовавшись начавшимся брожением в войсках, недовольные ханом сановники-феодалы составили заговор, во главе которого стал брат хана, Омар-бек.

Большое число войск, изнуренных постоянными походами против Ура-тюбе и особенно последними событиями в казахских степях, примкнуло к недовольным. Восставшие направились в Коканд и там возвели на престол Омара. Оставленный всеми Алим-хан был убит весной 1809 г. на пути из Ташкента в Коканд.

Омар-хан занял престол уже в то время, когда большинство наиболее активных противников ханской власти были истреблены или изгнаны Алим-ханом, успевшим, несмотря на оказывавшееся ему сопротивление, объединить в своих руках почти всю Ферганскую долину и даже распространить свою власть за ее пределы (Ташкент). Была истреблена также большая часть второстепенных представителей ханского дома, сыновей или родственников Нарбуты, претендовавших так или иначе на участие в управлении государством. Уничтожив последнего из наиболее опасных претендентов на ханский престол сына Алим-хана Шахрухбека, Омар-хан мог вполне уверенно пользоваться доставшейся ему властью, тем

более что эта власть была захвачена им при активной поддержке со стороны наиболее влиятельных кругов местной военно-феодальной и духовной знати.

Установившийся таким образом в начале царствования Омар-хана союз между ханской властью и местным крупным землевладением сохранял свою силу на всем протяжении его царствования, в значительной мере способствуя укреплению силы господствующего класса Кокандского ханства. Ферганские историки, начиная с Мухаммед-Хакима, изображают время правления Омар-хана как одно из блестящих царствований; с ними солидаризируется отчасти и В. П. Наливкин, который отмечает, что при Омар-хане «Кокандское ханство по наружности обратилось в настоящее государство и стало одним из наиболее видных в Туране». Блеску двора Омар-хана много способствовала и та плеяда поэтов, которую хан, тоже поэт, сумел привлечь ко двору и которая всюду на разные лады превозносила в стихах достоинства своего покровителя.

Несомненно, большое значение имели те мероприятия, которые осуществлялись ханом, совместно с окружающими его феодалами, в целях укрепления власти крупных землевладельцев как в соседних районах, так и в кочевых. На последнее обстоятельство указывает, например, сооружение Янги-арыка, проведенного главным образом для удовлетворения интересов кипчакской землевладельческой знати.

С целью обеспечить себе поддержку со стороны феодальной знати Омар-хан нередко жаловал своим приближенным в пожизненное владение отдельные селения или даже небольшие области.

Установившиеся было в начале правления Омар-хана дружественные отношения с Бухарой вскоре были нарушены из-за вновь возобновившейся традиционной борьбы между обоими ханствами за Джизак и Ура-тюбе. Борьба велась на протяжении всего царствования Омар-хана и, как прежде, не дала перевеса ни той, ни другой стороне. В процессе борьбы кокандские войска иногда пытались угрожать Самарканду, как это наблюдалось, например, в период восстания китай-кипчаков, однако за отсутствием достаточных сил эти попытки также были безрезультатны. На исходе борьбы не отразилась та военная помощь, которая нередко оказывалась коканд-

ским войскам со стороны шахрисябских правителей-беков, рассматривавших кокандского хана в качестве своего постоянного союзника в борьбе с бухарскими эмирами.

Значительно большим успехом сопровождались действия кокандских войск в кочевых — казахских и киргизских — районах, уже со времени правления Алим-хана испытывавших на себе натиск ферганских завоевателей. Завоевания Алим-хана ограничивались главным образом районом Ташкента, однако и здесь они носили, как уже отмечалось, непрочный характер. Подавляя жестокими средствами попытки неповиновения или даже простого проявления недовольства, кокандские феодалы стремились распространить свою власть на все прилегающие к их владениям кочевые степи.

Весной 1814 г. Омар-хан отправил своего ташкентского наместника Раджаба-диванбеги на завоевание города Туркестана, находившегося в это время, по словам Мухаммед-Хакима, под властью бухарского эмира Хайдера. Фактическая власть в «Туркестанском владении» принадлежала одному из казахских султанов, упоминаемому в ферганских источниках под именем Токайтöре, который опирался, по-видимому, на силу местных казахских ополчений. Кокандские войска, подойдя ночью к городским укреплениям, незаметно открыли ворота и с криками ворвались в город, избивая и грабя растерявшиеся от неожиданности войска и местное население. Услышав об успехах своих войск, Омар-хан вскоре прибыл во вновь завоеванный город и завершил подчинение окружающих степных районов «от Окузтага до берегов Хазарского (т. е. Каспийского) моря».

К этому же времени относится сообщение одного из кокандских историков о признании власти Омар-хана казахским султаном Адыль-töре, владения которого находились, по-видимому, в юго-восточной части современной Казахской ССР, соответствующей прежнему Семиречью.

Таким образом обширные степные пространства, расположенные между Аральским морем на западе и бассейном реки Или на востоке, составлявшие владения Старшей и отчасти Средней казахских орд, вошли в состав Кокандского ханства. Правда, власть кокандских феодалов была здесь непрочна: не вынося притеснений

со стороны кокандских сборщиков налога, казахи или поднимали восстания, или откочевывали целыми аулами и волостями в недоступные для кокандцев районы. В такой же мере шатким было положение кокандской власти и в самом Ташкенте, который с большими усилиями был завоеван недавно ханскими войсками, с трудом удерживавшими теперь этот город в подчинении. Уже цитировавшийся выше Ф. Назаров, проживший некоторое время в Ташкенте летом 1814 г., рассказывает, что во время его пребывания в этом городе ташкентцы пытались свергнуть кокандское владычество, но заговор был раскрыт и виновные понесли жестокое наказание.

Несмотря на необычайно жестокие средства, применявшиеся кокандскими феодалами при подавлении казахских восстаний, казахи упорно продолжали бороться за свое освобождение от кокандского ига.

Одно из самых значительных по своему размаху восстаний произошло в 1821 г., будучи вызвано чрезмерно жестокими действиями посылавшейся перед тем очередной карательной экспедиции под начальством некоего Сейид-кул-бека. Восстание охватило обширный район от Туркестана до Аулие-Ата, с центром в Чимкенте и Сайраме. Несмотря на свою многочисленность, казахи не представляли серьезной организованной силы; каждое племя действовало на свой риск и страх, мало считаясь с общими интересами. Восставшие избрали начальника в лице одного из местных султанов, однако власть вновь избранного предводителя носила номинальный характер и не могла поэтому отразиться существенно на общем положении. Кокандские войска обложили крепости Чимкент и Сайрам, где засела большая часть восставших, и, пользуясь превосходством военной техники, принудили их сдаться. Ханская власть в казахских районах была снова восстановлена.

Одновременно с восстановлением политического господства кокандские ханы, начиная уже с Омара, стремятся укрепить также свое экономическое влияние в казахских районах. Около 1817 г. в низовьях Сыр-Дарьи возникает кокандская крепость Ак-мечеть (ныне Кызыл-орда), в 20-х годах XIX в. строится крепость и город Аулие-Ата (ныне Джамбул), в последующее время возводятся крепости Пишпек (ныне Фрунзе), Токмак и ряд других. Благодаря удачному расположению вновь вы-

строенных крепостей кокандцам удалось отрезать кочевую степь от горных летних пастбищ и тем самым поставить местное кочевое население под контроль кокандских гарнизонов. С целью расширить закупку кокандскими купцами сырья и усилить сбыт городской ремесленной продукции в степных районах кокандские правители устраивали около вновь заложенных крепостей базары и стремились привлекать на них кочевое население. Вокруг крепостей и базаров стали постепенно селиться торговцы, военные и другие выходцы из Коканда. Для обеспечения своих гарнизонов продовольствием и фуражом кокандские власти заботились о развитии здесь земледелия и производили с этой целью некоторые оросительные работы, в которых принимало участие и местное казахское население.

Стремясь укрепить и расширить свое идеологическое влияние на казахские степи, кокандские феодалы строили мечети и медресе во всех более или менее значительных населенных пунктах и распространяли в степях мюридизм, возглавлявшийся ферганскими ишанами.

Необходимо, однако, заметить, что в степных районах в связи с общей напряженностью обстановки выливавшейся нередко в открытые восстания, кокандская колонизация Семиречья не могла принять особенно значительных размеров. В дальнейшем, начиная с середины XIX в., она была прервана начавшимся продвижением русских войск.

* * *

Значительную роль в завоевательной политике кокандских ханов играли также горные районы, занятые киргизами. Киргизы делились на два крыла — правое и левое — и на ряд крупных независимых друг от друга племен, колен и поколений — адыгине, тагай, багыш, саяк, солто и ряд других, занимавших обширное пространство по северным и южным отрогам Тянь-Шаня, от бассейна рек Чу и Таласа на севере до Памирских предгорий на юге. На востоке кочевья киргизов доходили до равнинной части Кашгарии. Каждое из крупных племенных объединений управлялось своими предводителями, называвшимися манапами. В хозяйственном отношении киргизы были связаны с окружающими их оседлыми районами, в том числе с Ферганой, где они сбывали из-

лишки своей продукции и приобретали необходимые им изделия местной кустарной промышленности. Зависимость от кокандских ханов признавали только те киргизские племена, которые имели свои зимовки в пределах Ферганской долины; все прочие племена считались независимыми, за исключением тех, которые жили в пределах Кашгарии и состояли в китайском подданстве. Насколько обширны были районы ежегодных сезонных перекочевок отдельных киргизских племен видно из того, что киргизы, жившие зимой в долине озера Иссык-Куля, могли достигать во время летних своих передвижений района Кульджи на востоке, Ташкента на западе и Каратегина на юге. Наряду со скотоводством заметную роль у киргизов играло и земледелие, причем не только в районе Ферганы, но и в таких отдаленных от нее районах, как долина реки Чу или берега Иссык-Куля. Говоря о земледелии иссык-кульских киргизов, русский источник середины XIX в. отмечает при этом, что «бедные люди не имеют своих пашен, но, нанимаясь в услужение у богатых, получают за лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков». На почве торгового обмена северные киргизы были связаны также с Россией (через Сибирь), откуда они в обмен на свой скот и пушнину получали текстильные изделия, чугунные котлы, выделанные кожи и пр.

Военные действия против независимых киргизских племен начались, по словам кокандских историков, еще при Алим-хане, когда была совершена неудачная военная экспедиция в районе верховьев реки Нарына, где располагалась киргизская крепость Кетмень-тюбе.

Посланный Омар-ханом, по-видимому в 1821 г., отряд под начальством уже упоминавшегося выше Сейид-кул-бека, пройдя несколько трудных горных перевалов к северу от Намангана, овладел укреплением и по обыкновению произвел грабежи среди окружающего киргизского населения, после чего возвратился в Коканд, приведя с собою много пленных. Результатом экспедиции явилось подчинение кокандской власти обширного горного района верховьев Нарына, с проживавшим здесь киргизским населением племен багыш, саяк и сатока.

Вскоре хану было доложено, что киргизы племени сары-багыш, кочующие в районе горных перевалов к юго-востоку от Ферганской долины, совершают нападе-

ния на кокандских купцов и нарушают торговые сношения между Ферганой и Кашгарией. На этот раз хан решил воспользоваться враждой, существовавшей между отдельными киргизскими племенами, и для наказания сары-багышей использовал киргизское же племя кутлуг-сейид, занимавшее территорию в северной части Наманганского вилайета. В помощь посланным киргизским ополчениям было направлено некоторое количество ханских войск. Произведя, по словам В. П. Наливкина, массовые грабежи и убийства, во время которых не щадили ни женщин, ни детей, забрав большую добычу, главным образом в виде скота, и захватив массу пленных, посланные возвратились в Коканд, завершив таким образом задачу покорения ближайших к Фергане киргизских районов. В последующие годы кокандские ханы распространили свою власть на долину Алая, а также бассейн Иссык-Куля, до границ Кашгарии. Во всех вновь занятых районах кокандские правители строили укрепления, в которых помещались небольшие кокандские гарнизоны во главе с главным сборщиком налогов—зякетчи. Основной налог—зякет собирался в размере от $^1/_{40}$ до $^1/_{25}$ от общего поголовья скота, за исключением верблюдов, облагавшихся из иного расчета. Помимо официально установленного налога, сборщики регулярно, как бы по обычаю, собирали в свою пользу с каждой юрты по одному барану. Кроме того, ежегодно осенью производились особые сборы на содержание ханского двора в размере двух баранов с каждой юрты.

Богатые имели возможность делать «подарки» ханским сборщикам и таким образом освобождали свои стада от обложения, вследствие чего основная доля налогового бремени ложилась на массу наименее обеспеченного населения. Русские источники середины XIX в. отмечают, что «бедные лишаются постепенно достояния, а иногда и детей, которых отдают или богатым в услужение, или чиновникам хана в виде залога».

Не располагая достаточной вооруженной силой ни в киргизских, ни в казахских районах, кокандские ханы стремились управлять кочевыми районами при помощи местной, киргизской и казахской, знати. Для этой цели ханское правительство приблизило к себе наиболее видных биев и манапов, награждало их чинами и различными подарками и постепенно превращало их в своих по-

слушных слуг, оказывавших важную помощь кокандцам при сборе налогов с кочевого населения. Само собою разумеется, часть собранных в виде налога средств манапы и бии оставляли себе, что, наряду с постоянными злоупотреблениями кокандских сборщиков, способствовало еще большему увеличению налогового бремени. Отчасти под влиянием возникавших иногда разногласий между киргизскими правителями и кокандскими властями, отчасти в связи с притеснениями со стороны наиболее сильных племен некоторые из киргизских правителей обращались к русскому правительству с просьбой о принятии их в русское подданство. Так, в 1814 г. сибирским генерал-губернатором была принята делегация от киргизского племени бугу, занимавшего территорию по восточному берегу Иссык-Куля. Просьба была повторена в 1824—1825 гг., однако, ввиду дальности расстояния и трудности связи, переговоры не привели к каким-либо реальным результатам. Большинство киргизских племен продолжало оставаться в кокандском подданстве, хотя власть ферганских правителей часто носила здесь номинальный характер. Влияние оседлой культуры сказывалось только на той части киргизского населения, которая имела свои постоянные поселения — зимовки в Фергане.

Значительное расширение территории Кокандского ханства произошло при сыне и преемнике Омар-хана, Мухаммед-Али (Мадали). На этот раз объектом кокандской экспансии были расположенные к югу от Ферганы горные владения Каратегин, Дарваз и Куляб, занятые главным образом таджикским оседлым населением и управлявшиеся своими наследственными правителями, носившими иранский титул ша (шах). К юго-западу от Дарваза располагались Шугнан, Рошан, Вахан и ряд других мелких таджикских владений, территория которых нередко ограничивалась пределами одной-двух горных долин, отделенных почти непроходимыми горными хребтами от ближайших соседей. Каждое такое владение представляло собою более или менее замкнутую хозяйственную единицу с господствующим внутри нее натуральным хозяйственным укладом. Главной и почти единственной статьей ввоза из окружающих стран были хлопчатобумажные ткани и хлопок, посевы которого в горах не производились. В связи с недостатком земли и

слабым развитием кустарной промышленности, большинство взрослого мужского населения Каратегина и других горных владений уходило на временные заработки в Фергану, Бухару и другие соседние страны. Из промыслов местного значения в Каратегине имела место кустарная промывка песочного золота, частью скупавшегося на месте приезжими купцами, частью вывозившегося в Фергану.

В социальном строе всех припамирских таджикских владений было много общего. Господствующая роль всюду принадлежала наследственной местной аристократии, так называемым ша и их родственникам, сосредоточившим в своих руках лучшие земли в горных долинах. Родственники и приближенные ша получали в свое независимое владение отдельные округа и районы. Постоянно страдавшая от малоземелья масса крестьянского населения находилась в зависимости от крупных землевладельцев, выполняя в их пользу различного рода феодальные повинности, в том числе барщину, довольно широко распространенную во всех припамирских странах. Налоги с крестьян собирались натурой (хлеб, масло, кустарные изделия), так как денег в обращении здесь было чрезвычайно мало. Часть крестьянских земель располагалась по крутым склонам гор, где пахать плугом было нельзя, поэтому такие земли обрабатывались мотыгой.

Положение массы населения еще более ухудшалось в связи с войнами, которые часто вели между собой правители Дарваза, Каратегина, Шугнана, Бадахшана и других горных владений.

В борьбе, происходившей между правителями отдельных владений, нередко принимали участие также предводители узбекских племен, населявших Афганский Туркестан и отчасти некоторые припамирские владения. Наблюдались иногда случаи, когда во главе отдельных горных владений становились правители из узбеков, как это наблюдалось, например, в Бадахшане или Кулябе уже с XVI в.

Подчинив себе то или иное соседнее владение, завоеватель часто захватывал в плен местных жителей и массами продавал их в рабство в Бухару и другие соседние страны. В связи с этим работорговля в припамирских странах носила весьма распространенный характер

вплоть до второй половины XIX в., когда большинство этих владений с согласия царского правительства, было подчинено бухарским эмиром.

* * *

В период 20—30-х годов XIX в. Дарваз и Каратегин были объединены под властью дарвазского ша Султан Махмуда, управлявшего Каратегином через своих наместников.

Поводом для отправки кокандских войск в Каратегин и Дарваз послужило покровительство, оказанное местным правителем одному из сыновей покойного Алимхана, претендовавшему на кокандский престол.

Успешно преодолев труднопроходимые горные перевалы, кокандские войска в 1834 г. появились в Каратегине и в происшедшей кровопролитной битве нанесли поражение силам Султан Махмуда. Последний бежал в Дарваз, оставив Каратегин во власти кокандцев.

Действия кокандских наместников и их приближенных, рассматривавших всякую подчиненную им область, в том числе и Каратегин, главным образом как источник личного обогащения, не могли, разумеется, способствовать популярности новой власти среди местного населения. Воспользовавшись начавшимся недовольством жителей кокандским правителем, Султан Махмуд сделал попытку снова восстановить свою власть над Каратегином, но, не встретив достаточной поддержки населения, вынужден был сдаться прибывшим кокандским военачальникам. Вместе с Дарвазом изъявил свою покорность хану и соседний Куляб, управлявшийся одним из узбекских беков.

Так же, как в казахских или киргизских районах, власть кокандского правительства в горных таджикских областях была непрочна. Доведенные до крайности приезжими сборщиками налогов, жители нередко восставали и изгоняли кокандских наместников; власть снова переходила к представителям местных династий, управлявших некоторое время в качестве вассалов кокандского хана, а затем обретавших независимость.

Непрочность кокандской власти во всех вновь завоеванных районах особенно заметно проявилась в период смут, усилившихся в Кокандском ханстве в последние годы правления Мадали-хана. Начало этих смут отно-

сится еще к первым годам правления Мадали-хана, вступившего на ханский престол двенадцатилетним мальчиком. Подпав под влияние людей, угождавших его порочным наклонностям, Мадали стал удалять от себя и преследовать всех наиболее влиятельных сподвижников своего покойного отца. Укрепившийся при Омар-хане союз между ханской властью и верхушкой местной феодальной знати стал распадаться. Некоторые из вельмож подверглись ссылке, другие были казнены, третьи бежали в Бухару. Оставшаяся на месте группа старых сановников стала объединять вокруг себя всех недовольных правлением хана, подготовляя почву для его свержения. Успеху заговорщиков способствовало поведение самого хана, проводившего большую часть времени в пьянстве, гаремных наслаждениях и частых неудачных походах против Джизака и Ура-тюбе. Неудачными были и предпринимавшиеся Мадали-ханом походы против Кашгара, принадлежавшего в то время Китаю. Инициатором первого похода, состоявшегося в 1826 г., явился Джехангир-ходжа — потомок кашгарской династии ходжей, управлявшей этой страной еще в XVII—XVIII вв. Выступив на помощь Джехангиру, Мадали-хан не смог овладеть главной китайской крепостью, защищавшей столицу провинции, город Кашгар, и был вынужден возвратиться в Коканд с большими потерями.

Уже после ухода кокандских войск Джехангиру удалось с помощью киргизов и местного населения овладеть Кашгаром, однако после девятимесячного господства он был разбит и казнен в Пекине.

Новый поход против Кашгара был предпринят в 1830 г., но и на этот раз действия кокандских войск оказались неудачными.

Результатом обоих вторжений в Кашгарию явились не только значительные потери среди кокандских войск, но и массовое уничтожение кашгарских жителей китайцами, мстившими местному населению за поддержку, которую оно оказывало потомкам ходжей и кокандцам.

Огромное число жителей, пытавшихся уйти от мести китайских феодалов в Фергану, погибло по пути на труднопроходимых горных перевалах; некоторые эмигранты дошли до Ферганы и поселились здесь на свободных землях в восточной части долины, где потомки их живут и в настоящее время.

Такие же неудачные попытки вмешательства в кашгарские дела предпринимались со стороны ходжей и кокандского правительства и в дальнейшем, до 1864 г. включительно.

Все это, вместе взятое, вооружило против Мадали все слои населения. Духовенство вело открытую агитацию против хана, обвиняя его в различных пороках и преступлениях против шариата.

Не располагая достаточными силами для открытой борьбы с ханом, недовольные отправили в 1839 г. своих послов в Бухару к эмиру Насрулле с просьбой об оказании помощи против нежелательного им хана. Насрулла, владевший в это время городами Ура-тюбе и Джизаком, разбил высланные против него кокандские войска, подчинил себе Ходжент и направился к Коканду. Напуганный Мадали выслал навстречу эмиру посольство и подарки, уступил ему Ходжент и признал себя вассалом Бухарского ханства. С уходом бухарских войск Мадали продолжал преследования и казни неугодных ему лиц, еще более усиливая нараставшее против него недовольство. В столице ханства Коканде произошли волнения. Эмир Насрулла решил воспользоваться наступившими раздорами и снова двинул свои войска в пределы Кокандского ханства. Лишенные соответствующего руководства, кокандские войска всюду терпели поражение. Кокандский историк Аваз-Мухаммед объясняет успехи бухарцев главным образом тем ошеломляющим впечатлением, которое будто бы производила на кокандцев бухарская артиллерия, руководимая уже упоминавшимся выше персом («кызылбаш») Абдас-Самадом. В действительности решающей была та общая растерянность и разложение, которые царили среди правящих кругов Кокандского ханства, а также глубокое недовольство, назревшее среди народа против своих правителей. В этом отношении чрезвычайно показателен тот факт, что в критический момент, когда бухарские войска пошли в апреле 1842 г. на штурм столицы, «кокандская чернь» бросилась грабить город.

Успеху бухарцев способствовало также отсутствие укреплений вокруг Коканда. Мадали-хан вместе со своими близкими был зарезан в своей урде (ханский дворец в Коканде).

Оставленный Насруллой бухарский правитель и под-

чиненные ему чиновники и гарнизоны вызвали своими жестокими насилиями и грабежами массовое недовольство среди ферганцев, решивших призвать к власти одного из представителей прежней династии — племянника Нарбуты, Шир-Али-бека. Последний проживал в долине Таласа среди киргизов, был женат на киргизке и в период правления предшествующих ханов не принимал активного участия в политической жизни.

Мухаммед-Хаким рассказывает, что Шир-Али прибыл в Фергану с многочисленным войском «из киргизов, кипчаков и казахов» и вступил в борьбу с бухарскими гарнизонами. После изгнания бухарского наместника Шир-Али был провозглашен ханом и стал руководить подготовкой к защите ханства против предстоящего вторжения бухарских войск. Вокруг Коканда, Андижана, Намангана и других городов ханства были выстроены крепостные стены, за которыми жители могли найти себе защиту на случай вторжения неприятеля.

Казак Иван Марченков, находившийся в это время в бухарских войсках, рассказывает о Коканде следующее: «Город Коканд расположен на ровном месте, и при взятии его эмиром в прежний поход стены вокруг города не было; после же покорения эмир послал в Коканд для кладки стены своих мастеровых, но взбунтовавшиеся вскоре кокандцы всех мастеровых заложили в воздвигавшуюся стену и окончили ее сами». Избиение захваченных в плен бухарцев продолжалось около трех недель.

Предпринятый Насруллой новый поход закончился для бухарцев неудачно. В течение сорока дней кокандцы отразили девять штурмов.

Хивинский историк Агехи, излагая историю хана Алла-кули, сообщает, что, узнав о вторжении Насруллы в Коканд и желая помочь своему союзнику, кокандскому хану, Алла-кули направил свои силы против Бухары и окружил бухарскую крепость Чарджуй.

Не имея при этих условиях возможности долго оставаться в пределах Коканда, Насрулла снял осаду и возвратился в Бухару.

С уходом бухарских войск Кокандское ханство снова возвращает себе города Ходжент и Ташкент, захваченные бухарским эмиром после казни Мадали.

Едва успев оправиться от нанесенного удара, Кокандское ханство вступает в полосу глубоких внутренних по-

трясений, от которых оно уже не сумело оправиться до последнего момента своего существования. Основная причина начавшихся волнений заключалась в обострении аграрного кризиса, признаки которого намечались уже давно. Главнейшим из этих признаков было крайне тяжелое положение массы безземельного и малоземельного крестьянства, находившегося в кабальной зависимости от крупных землевладельцев — феодалов. Весьма показательной явилась также борьба, происходившая между оседлым и кочевым или полукочевым населением на почве раздела предгорий, в одинаковой мере удобных как для земледелия, так и для скотоводства. Активная роль в этой борьбе принадлежала не массе распыленного и бесправного крестьянского населения, а небольшой сравнительно группе крупных землевладельцев, в лице кипчакской родовой знати, с одной стороны, и феодальных владетельных кругов оседлых земледельческих районов, с другой.

Возникшее при Омар-хане объединение кочевых и оседлых феодалов вскоре нарушилось в связи с теми резкими изменениями, какие произошли, как уже отмечалось, в составе господствующего класса во время ханствования Мадали, особенно в последние годы, когда социальные противоречия достигли в Фергане предела. Бухарское нашествие и связанные с ним события нанесли окончательный удар остаткам той старой феодальной знати, которая составляла ядро господствующего класса при Омар-хане и продолжала еще сохранять то или иное влияние при его преемнике.

С приходом к власти Шир-Али значительно возрастает роль кочевого элемента, в первую очередь кипчаков, которые вместе с киргизами оказали весьма существенную помощь хану в его борьбе с бухарским вторжением. Еще до выступления Шир-Али один из видных кипчакских представителей, Мусульман-Кул, успел выдвинуться в качестве талантливого военного руководителя и организатора защиты Коканда от бухарцев в апреле 1842 г.

Опираясь на свои окрепшие во время последних военных событий племенные дружины, Мусульман-Кул и другие кипчакские предводители стали стремиться к захвату государственной власти, чтобы воспользоваться выгодами, какие были с нею связаны.

После небольшой стычки с ханскими войсками, возглавлявшимися чрезвычайно непопулярным в народе временщиком из таджиков — Шады, кипчаки в конце 1844 г. заняли столицу ханства Коканд. Шир-Али был оставлен на престоле, но фактическая власть в государстве перешла к Мусульман-Кулу и его соплеменникам кипчакам. После смерти Шир-Али, убитого в 1845 г. одним из его родственников, ханом был провозглашен малолетний сын погибшего, Худояр, а Мусульман-Кул был назначен регентом, т. е. фактическим главою государства. Господство кипчаков, занявших все руководящие военные и гражданские должности в ханстве, необычайно болезненно отражалось на положении оседлого. городского и сельского населения. Кипчаки отбирали дома и землю не только у прежних сановников, но и у рядового оседлого населения, требовали особой платы за воду для орошения, рубили без разрешения владельцев деревья, женились без уплаты калыма на местных девушках и т. д. Тяжелым бременем ложились на массу населения также военные походы, часто предпринимавшиеся Мусульман-Кулом против Ура-тюбе и Ташкента, неоднократно отпадавшего в это время от Ферганы и искавшего поддержки у Бухарского ханства.

Воспользовавшись наступившими на почве борьбы за власть раздорами среди кипчакских предводителей, Худояр-хан объединяет вокруг себя значительную массу недовольного кипчаками оседлого населения и постепенно подготовляет силы для нанесения решительного удара Мусульман-Кулу и его соплеменникам.

В октябре 1851 г. началось массовое избиение кипчаков, закончившееся их полным разгромом. Мусульман-Кул был казнен, огромные толпы кипчакского населения на глазах жителей истреблялись ханскими войсками. Земли казненных были конфискованы и розданы за определенную плату представителям оседлого населения. Отказывавшихся заставляли приобретать земли силой.

Разгром кипчаков не принес стране ожидавшегося спокойствия. Положение широких масс населения оставалось по-прежнему тяжелым, так как войны, которые вел Худояр-хан за обладание Ура-тюбе, а также за восстановление своей власти в Ташкенте, вызывали постоянное напряжение, еще более возраставшее вследствие начавшейся борьбы за власть между ханом и его братьями.

В разгар войны из-за Ура-тюбе и обострившихся враждебных действий между ханом и его братом Малля-беком, управлявшим Ташкентом, в Коканд пришло известие о занятии генералом Перовским Ак-Мечети, представлявшей собой сильнейшее укрепление в северной части кокандских владений.

В 1856 г., когда Худояр оставил на несколько дней столицу, здесь произошло восстание. Действуя под руководством некоего мирзы Мунаввара, восставшие оказали поддержку одному из появившихся в это время претендентов на ханский престол, изгнали и истребили всех ставленников и чиновников Худояр-хана. С прибытием в столицу ханских войск восстание было подавлено.

В такой же мере напряженной была обстановка и в кочевых казахских и киргизских районах, где произвол кокандских наместников и подчиненных им налоговых сборщиков не знал границ. Отобрав у бедняка последнее имущество и все же не насытив своей алчности, ханские чиновники отнимали у обездоленного степняка детей и продавали их в рабство в оседлые районы. В 1845 г. произошло восстание киргизов в Ошском районе, потребовавшее посылки специальной карательной экспедиции во главе с Мусульман-ханом. В 1857—1858 гг. началось новое восстание в казахских и киргизских районах на обширном пространстве между городами Туркестаном и Пишпеком. Восставшие разгромили высланные против них многочисленные кокандские отряды, однако с прибытием свежих войск во главе с Малля-беком восстание было подавлено с обычной жестокостью.

В 1858 г. Малля-бек с помощью киргизов и кипчаков сверг с престола своего брата Худояра и сам овладел верховной властью в ханстве. Желая вознаградить кипчаков за оказанную ему поддержку, Малля-хан издал приказ о том, чтобы все оседлые жители, которые купили в свое время то или иное количество кипчакской земли, возвратили бы половину ее прежним владельцам, а вторую половину продали бы им по первому требованию по той цене, по какой земля была куплена.

Приказ явился новым поводом для всякого рода земельных тяжб и споров, разрешение которых затянулось на долгое время и еще более обострило существовавший антагонизм между оседлым и полуоседлым населением.

В условиях ожесточенной борьбы между крупными землевладельцами и крестьянами, с одной стороны, и различными группами средних и мелких землевладельцев, с другой — правительство Малля-хана вынуждено было продолжать традиционные войны с Бухарой из-за Ура-тюбе и Джизака и одновременно выдерживать борьбу с различными претендентами на ханский престол. В это же время русские войска заняли большую часть северных кочевых окраин ханства и разрушили кокандские крепости Токмак и Пишпек. Последняя крепость вскоре была восстановлена присланными кокандскими войсками.

Хан начал готовиться к походу против нового неожиданного для него противника, но когда был отдан приказ о выступлении, войска отказались повиноваться. Малля-хан был вынужден возвратиться в столицу, где он в марте 1862 г. был убит своими приближенными.

Глава VII

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Литературоведы, историки, археологи и другие ученые, в той или иной мере интересовавшиеся прошлым среднеазиатской культуры, обращали свое внимание почти исключительно на средние века, богатые самыми разнообразными памятниками прошлого, начиная с сочинений выдающихся деятелей науки и искусства и кончая замечательными памятниками местного зодчества. Эпоха, на которой обычно заканчиваются исследования ученых,— XV в., когда в области умственного творчества соперничали между собою такие крупные центры интеллектуальной жизни, как Герат и Самарканд.

Лучшие традиции культурной жизни XV в. продолжали сохраняться и в XVI и, отчасти, в XVII в., хотя последнее из этих столетий характеризуется уже как период значительного упадка во всех областях культурного творчества.

Из приводившихся выше данных можно установить, что упадок культуры был обусловлен тем общим нарушением хозяйственной и общественно-политической жизни, какое наблюдаем мы в XVII в. во всех основных районах Средней Азии. Тот же упадок продолжается и на протяжении большей части XVIII в. и лишь постепенно начинает изживаться в первой половине следующего, XIX столетия, несмотря на постоянные войны, происходившие в это время между отдельными ханствами.

Средняя Азия в этот период не дала ни особо выдающихся имен, ни каких-либо замечательных открытий, которые могли бы представлять достаточно широкий ин-

терес и привлекали бы к себе внимание историков. В этой связи становится понятным, что история культурной жизни Средней Азии в XVIII — первой половине XIX в. изучена также недостаточно, как и в предшествующий период XVI—XVII вв.

Доступный в настоящее время, но пока крайне ограниченный материал позволяет все же утверждать, что полного разрыва с культурными традициями прошлого в Средней Азии в рассматриваемый период не было.

Наблюдавшийся в течение довольно длительного времени упадок городской жизни был изжит уже к концу XVIII столетия; произведенные в конце XVIII — начале XIX в. обширные оросительные работы способствовали повышению общего уровня производительных сил; значительно усиливались торговые связи Средней Азии с внешним миром, особенно с Россией. В соответствии с наблюдавшимся подъемом хозяйственной деятельности восстанавливалась также культурная жизнь. Необходимо вместе с тем отметить, что как в области производства, так и в сфере общественных отношений и культурного творчества на протяжении второй половины XVIII — начала XIX в. не наблюдается тех существенных качественных изменений, какими сопровождался происходивший в это время в Европе переход от феодального способа производства к капиталистическим отношениям. В Средней Азии, как и на всем Ближнем Востоке, продолжали господствовать те формы докапиталистических отношений, какие наблюдаем мы здесь и в более ранний период. Сказанное не означает, конечно, что качественные сдвиги целиком не имели здесь места, однако роль их в истории общественного развития стран Востока в это время еще крайне незначительна.

Изложенное выше подтверждается также историей культурной жизни народов Средней Азии, к краткому рассмотрению которой мы и перейдем.

* * *

Как и на всем мусульманском Востоке в эпоху феодализма, в Средней Азии продолжали существовать школы двух типов: низшая — мактаб (мектеб) и средняя (или высшая) — мадраса (медресе).

Мактаб представлял собою начальную конфессиональную школу, где дети в возрасте от 6 до 15 лет обу-

чались грамоте и воспитывались в духе мусульманского благочестия. Каждый оканчивающий курс мактаба должен был уметь читать одну или две религиозные книги, знать основные обязанности мусульманина и иметь представление о главнейших догматах ислама. Чтение книг на непонятных для учащихся арабском или книжно-персидском языках было обычно механическим: ученик заучивал на слух со слов учителя текст и произносил затем слова его по памяти. Рецидив неграмотности после нескольких лет обучения в мактабе представлял собою довольно обычное явление. Школы данного типа имели широкое распространение во всех оседлых районах. В городах мактабы, как и мечети, встречались почти в каждом квартале (махалля, гузар). Учителем мактаба обычно являлся имам (настоятель) ближайшей мечети, с которой школа представляла как бы неразрывное целое. Содержались мактабы за счет средств, собиравшихся с родителей учащихся. В городах и крупных населенных пунктах Средней Азии существовали также особого типа мактабы, с еще более низкой программой, специально для девочек, преимущественно дочерей богатых родителей. Как общее количество женских школ, так и число учащихся в них было ничтожно. В мактабах широко применялись телесные наказания.

Следует отметить, что сфера деятельности мусульманского духовенства не ограничивалась одними только оседлыми районами, но простиралась и на кочевую периферию — казахскую, туркменскую и киргизскую. Наряду с мечетями в кочевых районах открывались мактабы, помещавшиеся обычно в юртах. Впрочем, число мактабов было здесь весьма невелико. Значительную роль в распространении религиозной пропаганды в казахских степях играли татарские муллы.

Высшая мусульманская школа в Средней Азии, носившая, как указывалось, название «мадраса», также была чисто конфессиональным учебным заведением, программа которого была построена почти целиком на изучении богословской схоластики и шариата — мусульманского канонического права. Мадрасы существовали на доходы от принадлежавших им вакфных земель и прочих имуществ и таким образом, как и мактабы, в материальном отношении от казны не зависели.

В связи с тем обстоятельством, что коран и большин-

ство важнейших богословских сочинений написаны по-арабски, в программе мадрасы некоторое место уделялось арабской грамматике и языку. Из предметов, не имеющих непосредственного отношения к богословию, в мадрасах изучались первые четыре правила арифметики, а также начатки алгебры и геометрии (по Эвклиду). Впрочем, последние два предмета были представлены в тех сравнительно немногих школах, где имелись соответствующие «знатоки».

Срок пребывания в мадрасе, как и в мактабе, не был твердо установлен и продолжался от 8 до 15 и даже 20 лет. Отчасти в связи с этим обстоятельством возраст учащихся колебался от 15 до 40 и более лет.

По своему социальному составу учащиеся в мадрасе принадлежали к наиболее зажиточной и привилегированной части населения. Основной массой учащихся были жители оседлых районов — узбеки и таджики. В незначительном числе встречались также жители кочевых районов — казахи, киргизы (Ташкент, Фергана), туркмены (Хива, Бухара) и др.

Для окончания полного курса мадраса считалось необходимым прочитать под руководством мударриса (преподавателя) установленное количество книг по различным разделам богословия и шариата; экзаменов обычно не проводилось.

Окончившие полный курс обучения или прослушавшие его хотя бы частично, обычно занимали должности казиев (народных судей) или их помощников. Одни оканчивавшие получали должности имамов (настоятелей) мечетей, другие оставались при мадрасах, где становились затем мударрисами. В последнем случае особое предпочтение отдавалось тому, кому удалось окончить мадрасу или хотя бы немного поучиться в Бухаре, являвшейся главным рассадником богословских знаний во всех районах Средней Азии и отчасти в прилегающих к ней мусульманских странах.

Особенно значительный спрос на воспитанников мадрасы был в Бухарском ханстве, где духовные лица занимали множество различного рода административных и придворных должностей, закрепленных за духовенством еще со времен средневековья.

Общее число бухарских мадраса не может быть определено с необходимой точностью. Ханыков, посетивший

Бухару в 40-х годах XIX в., полагал, что число мадраса колеблется здесь от 180 до 200, Вамбери двадцатью годами позже считал их не более 80, с 5000 учащихся. Он же отмечал, что в бухарских мадраса встречаются учащиеся не только из всех районов Средней Азии, но и из северо-западной Индии, Кашмира, Афганистана, России и Китая, т. е. Китайского Туркестана. В последних десятилетиях XVIII в. число учащихся в бухарских мадраса достигало 30 тыс. человек. Неизвестно также общее число мадраса в Хивинском ханстве. В 40-х годах XIX в. количество названных учебных заведений в одной только столице ханства — городе Хиве, достигало, по словам Данилевского, 22.

Изучая длительное время коран и богословскую литературу и находясь все время под влиянием «ученых» схоластов, оканчивающий курс мадрасы, или хотя бы учившийся в ней достаточно длительное время, выносил оттуда твердое убеждение в том, что единственным источником знания являются религиозные книги, что только в них можно найти ответы на все запросы человеческого ума и что всякое знание, не имеющее своим источником коран или шариат, должно быть отвергаемо, как вредное новшество или ересь.

* * *

Говоря о литературном творчестве народов Средней Азии, необходимо предварительно заметить, что произведения большинства узбекских, таджикских и прочих поэтов и писателей Средней Азии изучены пока крайне недостаточно. До сих пор они остаются неизданными, непереведенными на русский и другие европейские языки и известны только по немногим рукописям или редким литографиям, выявление которых не может считаться завершенным. Не касаясь поэтому неясных вопросов, относящихся к творчеству отдельных писателей, отметим лишь те общие черты, которые можно признать характерными для большинства авторов рассматриваемого нами периода.

Нельзя прежде всего не указать на то обстоятельство, что так называемая суфийская поэзия, игравшая большую роль в средние века в персидской литературе, не утратила своего значения. Некоторые из поэтов посвящают свое творчество главным образом религиозным

сюжетам, как например весьма популярный стихотворец Суфи Аллаяр, уроженец города Катта-Кургана (ум. в 1730 г.), излагавший в своих стихах почти исключительно догматику ислама с некоторым оттенком мистической философии. Поэзия продолжает по-прежнему оставаться единственным видом художественного творчества. Прозой пишутся только богословские и исторические книги и сочинения. Форма поэтических произведений остается традиционной. Лирические сюжеты неизбежно облекаются в форму газели, в придворной поэзии продолжает господствовать хвалебная ода касыда, в которой поэт, пользуясь установившимися литературными приемами, восхваляет достоинства своего покровителя.

Огромное влияние на таджикскую литературу оказало творчество известного на всем Ближнем Востоке индо-персидского поэта конца XVII — начала XVIII в. Бедиля, уроженца города Азимабада в северо-западной Индии (1644—1730). В начале своей литературной деятельности Бедиль был связан с придворными кругами Великих моголов в Дели, но в дальнейшем он отошел от них. Большая часть произведений Бедиля это — своеобразные философские трактаты, написанные в стихотворной форме. На мировоззрении поэта отразилось все богатство философских исканий средневекого Востока как мусульманских стран, так и собственно Индии, с исключительным богатством и своеобразием ее философской мысли. В своих произведениях поэт нередко выражает критическое отношение к окружающей его неприглядной действительности, хотя в основе этой критики лежит не идея социальной справедливости и блага народных масс, а отвлеченная мораль суфийско-мистической философии, с некоторым налетом материалистических воззрений индийских средневековых мыслителей. Несмотря на это, антифеодальные настроения и философский скептицизм Бедиля представляют собою несомненно новое, прогрессивное явление, оказавшее известное положительное влияние на мировоззрение как современников поэта, так и последующих поколений его читателей. Свои мысли и чувства поэт-философ излагал в чрезвычайно трудной для понимания форме, вследствие чего его произведения были доступны сравнительно ограниченному кругу лиц.

Произведения Бедиля, написанные на персидском языке, пользовались популярностью также среди ираноязычного (таджикского) населения Средней Азии.

Наиболее заметно влияние индийского поэта-философа сказалось на произведениях таджикской литературы, возникшей в пределах Кокандского ханства в период правления Омар-хана. Омар-хан питал склонность к поэзии, писал стихи и собирал при своем дворе поэтов, среди которых наибольшей известностью пользовались Фазли, Мешреф, Хозик, Ада, Афсус, Надира (жена хана) и некоторые другие. Большинство их принадлежало к феодальной знати того времени. Избранные произведения хана и примыкавших к придворным кругам других поэтов составили обширный сборник «Собрание поэтов», куда входят стихи как на таджикском, так и узбекском языках. Большинство поэтов владело обоими этими языками в одинаковой степени. Несмотря на высокое формальное поэтическое мастерство, каким обладали, по словам А. К. Боровкова, многие кокандские придворные поэты, творчество их не внесло все же почти ничего нового в развитие узбекской и таджикской литературы. Значительная часть, если не большинство, написанных этими поэтами стихотворений, есть более или менее удачное подражание определенным образцам классической персидской литературы или произведениям знаменитого Навои. Большую роль играла хвалебная ода — касыда — удобная традиционная форма для выражения похвал и лести высокопоставленному покровителю. Какая-либо индивидуальность в таких произведениях отсутствует: одно стихотворение похоже на другое, «и только по подписи можно различить автора».

Поэты, не склонные восхвалять хана или пытавшиеся отнестись критически к окружающей их действительности, не пользовались, разумеется, покровительством ханского двора и нередко подвергались преследованиям. К числу таких поэтов принадлежали, в частности, Махмир, высказывавший в своих произведениях сочувствие угнетенному положению крестьян, а также Муджрим, вынужденный бежать от преследований придворной клики в Бухару, откуда он также был изгнан. Одним из выдающихся представителей оппозиционной, антифеодальной литературы являлся также вы-

ходец из народа — Гульхани, живший в постоянной нужде и лишениях.

Во всех среднеазиатских ханствах имелась также переводная литература, состоявшая из разнообразных произведений — народных романов, новелл и повестей, переводившихся главным образом с персидского языка и подвергавшихся в дальнейшем различным переделкам, придававшим иногда переводным произведениям некоторый местный колорит. Так, в 30-х годах в Шахрисябзе были переведены с персидского на узбекский язык популярные сборники рассказов индо-персидского происхождения «Чар дервиш» («Четыре дервиша») и «Рассказы попугая» («Тути-намэ»). Наряду с популярными произведениями, на узбекский язык переводились также поэтические сочинения с таджикского языка. Так, один из приближенных хивинского хана Алла-кули перевел на узбекский язык известные «Мемуары» таджикского поэта XVI в. Васифи. Переводческая деятельность среднеазиатских литераторов распространялась также на исторические сочинения, написанные на персидском языке. Крупнейшим из этого рода литературных работ был перевод на узбекский язык известного труда по всемирной истории Мирхонда, сделанный хивинским придворным историком и поэтом Мунисом в царствование Мухаммед Рахима.

С именем Муниса, происходившего из знати узбекского племени юз, связано также возникновение чрезвычайно важного труда по истории Хивинского ханства XVIII—XIX вв., к составлению которого автор приступил еще во время правления хана Эльтузера. Из прочих исторических трудов, написанных в Средней Азии в течение XVIII — первой половины XIX в., следует отметить «Историю Рахим-хана» Мухаммед Вефа, «Цветник царей» Мухаммед Якуба, «Извлечения из историй» Мухаммед Хакима и ряд других исторических сочинений.

Одним из наиболее известных поэтов среднеазиатского происхождения в XVIII—XIX вв. был туркменский поэт Махтум-кули, произведения которого распространялись не только среди его соплеменников-туркменов, но в значительной мере и среди узбеков, каракалпаков и других тюркоязычных национальностей. Махтум-кули родился в 30-х годах XVIII в. в юго-западной части современной Туркмении, затем жил в Хиве, где учился не-

сколько лет в медресе Ширали-хана, здание которого сохранилось до настоящего времени. Получив хорошее для своего времени образование, обладая глубоким знанием персидской и тюркоязычной литературы, Махтум-кули проявил необычайную чуткость также к устному творчеству своего родного народа, оказавшему глубокое и благотворное влияние на все последующее творчество поэта.

Не следуя слепо установившимся литературным традициям, хотя и не порывая с ними слишком резко, Махтум-кули внес в свои произведения значительный элемент народности, совершенно чуждой старой феодальной поэзии. Именно эта черта, способствовавшая отражению свойств и особенностей народного характера и приближавшая стихотворения Махтум-кули к произведениям безличного народного творчества, явилась главной причиной той необычайной популярности, какой пользуется поэт среди своего народа до настоящего времени. Явившись основоположником туркменской классической поэзии, Махтум-кули отразил в своих произведениях самые разнообразные черты своей эпохи, характеризуемой вообще господством религиозной идеологии и феодальными войнами не только между отдельными народностями Средней Азии, но и между родственными друг другу туркменскими племенами. Среди произведений Махтум-кули встречаются, помимо стихотворений лирического содержания, также стихи философские и религиозно-дидактические. В противоположность большинству современных ему мусульман Махтум-кули чужд веры в «загробную жизнь», о которой он ничего не говорит в своих произведениях. Некоторые из стихотворений Махтум-кули посвящены определению поэтического творчества и назначению поэта. В поэзии Махтум-кули видит дар пророка, в поэтическом творчестве — благочестивый подвиг.

Социальные мотивы также занимают видное место в поэзии Махтум-кули. Поэт идеализирует «добрые старые времена», выступает против несправедливостей социального строя и призывает туркменский народ к объединению для борьбы с внешними врагами. Одной из характерных черт Махтум-кули была его близость и любовь к родной природе, которую он и отразил в своих произведениях. Умер Махтум-кули около 1780 г.

* * *

Из всех видов искусства наибольшим распространением в Средней Азии пользовалась музыка как вокальная, так и инструментальная.

Вамбери и другие путешественники, посещавшие Среднюю Азию, отмечали «природную склонность» местного населения, оседлого и кочевого, к музыке и поэзии, что целиком подтверждается и позднейшими наблюдениями. Исполнитель народных песен и музыкант не только является желанным гостем на всяком семейном или общественном празднике, но пользуется исключительным вниманием также в повседневной жизни, особенно среди туркменов и других недавно еще кочевых народов.

Тесная связь музыки с поэзией у народов Средней Азии объясняется, по словам одного из современных исследователей, тем фактом, что «народные рассказчики на Востоке никогда не читают стихов, а всегда декламируют их нараспев, часто помогая себе в этой декламации музыкальным аккомпанементом». Таким образом для целого ряда популярных сюжетов создавались свои особые мелодии, входившие постепенно в репертуар народных певцов и музыкантов.

Значительным распространением пользовались также поэмы, исполнявшиеся в «речитативном стиле», как например поэма о Манасе у киргизов, ряд эпических произведений у казахов, «Гер-оглы» у туркменов, соответственно «Гур-гули» у таджиков, «Алпамыш-батыр» у каракалпаков, узбеков.

Наряду с общераспространенной народной музыкой среди узбеков, таджиков и туркменов существовала (и существует до сих пор) музыка классическая, представляющая собою плод высокой арабско-иранской культуры средних веков, в свое время оказавшей, как известно, большое влияние на развитие музыки у европейских народов. В противоположность безличному народному творчеству, произведения («макамы») классической музыки являются произведениями индивидуального творчества, на что указывают до сих пор сохранившиеся имена авторов некоторых пьес этого рода.

Центром классической музыки в Средней Азии была Бухара, куда приезжали учиться в XIX в. музыканты из Хивы и других менее отдаленных районов.

Из числа разнообразных музыкальных инструментов, струнных и духовых, наибольшим распространением пользуется двухструнный мелодичный дутар.

Танцы были распространены главным образом среди оседлого — таджикского и узбекского — населения.

Здесь же существовал народный театр, сведения о котором относятся почти исключительно к XIX в.

* * *

В заключение настоящей главы остается отметить, что наука и техника в среднеазиатских ханствах играла ничтожную роль, как это наблюдалось, впрочем, и в большинстве стран Ближнего Востока, за исключением Турции. О состоянии науки и просвещения говорилось уже выше в связи с характеристикой местной школы, вследствие чего останавливаться на этом вопросе здесь нет необходимости.

Промышленность как добывающая, так и обрабатывающая находилась на чрезвычайно низком уровне.

Добыча металла производилась в небольших размерах кустарным способом, применение каменного угля для плавки руды было неизвестно. На таком же уровне находилась и техника обработки металла. Добывавшегося на месте рассыпного золота не хватало для чеканки монеты, поэтому значительная часть этого металла ввозилась из России и отчасти из Ирана и других окружающих стран. Серебро в слитках также ввозилось из Китая, главным образом через Кокандское ханство. Из отчета уже упоминавшегося выше инженера Бутенева видно, что существовавшие в Бухаре в 1842 г. шесть чугунолитейных «заводов» (небольших кустарных предприятий) за отсутствием собственного чугуна занимались исключительно переплавкой русского лома, из которого изготовлялись наконечники для плугов (омачей). Из ввозного же металла (медь, чугун) отливались и пушки, производством которых занимались в основном пленные русские солдаты и отчасти выходцы из Ирана и Индии. Качество изготовлявшихся таким образом орудий было совершенно неудовлетворительно. В такой же мере неудовлетворительна и примитивна была техника обработки местного текстильного сырья, в частности хлопка, из которого изготовлялись только грубые кустарные ткани. В значительно лучшем положении находилась кустарная

обработка шелка, из которого в Бухаре и Коканде изготовлялись превосходные сорта материй, пользовавшихся заслуженной известностью далеко за пределами Средней Азии. Славились также и туркменские ковры, отличавшиеся необычайным своеобразием и красотой орнамента, а также прочностью своих красок.

Упадок художественного творчества и понижение уровня технических знаний заметно отразились на местной архитектуре, еще в XVII в. находившейся на довольно высоком уровне. Мозаика начиная уже с XVIII в. не применяется, ухудшается также качество майолики. Некоторое исключение представляет Хивинское ханство, где в первой половине XIX в. сооружается ряд дворцов, мечетей и медресе, отделка которых отличается высокими художественными достоинствами, как например дворец Ала Кули-хана и ряд других зданий, которые в настоящее время находятся под охраной государства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук.
ВИ — «Вопросы истории».
ВРГО — «Вестник Русского географического о-ва».
ВС — «Военный сборник».
ЖМВД — «Журнал министерства внутренних дел».
ЖМНП — «Журнал министерства народного просвещения».
ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Русского археологического о-ва».
ЗИВ — «Записки Института востоковедения Академии наук СССР».
ЗИРГО — «Записки императорского Русского географического о-ва».
ЗСОРГО — «Записки Сибирского отделения Русского географического о-ва».
ИАН — «Известия Академии наук СССР».
ИВГО — «Известия Всесоюзного географического о-ва».
ИМ — «Историк-марксист».
ИРАО — «Известия Русского археологического о-ва».
ИРГО — «Известия Русского географического о-ва».
ИСАОРГО — «Известия Среднеазиатского отделения Русского географического о-ва».
МИУТТ — «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР».
ПЗКЛА — «Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока».
САГУ — Среднеазиатский государственный университет.
САРГРУ — Среднеазиатское районное геологоразведочное управление.
СВ — «Советское востоковедение».
СЭ — «Советская этнография».
Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы.
ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Русского археологического о-ва».
ТИВ — «Труды Института востоковедения Академии наук СССР».
ТФАН — Туркменский филиал Академии наук.
ТЮТАКЭ — «Труды Южнотуркменской археологической комплексной экспедиции».
ЭВ — «Эпиграфика Востока».

КРАТКИЙ ОБЗОР ВАЖНЕЙШИХ ИСТОЧНИКОВ[1] ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ XV — СЕРЕДИНЫ XIX в.

Мы коснемся здесь в общих чертах только тех восточных сочинений, которые являлись для нас наиболее существенными при выполнении настоящей работы или же которые имеются в переводах на русский или западно-европейские языки и потому доступны читателю неспециалисту. К числу такого рода сочинений относятся следующие.

Для XV века:

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, В. Г. Тизенгаузена, т. I, Извлечения из арабских сочинений, СПб., 1884. На стр. 456—474 приведены извлечения из сочинения известного историка времен Тимура — Ибн Арабшаха, дающие ряд сведений о политической жизни тюркских племен, населявших северо-восточные окраины Золотой Орды и вошедших затем в состав узбеков и казахов.

Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузеном и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным, М.—Л., 1941. Для истории узбеков и казахов XV в. наибольший интерес представляют извлечения из «Книги побед» Низам-ад-дина-Шами, а также из сочинения неизвестного автора XV в. (стр. 232—242 текст, стр. 104—138 перевод).

Из неизданных и непереведенных сочинений заслуживает внимания Тарих-и Абулхайр-хани, «История хана Абул-хайра» (1428—1468), написанная на персидском языке в середине XVI в. Масудом, сыном Османа. Первая часть сочинения (до XV в.) носит компилятивный характер и интереса не представляет. Мы пользовались рукописью Института востоковедения Академии наук СССР под шифром С-478.

Для XVI века:

Шейбани-намэ («История Шейбани-хана»), соч. Мухаммед Салиха. Джагатайский текст, изд. проф. П. М. Мелиоранским, СПб., 1908. Историческая поэма, посвященная описанию подвигов Шейбани-хана (1451—1510). Описание событий доведено до первых лет XVI в. Имеется немецкий перевод, озаглавленный Die Scheibaniade. Ein özbegisches Heldengedicht in 76 Gesangen von Prinz Mohammed

[1] Добавления внесены в квадратных скобках (*Ред.*).

Salih aus Charezm, Text, Übersetzung und Noten von Herman Vambéry», Wien, 1885.

Шейбаниада, История монголо-тюрков на джагатайском диалекте, с переводом и примечаниями, изд. И. Березиным, Казань, 1849. Автор неизвестен. Сочинение содержит историю Шейбани-хана с первых дней его выступления среди узбеков до смерти в 1510 г.

Тарих-и Рашиди, соч. Мухаммед Хайдера. Сочинение посвящается истории ханов Моголистана, а также правителей Кашгарии XV — первой трети XVI в. Здесь же содержится ряд ценных сведений о происхождении и ранней истории узбеков и казахов. Обширные извлечения из этого труда в русском переводе даны В. В. Вельяминовым-Зерновым (см. ниже). Имеется английский перевод: «The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Mauhammad Haidar Dughlat, A history of the Moghuls of Central Asia, An english version, edited with commentary, notes and map by N. M. Elias, Consul — General for Khorasan and Sistan. The translation by E. Denison Ross», London, 1895.

Рецензия на это издание опубликована В. В. Бартольдом в ЗВОРАО, т. X, стр. 215—226.

Михман-намэ, соч. Рузбехана, составленное на персидском языке в первых десятилетиях XVI в. Автор сообщает довольно подробные сведения о жизни Бухарского ханства, о казахах и узбекско-казахских отношениях в первом десятилетии XVI столетия. Сведения о казахах в пересказе приведены в издании «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», Сб. I, Алма-Ата — Москва, 1935, стр. 102—111. Мы пользовались единственной в СССР рукописью, принадлежащей Институту востоковедения Академии наук УзССР в Ташкенте (см.: «Собрание восточных рукописей АН УзССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 60—61).

Хабиб-ас-сийяр, соч. Хондемира. Обширный труд на персидском языке по всеобщей истории, законченный автором около 1524 г. Наибольший интерес для нас представляют последние главы, посвященные описанию событий в Средней Азии и Хорасане в первых десятилетиях XVI в. Мы пользовались литографией, изданной в Бомбее в 1856—1857 гг. Об этом соч. см.: «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.— Л., 1938, стр. 8—9.

Бабур-намэ («Записки Бабура»), соч. Захир-эд-дина Бабура (1483—1530), одного из тимуридов, управлявшего Ферганой до завоевания ее узбеками в 1500 г. Изгнанный из Средней Азии Шейбани-ханом Бабур направился в Кабул и Индию, где основал империю Великих моголов, просуществовавшую до XIX в., когда Индия была окончательно завоевана англичанами. Текст Бабур-намэ издавался дважды: в Казани в 1850 г. и Лондоне в 1905 г. Английский перевод: «The Memoirs of Babur. A new translation of the Babur-nama...», by Beveridge A. S. Leiden, London, 1921; также французский перевод: Memoires de Baber. Traduits pour la premiére fois sur le texte Djagatai par Pavet de Courteille», Paris, 1871 (2 тома). Есть и частичные русские переводы: Н. Н. Пантусов, *Фергана по «Запискам» султана Бабура,* ЗИРГО, по отделу этнографии,

т. IV, отдел 1, стр. 151—199; В. Вяткин, *Самарканд и его окрестности в прошлом по описанию Султана Бабура Мирзы,* Справочная книжка Самаркандской области на 1896 г., стр. 30—37; С. И. Поляков, *Записки Бабера* («Бабер-намэ», изд. Ильминским), Казань, 1857; «Ежегодник Ферганской области», т. III, вып. 1904, Новый Маргелан, стр. 113—176, перевод с джагатайского (узбекского), крайне неудачный, см. рецензию А. Н. Самойловича в ЗВОРАО, т. XVII, СПб., 1906, стр. 074—083. Последний популярный русский перевод «Бабур-намэ» (первой части) опубликован в Ташкенте в 1948 г. См.: Захириддин Бабур, *Бабур-намэ,* перевод М. Салье, под ред. М. Шевердина, Госиздат УзССР, Ташкент, 1948.

Абдулла-намэ («История хана Абдуллы»), соч. Хафизи Таныша. Сочинение, составленное на таджикском языке, содержит подробную историю бухарского хана Абдуллы (1583—1598) с момента его рождения до завоевания им Герата в 997 г. хиджры — 1588—1589 гг. н. э. Мы пользовались рукописью Института востоковедения, шифр Д-88. Перевод отдельных отрывков из Абдулла-намэ дан В. В. Вельяминовым-Зерновым. Подробные данные о Абдулла-намэ см. в статье И. И. Умнякова «*Абдулла-намэ Хафизи Таныша и его исследователи*», в «Записках Коллегии востоковедов», т. V, 1930, стр. 307—328. Дополнительные сведения и некоторые поправки того же автора см. в «Трудах Самаркандского государственного педагогического института им. А. М. Горького», т. II, вып. 2, Самарканд, 1941, стр. 1—12. — О рукописях этого соч. см. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 65—66.

Для XVII века:

Тарих-и Мукими-хани («История Муким-хана»), соч. Мухаммед Юсуфа-мунши. Сочинение содержит историю бухарских ханов от начала XVI в. до 1704 г. включительно. Подробные извлечения из этого труда с французским переводом и подробными примечаниями были опубликованы в 1824 г. проф. О. И. Сенковским (I. Senkowsky) под заглавием «Supplément a l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols», St.-Pétersbourg, 1824. — Вышел перевод этого соч. А. А. Семеновым на русский язык: *Мукимхановская история (Тарих-и Мукими-хани) Мухаммед Юсуфа Мунши,* перевод с тадж. с предисловием, примечаниями и указателями, Ташкент, 1957.

Мухит-ат-таварих, соч. Мухаммед Эмина. Сочинение написано на таджикском языке, содержит историю бухарского хана Субхан-Кули (1680—1702). Первая часть труда, посвященная предшествующему времени, носит компилятивный характер и научного интереса не представляет. Об этом соч. см. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 43.

Шеджере-и-тюрк (генеалогия тюрков) соч. Абул-Гази, хивинского хана (1643—1663), на узбекском языке. Наибольший интерес представляют последние главы, посвященные описанию событий XV—XVII вв., особенно истории Хивинского ханства, а также туркменов. Имеется русский перевод под заглавием «Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, хивинского хана», перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906, перевод устарел. Лучшим переводом является французский: «Histoire des Mogols et des

Tatares par Aboul-Ghazi Béhadour Khan, publiée, traduite et annotée par le baron Desmaisons», St.-Pétersbourg, t. I texte, 1871, t. II trad. 1874.

Для XVIII века:

Убейдулла-намэ, соч. Мир Мухаммед Эмина бухарского. Труд посвящен истории Бухары и Афганского Туркестана в период правления хана Убейдуллы (1702—1711). Извлечения, частичный перевод и исследование этого труда даются в работе F. Teufel «Quellenstudien zum neueren Geschichte der Chanate», опубликованной в «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», 1884, S. 235—381. — См. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, Ташкент, 1952, стр. 75. Имеется русский перевод: Мир Мухаммед Амин-и Бухари, *Убайдулла-нама*, перевод с таджикского с предисловием чл.-корр. АН УзССР проф. А. А. Семенова, Ташкент, 1957.

Тарих-и Рахим-хани («История Рахим-хана бухарского»), соч. Мухаммеда Вефа. Излагаются события в Средней Азии, главным образом в Бухарском ханстве, за период с 1721 по 1757 г. Написано на таджикском языке. Мы пользовались рукописью Института востоковедения Академии наук СССР, шифр С-527. О рукописях этого соч. см. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, стр. 77—78 и «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, М.— Л., 1938, стр. 13—14.

Надир-намэ («История Надир-шаха, 1736—1747»), соч. Мухаммед Казима, на персидском языке. Труд содержит ряд важных сведений по истории Средней Азии в 30—40 годах XIX в. Единственная рукопись этого сочинения находится в Институте востоковедения Академии наук СССР, шифр, Д-430. Об этом соч. см. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, стр. 14—15, а также Н. Д. Миклухо-Маклай, *«Аламара-и-Надири»,* т. е. «(Книга) об устрашителе мира Надире», «Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР», т. VI. М.— Л., 1953.

Фирдаус-уль-икбаль, соч. хивинского придворного историка начала XIX в., на узбекском языке. Дается подробное описание событий в Хивинском ханстве в XVIII в. Довольно подробные извлечения из этой части труда Муниса приведены нами в русском переводе в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», изд. Института востоковедения Академии наук СССР, т. II, М.— Л., 1938, стр. 332—354. Ср. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, стр. 83—84.

Для XIX века (первой половины):

История Средней Азии, соч. Абдул-Керима бухарского, на таджикском языке. Автор описывает события, последовавшие после смерти Надир-шаха по 1240 г. хиджры — 1747—1825 гг. н. э. Текст и перевод изданы Шефером под заглавием: «Histoire de l'Asie Centrale... par Mir Abdoul Kerim Boukhary, publiée, traduite et annotée par Ch. Schefer», t. I texte, t. II trad., Paris, 1876— Об этом соч. см. еще «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, стр. 16—17.

Гульшен-аль-мулюк, соч. Мухаммед Якуба бухарского, составленные на таджикском языке в 30-х годах XIX в. в Бухаре. Первая часть труда носит компилятивный характер. Наиболее ценные сведения автор сообщает о событиях в Бухарском ханстве в конце XVIII — первой половине XIX в., свидетелем и участником которых он был. — См. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, стр. 83.

Записки мирзы Шемса бухарского, посвященные описанию главным образом Бухарского ханства в первой четверти XIX в., изданы проф. В. Б. Григорьевым, под заглавием: «*О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре. Записки мирзы Шемса Бухари, изданные в тексте, с переводом и примечаниями В. Б. Григорьева*», Казань, 1861.

Мунтахаб-ат-таварих, соч. Мухаммед-Хакима на таджикском языке, законченное в начале 40-х годов XIX в. Автор описывает события в Кокандском ханстве с момента его возникновения до конца правления хана Мадали (1822—1842). В нашем распоряжении находилась рукопись Института востоковедения Академии наук СССР, шифр С-470. Имеется перевод на староузбекском языке. Об этом соч. см. еще «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, стр. 87—88.

Джехан-нума, соч. ферганского историка Аваз Мухаммеда, посвященное всеобщей истории мусульманского мира, а также истории Кокандского и Бухарского ханств с древнейших времен по 1868 г. Сведения, относящиеся к периоду ранее первой половины XIX в., носят компилятивный характер.

Тарих-и Шахрохи, соч. Мулла Нияз Мухаммеда на таджикском языке. Автор описывает события в Кокандском ханстве с момента его возникновения по 1871 г. Сочинение издано под заглавием: *Таарих Шахрохи. История владетелей Ферганы, сочинение Муллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, кокандца,* изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1885. Краткий пересказ последних глав сочинения опубликован В. В. Бартольдом в ЗВОРАО, т. XI, 1899, стр. 105—114. — Ср. «Собрание восточных рукописей Академии наук УзССР», т. I, стр. 90.

История Хивинского ханства в XIX в., начатая уже упоминавшимся выше Мунисом и доведенная до начала 70-х годов его племянником, также придворным историографом, Агехи. Обширные извлечения из истории Мунисa — Агехи даны в русском переводе в цитированных выше «Материалах по истории туркмен и Туркмении», т. II, стр. 355—638 (главным образом в связи с туркменами). Краткий пересказ некоторых сообщений Агехи о событиях перед русским завоеванием дан В. В. Бартольдом в «Кауфманском сборнике», М., 1910, стр. 1—19. Более подробные сведения о данном труде хивинских историков см. в нашей статье в цитированных «Материалах», т. II, стр. 23—28[2]. Мы пользовались рукописью Института востоковедения Академии наук СССР, шифр Е-6.

---

[2] С более подробным описанием восточных сочинений по истории Средней Азии XV, XIX вв. желающие могут ознакомиться по работе А. А. Семенова, *Указатель персидской литературы по истории*

Особое место среди наших источников по истории XIX в. занимает *«История Туркестана»*, написанная на джагатайско-узбекском языке в период между 1908—1915 гг. в Ташкенте. Автор сочинения — мулла Алим Махмуд-хаджи, состоял некоторое время редактором официальной «Туркестанской туземной газеты» и был, повидимому, не только знаком с местными письменными источниками, особенно по истории Ферганы, но имел личное знакомство с представителями старого поколения ферганцев, от которых он сумел заимствовать ряд интересных сведений, не встречающихся в доступных нам исторических сочинениях. Первая, наиболее ценная часть труда, посвященная истории Ферганы (стр. 1—168), была первоначально напечатана на страницах названной выше газеты в промежуток между 1908—1915 гг., вторая часть — история Бухары и Хивы — была написана, по-видимому, около 1915 г.

Несмотря на сравнительно позднее появление труда муллы Алима, рассматриваемое сочинение по своему замыслу и манере изложения является все же типичным произведением традиционной старой среднеазиатской историографии, вследствие чего оно и рассматривается нами в обзоре источников, а не литературы.

Наибольшую ценность в сочинении муллы Алима представляют, как уже отмечалось выше, сведения по истории Ферганы в XIX в., в частности в период правления ханов Ширали и Худояра. Автор сообщает ряд интересных деталей, относящихся к моменту вторжения бухарских войск в Кокандское ханство, а также о той роли, какую уже в это время (1841) начал играть будущий регент ханства Мусульман-Кул. Значительный интерес вызывают также подробности, относящиеся к истории кипчакских восстаний в Фергане, а также отдельные эпизоды борьбы ферганских правителей за восстановление своей власти в Ташкенте, отошедшем от Ферганы после бухарского вторжения 1842 г.

Меньший интерес представляет вторая часть книги, посвященная истории Бухары и Хорезма (стр. 172—215), где автор ограничивается, за немногими исключениями, изложением более или менее общеизвестных сведений. Сведения о Туркестане во второй половине XIX в. чрезвычайно кратки и отличаются односторонним, несколько панегирическим характером, что отчасти, может быть, связано с тем официальным положением, какое занимал автор в период составления своего труда.

Помимо восточных исторических сочинений, в качестве источников для изучения рассматриваемого нами периода XVI—XIX вв. большое значение имеют также различного рода исторические документы в виде ханских ярлыков, вакфных грамот, документов ханских канцелярий и т. д., собранных в значительном количестве в Ташкенте, Самарканде, Хиве и других городах Узбекистана, отчасти, в Ленинграде и Москве. К сожалению, почти все эти документы до сих пор остаются неизданными и не имеют даже элементарных описей, вследствие чего привлечение их в качестве материала для исследования того или иного вопроса возможно только в

узбеков в Средней Азии, Ташкент, 1926. Там же указываются основные труды европейских ученых, посвященные описанию восточных рукописей. Из новейших трудов этого рода следует отметить каталог Storey G. A., *Persian Literature, A bio — bibliographical survey,* section 2, fasc. 1, London, 1935.

отдельных случаях. Среди немногих изданных образцов подобных исторических источников можно отметить деловые документы из семейного архива бухарских духовных феодалов XVI в.— так называемых шейхов джуйбари[3], небольшое число документов из судебной камеры главного самаркандского казия XVI в.[4], а также архив хивинских ханов XIX в.[5] и некоторые другие, в частности публикация А. А. Семенова[6].

---

[3] *«Из архива шейхов джуйбари. Материалы по земельным и торговым отношениям Средней Азии XVI в.»*, изд. Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1938 (на тадж. яз.). [Опубликованы и переводы, см. П. П. Иванов, *Хозяйство джуйбарских шейхов*, М.—Л., 1954, стр. 87—328.]

[4] *«Казийские документы XVI века»*, изд. Комитета наук Узбекской ССР (тадж. текст; некоторые из документов снабжены переводом на русский язык), Ташкент, 1938.

[5] П. П. Иванов, *Архив хивинских ханов XIX в. Исследование и описание документов с историческим введением*, с предисловием И. Ю. Крачковского, изд. Гос. публ. библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л., 1940.

[6] А. А. Семенов, *Очерк земельноподатного устройства б. Бухарского ханства* (несколько документов XVII—XIX вв. в тексте с русским переводом и введением), Ташкент, 1929.

ЛИТЕРАТУРА [1]

I. Труды классиков марксизма-ленинизма

Маркс К., *Капитал*, т. I, М. 1955, стр. 153.

Маркс К., *Капитал*, т. III, М. 1955, стр. 816.

Маркс К., *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 24.

Энгельс Ф., *Действительно спорный пункт в Турции* (К. Маркс и Энгельс Ф., Сочинения, т. 9, изд. 2), стр. 12, 14.

Энгельс Ф., *Происхождение семьи, частной собственности и государства*, М., 1953, стр. 170.

Ленин В. И., *Развитие капитализма в России* (Сочинения, т. 3, изд. 4), стр. 158—159.

II. Источники и справочные издания

Абду-с-Саттар-казы, *Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века.* Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович, Пг., 1914.

Абул-Гази Бехадур хан, *Шаджара-и таракима, Родословная туркмен.* Пер. А. Туманского, Асхабад, 1897. Abulghasi Behadur Chani, *Historia Mongolorum et Tatarorum nunc primum tatarice edita auctoritate et munificentiâ illustrissimi comitis Nicolai de Romanzoff Imperii Russici Cancellarii supremi,* Casani, 1825.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Архив Главного управления наместника края, Тифлис, 1866—1876, т. VI, № 1054—1058, 1061—1064, 1070, 1071, 1075—1079 *«Командировка майора Пономарева и капитана Муравьева в Туркмению и Хиву для переговоров об установлении беспрепятственных торговых сношений между Россией и Хивинским ханством».*

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией, Архив главного управления наместника края, Тифлис, 1866—1876, т. VI, № 1069 *«Замечание капитана Муравьева о туркменах*

---

[1] Список литературы составлен по картотеке П. П. Иванова. В него включены основные сочинения по данному вопросу, доступные для широкого круга читателей. Для полноты добавлены новые труды, вышедшие после 1941 г. (со знаком *). Сюда не включены источники, указанные в кратком обзоре.

и хивинцах и мысли об устройстве крепости на восточном берегу Каспийского моря и о распространении нашей торговли с Хивой (1820 г.)».

Александров В., *Поездка капитана Капытовского на Мангышлак в 1745 г., Отчет Петровского О-ва об исследовании Астраханского края за 1895 г.*, Астрахань, 1897.

Андрианов Б. В., *К вопросу о причинах запустения земель древнего орошения на Куня-Дарье и Жаны-Дарье* (ИВГО, т. 86, вып. 5, 1954).

Арандаренко Г. А., *Досуги в Туркестане*, СПб., 1889.

Аристов Н. А., *Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности* («Живая старина», 1896, вып. III—IV).

Abbot James, *Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersbourg*, London, 1884.

Бабер Захириддин, *Бабер-намэ, или Записки султана Бабера*, изд. в подлинном тексте Н. И. Ильминского, Казань, 1857.

Бартольд В. В., *Извлечения из «Тарихи-шахрохи»* (ЗВОРАО, т. XI).

Бартольд В. В., *История культурной жизни Туркестана*, Л., 1927.

Бартольд В. В., *История турецко-монгольских народов*. Конспект лекций, читанных студентам Казахского высшего педагогического института в 1926—1927 уч. году, Ташкент, 1928.

Бартольд В. В., *История Туркестана* («Труды Туркестанского государственного университета», вып. 2), Ташкент, 1923.

Бартольд В. В., *К истории орошения Туркестана*, СПб., 1914.

Бартольд В. В., *К истории Хорезма в XVI в.* («Туркестанские ведомости», 1903, № 20).

Бартольд В. В., *Киргизы*, Фрунзе, 1927.

Бартольд В. В., *Отчет о командировке в Туркестан с научной целью* (ЗВОРАО, т. XV).

Бартольд В. В., *Очерк истории туркменского народа, Туркмения*, т. I, Л., 1929.

Бартольд В. В., *События перед хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка*, М., 1910.

Бартольд В. В., *Таджики. Исторический очерк* (Сб. «Таджикистан», Ташкент, 1925.)

Бартольд В. В., *Туркестан в эпоху монгольского нашествия* ч. I — тексты, СПб., 1898; ч. II — исследование, СПб., 1900.

Бартольд В. В., *Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских* («Хлопковое дело», 1924, № 11—12).

Бартольд В. В., *Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в.* (ЗИРГО, т. XXXIV, 1909).

Беляев И. А., *Из истории туркмен Закаспийской области* [ПЗКЛА, вып. 2, Ашхабад, 1916 (перевод неточен, необходимо пользоваться туркменским текстом)].

[Беневени Ф.] *«Реляции из Бухары»*. В кн.: А. Попов, *Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом* (ЗИРГО, кн. IX, 1853).

Берг Л. С., *История исследования Туркмении. Туркмения*, т. I, Л., 1929.

Березин И. Н., *Шейбаниада. История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями, изданная И. Березиным* («Библиотека восточных историков», т. I, Казань, 1849).

* Бертельс Е. Э., *Литературное прошлое туркменского народа* («Совет эдебияты», № 9—10; 1944).

[Бланкеннагель] «*Путевые заметки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—94 гг.*», с примечаниями В. В. Григорьева (ВРГО, т. XXII, 1858).

Бларамберг И. Ф., *Историческая записка о прибрежных туркменских поселениях со времени вступления их в сношения с русским правительством. Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюк-Караган* (ЗИРГО, кн. IV, СПб., 1850).

Блоквилль Гулибеф, *Четырнадцатимесячный плен у туркменцев* («Всемирный путешественник», т. I—II, ч. I, СПб., 1867).

[Боголюбов А. А.] «*Ковровые изделия Средней Азии*, Избранные собрания, составленные А. А. Боголюбовым», т. I—II, СПб., 1908—1909.

[Бернс А.] «*Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию, Персию, предпринятом по предписанию Высшего правительства Индии в 1831, 1832 и 1833 годах лейтенантом Ост-индийской компанейской службы Александром Бернсом*», М., 1848—1849.

Брагинский И. С., *К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955).

Бурнашев Т., *Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 и обратно в 1795 году* («Сибирский вестник», издаваемый Григорием Спасским, 1818, ч. I и III, СПб., 1818).

[Бутаков А. И.] «*Дневные записки плавания А. И. Бутакова на шхуне «Константин» для исследования Аральского моря в 1848—1849 гг. По рукописным материалам Узбекской и Украинской государственных публичных библиотек, подготовил к печати заслуженный библиотекарь УзССР, канд. ист. наук Е. К. Бетгер*», Академия наук УзССР, Ташкент, 1953.

Бутенев К., *Заводское дело в Бухарии* («Горный журнал», 1842, кн. X, ч. IV).

Бутенев К., *Монетное дело в Бухарии* («Горный журнал», 1842, кн. XI, ч. IV).

Бутенев К., *Об увеличении сбыта изделий русских горных заводов в Бухарии* («Горный журнал», 1842, кн. XI, ч. IV).

[Baddeley John F.] «*Russia, Mongolia, China. Being some record of the relations between them from the beginning of the XVII-th century to the death of the tsar Alexci Mikhailovich A. D. 1602—1676 rendered mainly in the form of Narratives dictated or written by the envoys sent by the russian tsars, or their voevodas in Siberia to the kalmuk and mongol khans & princes, and to the emperors of China. With introductions, historical and geographical also a series of maps showing the progress of geographical knowledge in regard to Northern Asia during the XVI-th, XVII-th & early XVIII-th centuries. The texts taken more especially from manuscripts in the Moscow Foreign Office archives.* The whole by Baddeley John F.», vol. I—II, 1919, London.

Barthold W., *XII Vorlesungen über die Geschichte der Türken*

Mittelasiens («Die Welt des Islams», t. XIV, XV, XVII, Leipzig, 1932—1934).

[Bretschneider E.] «*Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century by E. Bretschneider*», vol. II, London, 1910.

Вельяминов-Зернов В. В., *Исследование о касимовских царях и царевичах* (ТВОРАО, ч. I—3, СПб., 1863—1866).

Вельяминов-Зернов В. В., *Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России с Средней Азией со времен кончины Абуль Хайр хана (1748—1765)*, т. I—II, Уфа, 1853—1855.

Вельяминов-Зернов В. В., *Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана* (ТВОРАО, ч. 2, 1856).

Веселовский Н. И., *Иван Данилович Хохлов, русский посланник в Персию и Бухару в XVII в.* (ЖМНП, 1891, кн. 1).

Веселовский Н. И., *Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего*, СПб., 1877.

Веселовский Н. И., *Посольство в Хиву Ивана Матвеевича Федотьева и его статейный список пребывания в Хиве, 1669—1670* («Туркестанские ведомости», 1882, № 20).

Веселовский Н. И., *Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях. По документам Московского главного архива Министерства иностранных дел* (ЖМНП, СПб., 1884, кн. 7).

Веселовский Н. И., *Статья о Иване Федорове, посылавшемся в Юргенч в 1668—1670 гг.* («Туркестанские ведомости», 1882, № 20).

Винский Г. С., *Проект о усилении Российской с Верхнею Азиею торговли через Хиву и Бухарию [1819 г.]* («Русский архив», 1878, № 4).

Вяткин В. Л., *Каршинский округ, организация в нем войска и события в период 1212—1217 (1800—1803 гг.)* (ИСАОРГО, т. XVIII, 1928).

Вяткин В. Л., *Материалы к исторической географии Самаркандского вилайета* («Справочная книжка Самаркандской области», 1902, вып. 7).

Вяткин В. Л., *Шейхи Джуйбари* («В. В. Бартольду. Туркестанские друзья, ученики и почитатели», Ташкент, 1927).

Vambery H., *Die Scheibaniade. Von Prinz Mohammet Salih aus Charezm.* Text, Ubersetzung und Noten, Wien — Budapest, 1885.

Гаврилов М. Ф., *О ремесленных цехах в Средней Азии и их статутах-рисоля* («Известия Средазкомстариса», вып. 3, Ташкент, 1928).

Гаврилов М. Ф., *Рисоля сартовских ремесленников. Исследование преданий мусульманских цехов*, Ташкент, 1912.

Галкин М. Н., *Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю*, СПб., 1869.

Гейер И. И., *Туркестан*, изд. 2, испр. и доп. автором, со статьей «*Семиреченская область*», составленной А. Л. Кирснером, Ташкент, 1909.

Гейнс А. К., *Дневник 1866 г. Путешествие в Туркестан* (Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898.)

Гейнс А. К., *О зякете* (Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898.)
Гейнс А. К., *Управление Ташкентом при Кокандском владычестве (как характеристика администрации среднеазиатских городов)* (Собрание литературных трудов, т. II, СПб., 1898.)
Гирс Ф. К., *Отчет о состоянии туркестанского края, составленный сенатором тайным советником Гирсом, командированным для ревизии края по высочайшему повелению, в двух частях: Администрация, управление краем*, ч. I; Суд, финансы, ч. II, СПб., 1888.
[Гладышев, Муравин] *«Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. Издана с приобщением современной карты Миллерова пути от Орска до Зюнгорских владений и обратно Я. В. Ханыковым»*, СПб., 1851.
Григорьев В. В., *Еще о коканских монетах и событиях* (ИРЛО, т. IV, 1863).
Григорьев В. В., *Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковой крепости* (ЗИРГО, кн. II, 1861).
Гулямов А. Г., *Памятники города Хивы*, Ташкент, 1941.
Данилевский Г. И., *Описание Хивинского ханства* (ЗИРГО, кн. V, 1851).
* Дахшлейгер Г. Ф., *О периодизации дореволюционной истории народов Казахстана* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период»), Ташкент, 1955.
«Дело 1714—1718 гг. об отправлении лейб-гвардии Преображенского полка капитана-поручика князя Александра Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву» («Материалы Военно-ученого архива Главного штаба», т. I, СПб., 1871).
Денике Б. П., *Архитектурный орнамент Средней Азии*, М.— Л., 1939.
Денике Б. П., *Искусство Средней Азии*, М., 1927.
Дженкинсон, *Известия англичан о России XVI в.*, пер с англ. с пред. С. М. Середонина («Чтения в Имп. обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1884, кн. 1, *Путешествие Дженкинсона в Хиву и Бухару*).
Добросмыслов А. И., *Города Сыр-Дарьинской области. Казалинск, Перовск, Туркестан*, Ташкент, 1912.
Добросмыслов А. И., *Ташкент в прошлом и настоящем. Исторический очерк*, Ташкент, 1912.
[Ефремов Ф.] *«Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора, десятилетнее странствование и приключения в Бухарии, Хиве, Персии и Индии, возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим»*, СПб., 1786.
«Early voyages travels to Russia and Persia by Anthony Genkinson». Ed. by E. Q. Morgan and C. A. Coote, vol. I, London, 1886.
Eversmann E., *Reise von Orenburg nach Buchara*. Nebst einem Wortverzeichniss aus der Afghanischen Sprache begleitet von einem naturhistorischen Anhange und einer Vorrede von H. Lichtenstein, Berlin, 1822.
Жуковский В. А., *Развалины старого Мерва*, СПб., 1894.
Жуковский С. В., *Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие* («Труды Общества русских ориенталистов», № 2, Пг., 1915).

Загряжский Г., *Юридические обычаи киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву. Материалы для статистики Туркестанского края* («Ежегодник», изд. Туркестанского статистического комитета, под ред. Н. А. Маева, вып. IV, СПб., 1876).

Залесов Н., *Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г.* (ВС, т. XXVI, 1861, № 11).

«Записки Н. Н. Муравьева-Карского, 1821» («Русский архив», М. 1888, № 1, 2, 3).

[Назаров Ф.] *«Записки о некоторых народах и землях средней Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Кокант в 1813 и 1814 годах»*. СПб., 1821.

* Засыпкин Б. Н., *Архитектура Средней Азии*, М., 1948.

Земляницын И., *Исторический очерк Семипалатинска, Материалы для статистики Туркестанского края* («Ежегодник», изд. Туркестанского статистического комитета под ред. Н. А. Маева, вып. IV, СПб., 1876).

Зимин Л. А., *Вакуфные документы* («Туркестанские ведомости», 1910, 19 декабря, франц. пер. в «Revue du monde musulman», vol. XIII, 1911).

Зимин Л. А., *Зерцало побед и его значение для истории Кокандского ханства* («Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент, 1913).

Зимин Л. А., *Первые шаги Алим-хана на государственном поприще* («Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии», Ташкент, 1913).

Иванов П. П., *Архив хивинских ханов XIX в. (Исследование и описание документов с историческим введением). Новые источники для истории Средней Азии* (ЗИВ, т. VII, М.—Л., 1940).

Иванов П. П., *Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве 1821—1825 гг. Источники и опыт их исследования* (ТИВ, т. XXVIII, М.—Л., 1937).

Иванов П. П., *Из области среднеазиатской хозяйственной терминологии* (ИАН, по Отд. обществ. наук, 1935, № 8).

Иванов П. П., *История царствования Сеид Мухаммед-хана (1856—1865). Гульшен-и девлет. Соч. Мухаммед Риза мираба Агехи.* (В сб. «Материалы по истории каракалпаков», ТИВ, т. VII, М.—Л., 1935.)

Иванов П. П., *К истории развития горного промысла в Средней Азии. Краткий исторический очерк*, Л., 1932.

Иванов П. П., *Казахи и Кокандское ханство. К истории их взаимоотношений в начале XIX в.* (ЗИВ, т. VII, М.— Л., 1939).

Иванов П. П., *Каракалпаки* (Статья из подготовленного издания «Народы СССР») (СЭ, т. IV, М., 1940).

Иванов П. П., *Новые материалы по истории Средней Азии (по поводу открытия архива Хивинских ханов)* (ИМ, 1937, № 3).

Иванов П. П., *Очерк истории каракалпаков* (ТИВ, т. VII, М.— Л., 1935).

Иванов П. П., *Материалы к изучению истории каракалпаков.* В кн.: Кара-Калпакия («Труды I конференции по изучению производительных сил Кара-Калпакской АССР», т. I, Л., 1934).

Иванов П. П., *Новые данные о каракалпаках. Исторические заметки* (СВ, № 3, М.— Л., 1945).

Иванов П. П., *Сайрам* (Сб. «Ал-Искандерия», Ташкент, 1923.)
* Иванов П. П., *Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв.*, М., 1954.
Игнатьев Н., *Миссия в Хиву и Бухару в 1858 году флигель-адъютанта полковника Н. Игнатьева*, СПб., 1897.
«Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. — (вводная статья В. Разумовской)» («Красный архив», т. II, 1939).
* Ильясов С. И., *О патриархально-феодальных отношениях кочевых народов Киргизии* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955).
* «История народов Узбекистана», т. 2, Ташкент, 1947.
Карелин Г. С., *Путешествие по Каспийскому морю* (ЗИРГО, кн. X, 1883).
Карпов Г. И., *Очерки по истории Туркмении и туркменского народа*, Ашхабад, 1940.
Карпов Г. И., *Племенной и родовой состав туркмен*, Полторацк, 1925.
Карпов Г. И., *Родословная туркмен* («Туркменоведение», 1928, № 12; 1929, № 1).
Карпов Г. И., *Туркмения и туркмены* [*Историко-этнографический очерк*] («Туркменоведение», 1929, № 10, 11).
Карпов Г. И., *Туркмены* [*Материалы к истории туркменских племен*] («Туркменоведение», 1929, № 4).
Катанаев Г. Е. *Киргизские степи. Средняя Азия и Северный Китай в XVII—XVIII веках* (ЗСОРГО, т. XIV, 1893).
* Кибиров А. К., *О периодизации истории народов Киргизии в досоветскую эпоху* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955).
Килевейн Е., *Отрывок из путешествия в Хиву и некоторые подробности о ханстве во время правления Сеид-Мухамед-хана* (ЗИРГО, кн. I, 1861).
Костенко Л. Ф., *Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России*, т. I—III, СПб., 1880.
«*Краткое описание Бухарии и Хивы*» («Сибирский вестник», издаваемый Гр. Спасским, СПб., ч. 1, 1823).
Кун А. Л., *Очерки Кокандского ханства* (ИРГО, т. XII, 1876).
Кун А. Л., *Очерки Шагрисебзского бекства* (ЗИРГО, кн. VI, 1880).
Кун А. Л., *Поездка по Хивинскому ханству в 1873 году* (ИРГО, т. X, 1874).
Кушева Е. Н., *Среднеазиатский вопрос и русская буржуазия в 40-е годы XIX в.* («Исторический сборник», т. III, Л., 1934).
Conolly A., *Journey to the north of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan*, 2 ed., London, 1838.
Courant M., *L'Asie centrale aux XVII-e et XVIII-e siécles empire kalmouk ou empire mantchou?* («Annales de l'université de Lyon», nouvelle serie II, Droit, Letters. Fascicule 26, Lyon — Paris, 1912).
* Левина В. А., *Архитектура али-элинцев* (ТЮТАКЭ, т. III, М., 1953).

Лэн-Пуль, Стенли, *Мусульманские династии, хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями,* перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб., 1899.
Lansdell H., *Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv,* vol. II, London, 1885.
Lerch P., *Khiva oder Kharezm, seine historischen und geographischen Verhältnisse (Mit einer Karte von Khiva),* St. Petersbourg, 1873.
Масальский В. И., *Туркестанский край, Россия,* под ред. Семенова-Тянь-Шанского, т. XIX, СПб., 1913.
Массон М. Е., *Археологические исследования в Узбекистане* (Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет», Ташкент, 1939.)
* Массон М. Е., *Ахангеран. Археолого-топографический очерк.* Ташкент, 1953.
* Массон М. Е., *Время и история сооружения «Гумбеза Манаса» (по данным анализа надписей на памятнике)* (ЭВ, III, 1949).
* Массон М. Е., *К исторической топографии Герата XV в.,* в кн.: «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948.
Массон М. Е., *Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии за время с 917 по 1927 г.* («Известия Средазкомстариса», вып. III, Ташкент, 1928).
* Массон М. Е., *О былых охотничьих парках в Средней Азии* («Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XVII, Сталинабад, 1953).
Массон М. Е., *Результаты поездки в долину Таласа для выяснения истории горной промышленности* (САРГРУ, Бюллетень № 2, Ташкент, 1930).
* Массон М. Е., *Самарканд времени Улугбека* («Звезда Востока», 1948, № 5).
* Массон М. Е., *Схематическая карта Средней Азии второй половины XV в.,* Ташкент, 1941.
* Массон М. Е. и Пугаченкова Г. А., *Шахрисябз при Тимуре и Улугбеке* («Труды САГУ, Археология Средней Азии», Новая серия, вып. 61, Гуманитарные науки, кн. 6, Ташкент, 1953).
«Материалы по истории каракалпаков» (ТИВ, т. VII, 1935).
«Материалы по истории туркмен и Туркмении» (ТИВ, т. I, VII—XV вв., М.— Л., 1939; т. II, XV—XIX вв., М.— Л., 1938).
* Миклухо-Маклай Н. Д., *Труды Мухаммед-Казима и его значение для истории туркмен* («Известия ТФАН», 1945, № 5—6).
Минаев И. П., *Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи,* СПб., 1879.
Мирза-Шемс Бухари, *О некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре. Записки Мирзы-шемса Бухари, изданные в тексте с переводом и примечаниями В. В. Григорьевым,* Казань, 1861.
Михайлов Ф. А., *Сказание о завоевании текинцами Ахала* («Протоколы заседаний и сообщения членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока», вып. 1, 1914—1915).
Мулла Нияз-Мухаммед-Бен-Ашур Мухаммед, *Тарихи-шахрохи, История владетелей Ферганы,* изд. Н. Н. Пантусов, Казань, 1885 (на перс. яз.).
[Муравьев Н. Н.] *«Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. гвардейского Генерального штаба капитана Николая*

Муравьева, посланного в сии страны для переговоров», ч. 1—2, М., 1822.

Мухаммед Казим, *Надир-намэ*. Рукопись Института востоковедения Академии наук СССР, Д-430.

Мухаммед Риза мираб (Агехи), *Шахид-и икбал, извлечения в русском переводе В. Бартольда* (в кн. «Кауфманский сборник», М., 1910).

Мушкетов И. В., *Туркестан, Геологическое и орографическое описание по данным, собранным во время путешествий с 1874 г., по 1880 г.*, т. I, ч. 1, изд. 2-е, Пг., 1915.

Mac-Gahan J. A., *Campaignung on the Oxus and Fall of Hhiva*, London. 1876.

Meyendorff G., *De voyage d'Orenbourg à Boukhara en 1820 à travers les steppes qui s'etendent a l'Est de la mer d'Aral et au-delà de l'ancien Yaxartes, Revue par M. le chevalier Amedée Joubert*, Paris, 1826.

Meer Izzut — Oollah, *Travels in Central Asia in years 1812—1813, translated by captain Henderson, attached to the foreign office of the government of India*, Calcutta, 1872.

«Memoir on the Uzbek state of Khokan in Central Asia by W.—H. Wathen», Calcutta, 1834.

Mir Abdoul Kerim Boukhary, *Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva. Khoqand) depuis les dernières années du reigne de Nadir Chah (1153) jusqu'en 1233 de l'Hégire (1740—1818)*, publiée, traduite et annotée par Charles Schefer, Paris, 1876.

* Набиев Р. Н., *О периодизации истории народов Узбекистана с древнейших времен до присоединения к России* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955).

Наливкин В. П., *Краткая история Кокандского ханства*, Казань, 1886.

* Насонов А. Н., *Туркмены в XIV—XV вв. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.*, Ашхабад, 1954.

Небольсин П., *Очерки торговли России с странами Средней Азии, Хивой, Бухарой и Коканом со стороны Оренбургской линии* (ЗИРГО, кн. X, 1856).

«О положении дел в Средней Азии в конце XVIII в.» («Сибирский вестник», 1818, ч. 2).

«Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» (ЗИРГО, кн. III, 1849).

Панков А. В., *К истории торговли Средней Азии с Россией в 1675—1725 гг. Торговля с Бухарой* («Известия САГУ», т. XIX, Ташкент, 1929).

Панков А. В., *К истории торговли Средней Азии XVI—XVII вв.* (Сб. «Икт-ал-джуман» В. В. Бартольду, Ташкент, 1927.)

Пантусов Н., *Архив Кокандского хана* («Туркестанские ведомости», 1876, № 12).

Пантусов Н., *Данные о истории Ферганы в XIX в.* (ЗИРГО по отд. этнографии, кн. VI, 1880).

Пантусов Н., *О податях и повинностях, существовавших в б. Кокандском ханстве, в последнее время Худояр-хана* («Туркестанские ведомости», 1876, № 16).

Пантусов Н., *О Тарих-и-Шахрохи и др. рукописях кокандского ханства* («Туркестанские ведомости», 1876, № 28, 30, 37).
Пантусов Н. Н., *Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве* («Туркестанские ведомости», 1876, № 80).
Пашино П. И., *Записка о производительных силах Туркестанской области. Доклад Русскому географическому обществу* (ИРГО, т. III, 1867).
Пашино П. И., *О фабричной и торговой деятельности в Туркестанской области* (ИРГО, т. III, 1867).
* Перепелицына Л. А., *О влиянии культуры русского народа на культуру народов Туркестанского края* («Труды САГУ», вып. 51, Филологические науки, кн. 5, 1954).
Петровский Н. В., *Очерк Кокандского ханства* («Вестник Европы», кн. 10, 1875).
«Показания афганцев и туркмен, сопровождавших в 1840 г. английских путешественников Аббота и Шекспира из Герата в Хиву и оттуда на Каспийское море» (ЗИРГО, кн. I, 1867).
Попов А., *Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом* (ЗИРГО, кн. IX, 1853).
[Поспелов и Бурнашев] *«Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г., с примечаниями Я. Ханыкова»* (ВРГО, т. I, ч. 1, отд. VI, 1851).
[Потанин Н.] *«Записки о Коканском ханстве хорунжего Потанина (1830), с предисловием П. Савельева»* (ВРГО, т. VI, ч. 18, СПб., 1856).
* Потапов Л. П., *О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955).
* Пугаченкова Г. А., *Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв.* (ТЮТАКЭ, т. I).
* Пугаченкова Г. А., *К вопросу о реконструкции ансамбля Дорус — Сиадат, тимуридской усыпальницы в Шахрисябзе, Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана*, 1950.
«Путевые записки майора Бланкеннагеля о Хиве в 1793—1794 гг.» (ВРГО, т. 22, 1858).
* Рожкова М. К., *Экономическая политика правительства и русская буржуазия на Среднем Востоке во второй четверти XIX века* (ИАН, серия истории философии, 1948, № 5).
* Росляков А. А., *О периодизации истории народов Туркменистана в досоветскую эпоху* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955).
[Рукавкин Данила] *«Описание пути от Оренбурга к Хиве и Бухарии с принадлежащими обстоятельствами бывшего при отправлении в 1753 г. из Оренбурга в те места купеческом караване самарского купца Д. Рукавкина»* («Новости литературы», 1823, № 34).
Русинов В. В., *Водно-земельная община у туркмен*, Ташкент, 1918.
«Русские в Бухаре в 1820 г. (записка очевидца)» («Справочная книга Оренбургского края на 1871 г.»).
Рычков Н., *Дневные записки путешествия... в киргис-кайсацкой степи 1771 году*, СПб., 1772.

Рычков П. И., *История Оренбургская (1730—1750)*, под ред. и с прим. П. М. Нутьяра, Оренбург, 1896.
Рычков П. И., *Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии*, ч. 1—2, СПб., 1762.
Савельев П., *Бухара в 1835 году. С присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посещавших этот город до 1835 г. включительно*, СПб., 1836.
Самойлович А. Н., *Книга рассказов о битвах текинцев. Автор: Абдус-Саттар Казы, из племени Махтум 7 лет был судьей в Хиве* (ЗВОРАО, т. XVI, СПб., 1906).
Самойлович А. Н., *Один из списков «Родословного древа туркменского» Абуль-Гази-хана (описание шестого списка)* («Доклады Академии наук СССР», 1927, вып. 2).
Самойлович А. Н., *Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях. Материалы по истории каракалпаков* (ТИВ, т. VII, М.—Л., 1935).
Самойлович А. Н., *Хивинские маршруты первой половины XIX века по Каракумам* (Сб. «С. Ф. Ольденбургу к 50-летию научно-общественной деятельности», Л., 1934.)
* *Сборник «Россия и Туркмения в XIX в.»*, Ашхабад, 1946.
«Сведения о Бухарии» (ЖМВД, 1835, № 11, ч. 18).
[Северцов Н.] *«Путешествия по Туркестанскому краю и исследование горной страны Тянь-Шаня, совершенная по поручению императорского Русского Географического Общества Н. Северцовым»*, СПб., 1873.
* Семенов А. А., *Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре* (СВ, 1948, № 5).
* Семенов А. А., *К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбанихана* («Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XII, вып. 1, 1954).
Семенов А. А., *К истории бухарских мангытов* («Бюллетень САГУ», № 6, 1924).
* Семенов А. А., *Культурный уровень первых шейбанидов* (СВ, 1956, № 3).
Семенов А. А., *Очерк поземельно-податного и налогового устройства бывшего Бухарского ханства* («Труды САГУ», сер. II, вып. 1, Ташкент, 1929).
* Семенов А. А., *Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени* («Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XXV, вып. 2, 1954).
* Семенов А. А., *Первые шейбаниды и борьба за Мавераннахр* («Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XII, вып. 1, 1954).
* Семенов А. А., *Шейбани-хан и завоевание им империи тимуридов* («Труды Академии наук Таджикской ССР», т. XII, вып. 1, 1954).
Серебренников А. Г., *Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания*, Ташкент, 1839—1915.
Соболев Л., *Новейшая история Бухарского и Кокандского ханств* («Туркестанские ведомости», 1876, № 26 и следующие).
Стасов В. В., *Трон хивинских ханов* («Вестник изящных искусств», т. IV, вып. 5, 1886.

Султан Нурекин, *Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 г.* («Туркестанские ведомости», 1872, № 35).

Czaplicka M. A., *The turks of Central Asia in history and at the present day. An ethnological Inquiry into the Pan — Turanian Problem, and bibliographical material relating to the early turks and present turks of Central Asia,* Oxford, 1918.

«Selections from the Government of India Foreign Department», № XXXIX, Calcutta 1863. (Report of journey to Kokan).

Schuyler E., *Turkistan. Notes of a journey in Russian, Turkistan, Khokand, Bukhara and Kuldja,* 2 vols, London, 1886.

Терентьев М. А., *История завоевания Средней Азии, с картами и планами,* т. I—III, СПб., 1906.

* Толстов С. П., *По следам древнехорезмийской цивилизации,* М., 1949.

«Торговые сношения Московского государства с народами Средней Азии XVI—XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», Л., 1932.

* Троицкая А. Л., *Архив кокандских ханов XIX века. Предварительный обзор* (Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Труды, II [V], Л., 1957).

* Троицкая А. Л., *Военное дело в Бухаре в первой половине XIX века (По материалам Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)* («Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР». т. XVII, Сталинабад, 1953).

Уляницкий В. А., *Сношения России с Средней Азиею и Индиею в XVI—XVII вв.* (по документам Московского Главного архива Министерства иностранных дел, М., 1889).

Умняков И. И., *Абдулла-намэ-Хафизи-Танышка и его исследователи* («Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР», Л., 1930).

[Унковский И.] *«Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии И. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Документы, изданные с предисл. и примеч. действ. чл. Н. И. Веселовского»,* 1887.

[Фишер И. Е.] *«Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием, сочиненная на немецком языке и в собрании академическом читанная членом Санкт-Петербургской Академии наук и профессором древностей и истории, так же членом исторического Геттингского собрания И. Е. Фишером»,* СПб., 1774.

* Хамраев А. Х., *К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX веке* («Труды САГУ», новая серия, вып. IV, Гуманитарные науки, кн. 11, Ташкент, 1948).

Ханыков Н. В., *Описание Бухарского ханства,* СПб., 1843.

Ханыков Н. В. *Народы Средней Азии. Материалы для статистики Туркестанского края* («Ежегодник», вып. 3, СПб., 1874).

Хорошхин А., *Очерки Ташкента* («Русский инвалид», 1867, № 94, 113, 116, 243; «Туркестанские ведомости», 1873, № 19).

Хорошхин А. П., *Сборник статей, касающихся до Туркестанского края,* СПб., 1876.

«Хрисанфа митрополита Новопатрасского о странах Средней Азии, посещенных им в 1790 годах. Издал с введением и объяснениями В. В. Григорьев», М., 1861.

* Чехович О. Д., *К вопросу о периодизации истории Узбекистана XVI—XVIII вв.* («Известия Академии наук УзССР», 1954, № 5).
* Чехович О. Д., *К истории Узбекистана в XVIII веке* («Труды Института востоковедения Академии наук УзССР», вып. 3, Ташкент, 1954).
* Чехович О. Д., *Новая коллекция документов по истории Узбекистана* (ИАН, т. III, 1951).
* Чехович О. Д., *Об актовых материалах по истории Бухары* (ИАН, т. XVI, М., 1945).
* Чехович О. Д., *Собрание восточных актов в Академии Наук Узбекистана* (ИАН, т. XXVI, 1948).
Чулошников А. П., *К истории феодальных отношений в Казахстане в XVII—XVIII вв.* (ИАН, Отд. обществ. наук, 1936).
Чулошников А. П., *Казахский союз и Московское государство в конце XVII в.* [Материалы] (ИАН, Отд. общ. наук, 1936).
Чулошников А. П., *Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI—XVII вв.* (МИУТТ, ч. I, Л., 1932 [1933]).
* Шахматов В. Ф., *О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Казахстана* («Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период»), Ташкент, 1955.
«Шейбаниада». История монголо-тюрков на джагатайском диалекте с переводом, примечаниями и приложениями И. Березина. Казань, 1849.
Яворский И. Л., *Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг. Из дневников члена посольства д-ра И. Л. Яворского,* т. I и II, СПб., 1882—1883.
* Якубовский А. Ю., *Павел Петрович Иванов как историк Средней Азии* (СВ, 1948, № 5).
* Якунин А., *К вопросу об оценке характера национальных движений 30—40 гг. XIX в. в Казахстане* (ВИ, 1951, № 4).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Вместо введения. (Несколько предварительных замечаний об «Очерках по истории Средней Азии» П. П. Иванова.) 3

Средняя Азия в XVI—XVIII вв.

Глава V. Узбеки и казахи до расселения их на территории Средней Азии 15
Глава II. Шейбани-хан и его завоевания. Образование Бухарского и Хивинского ханств 46
Глава III. Бухара и Хива в XVIII в. Образование Кокандского ханства 89

Среднеазиатские ханства в первой половине XIX в.

Глава IV. Бухарское ханство 117
Глава V. Хивинское ханство и туркмены . 148
Глава VI. Кокандское ханство 178
Глава VII. Культурная жизнь народов Средней Азии в XVIII — первой половине XIX в. 214
Список сокращений 226
Краткий обзор важнейших источников по истории Средней Азии XV — середины XIX в. 227
Литература 234

Павел Петрович Иванов

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ
(XVI в. — СЕРЕДИНА XIX в.)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

*

Редактор издательства *З. Д. Кастельская*
Художник *В. И. Щербаков*
Художественный редактор *Л. С. Эрман*
Технический редактор *Л. Т. Цигельман*
Корректоры *Е. Г. Григорьева, Е. А. Мамиконян*

*

Сдано в набор 12/VII-58 г.
Подписано к печати 17/X-58 г.
Т-09296. Формат 84×108 1/32. Печ. л. 7,75
Усл. п. л. 12,71. Уч.-изд. л. 13,70
Тираж 3800 экз. Зак. 1634
Цена 8 руб.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
193	19 сверху	среда	среди
247	4 сверху	Глава V	Глава I